

ДЖОРДЖ
ЭЛИОТ

*Мельница
на Флоссе*

АЗБУКА-КЛАССИКА

Азбука-классика

Джордж Элиот

Мельница на Флоссе

«Азбука-Аттикус»

1860

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Элиот Д.

Мельница на Флоссе / Д. Элиот — «Азбука-Аттикус»,
1860 — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-23066-8

Мэри Энн Эванс, писавшая под псевдонимом Джордж Элиот, автор знаменитых книг «Мидлмарч» и «Мельница на Флоссе», вошла в историю английской литературы как выдающийся мастер поздневикторианского романа, провозвестник новой психологической прозы рубежа XIX и XX веков. Авторитет ее в сфере литературы у современников был непререкаем, на нее взирали как на учителя жизни и называли Сивиллой, сама королева Виктория была ревностной поклонницей ее таланта, а ее слава и прижизненный успех сопоставимы во всем XIX веке только с достижениями Чарльза Диккенса. Во многом автобиографичный роман «Мельница на Флоссе», вошедший в настоящее издание, – один из лучших в английской литературе романов воспитания. Он рассказывает историю жизни и любви Мэгги Талливер, самой обаятельной из всех созданных писательницей героинь.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-23066-8

© Элиот Д., 1860
© Азбука-Аттикус, 1860

Содержание

Книга первая	6
Глава I	6
Глава II	8
Глава III	12
Глава IV	21
Глава V	25
Глава VI	31
Глава VII	38
Глава VIII	52
Глава IX	58
Глава X	67
Глава XI	71
Глава XII	78
Глава XIII	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Джордж Элиот

Мельница на Флоссе

© Г. А. Островская (наследники), перевод, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

* * *

«Не различились они и в смерти своей»

Книга первая Брат и сестра

Глава I Окрест Дорлкоутской мельницы

По широкой равнине, раскинув зеленые берега, спешит к морю Флосс, и прилив, как нетерпеливый влюбленный, стремясь реке навстречу, сливается с нею в пылком объятии. Этот могучий прилив несет темные корабли, груженные смолистыми сосновыми досками, тугими мешками льняного семени или черным сверкающим углем, к городку Сент-Огг, что стоит между невысоким лесистым холмом и обрывистым берегом реки; крутые крыши из красной черепицы и широкие фронтоны портовых складов, загораясь под мимолетным взглядом февральского солнца, бросают на воду мягкие багряные блики. По обе стороны тянутся вдаль тучные пастбища и полоски темной земли, вспаханной под весенние посевы или покрытой нежным пушком озими. Кое-где еще видны золотые шапки прошлогодних стогов, и над живыми изгородями повсюду кроны деревьев; кажется, что мачты и коричневые паруса проплывающих вдали судов вздымаются прямо из ветвей раскидистого ясеня. Сразу за красноверхим городком во Флосс впадает его приток – Рипл. Как красива эта быстрая речушка, покрытая живым узором темной ряби! Когда я брожу по ее берегам и внимаю ее тихому, спокойному голосу, словно голосу любящего, хотя и неспособного услышать меня друга, она представляется мне живым существом. Мне не забыть старых ив, купающих ветви в воде. Мне не забыть каменного моста.

А вот и Дорлкоутская мельница. Не могу не постоять минуту-другую на мосту, чтобы полюбоваться на нее, хотя на небе собираются тучи и уже близок вечер. Даже сейчас, на исходе февраля, когда деревья еще не оделись листвой, на нее приятно смотреть, а возможно, холодная и сырая погода только прибавляет очарования уютному чистенькому домику, такому же старому, как вязаи и каштаны, укрывающие его от порывов северного ветра. Река полна до краев, вода поднялась так высоко, что затопила лозняк и покрыла чуть ли не всю лужайку перед домом. Когда я гляжу на полноводный поток, на сочную траву, на нежный светло-зеленый лишайник, скрадывающий очертания могучих, чуть поблескивающих стволов и путаницу ветвей на пурпурных обнаженных суках, мне думается – нет ничего прекраснее воды, и я завидую белым уткам, которые плавают среди лозняка и окунают свои головки глубоко в воду, не заботясь о том, какая непривлекательная картина открывается взору тех, кто глядит на них сверху.

Шум воды и гул мельницы, словно огромная завеса из звуков, отделяют вас от внешнего мира и, навевая немую дрему, как будто еще усиливают безмятежный покой всего окружающего. Но вот слышится грохот – это катит домой громадный фургон, набитый мешками с зерном. Честный возница думает об обеде, который – увы! – все еще томится в печи, несмотря на поздний час; но он не прикоснется к нему, пока не накормит своих лошадей – выносливых безответных животных, которые, чудится мне, с мягким укором поглядывают на него из-за шор своими кроткими глазами: к чему так ужасающе щелкать над их головами кнутом – точно они нуждаются в этом намеке! Видите, как они напрягают все мышцы, одолевая подъем к мосту, тем усерднее, чем ближе они к дому. Посмотрите на их громадные с мохнатыми бабками ноги, словно впивающиеся в землю, на их сильные выи, покорно склоненные под тяжелыми хомутами, на могучие крупы с играющими под кожей мускулами. Хотелось бы мне услышать их ржание, когда они получают свой заработанный тяжким трудом овес, поглядеть, как, опустив освобожденные от упряжи потные шеи, они нетерпеливо погрузят морды в мутную воду пруда.

Вот они уже на мосту, а там – вниз, все ускоряя свой бег, и задок фургона скрывается за деревьями на повороте дороги.

Теперь я могу снова обратить взор к мельнице и глядеть, как из-под неутомимого колеса вылетают алмазные струи. Вон та маленькая девочка в меховом капоре тоже смотрит на реку; с тех пор как я на мосту, она не двинулась со своего места у самой воды. Смешная белая собачонка с коричневым ухом прыгает и ревниво лает на колесо, безуспешно протестуя против того, что ее подруга столь поглощена его движением. Я думаю, девочке пора бы уже домой, где так заманчиво горит яркий огонь, – красноватые отблески пламени далеко видны в сгущающихся сумерках. Пора и мне убрать локти с холодного каменного парапета моста...

Ах, у меня и в самом деле онемели руки. Все это время мои локти тяжело опирались на ручки кресла, и мне чудилось, что я стою на мосту перед Дорлкоутской мельницей, точно такой, какой она была февральским вечером много лет назад. До того как я задремал, я собирался поведать вам, о чем говорили мистер и миссис Талливер, сидя в гостиной у пылающего камина в тот самый день, который мне приснился.

Глава II

Мистер Талливер, хозяин Дорлкоутской мельницы, объявляет о своем решении относительно Тома

– Чего бы я хотел, понимаешь, – начал мистер Талливер, – чего бы я хотел – так это дать Тому дельное образование, чтоб он имел свой кусок хлеба. Вот это и было у меня на уме, когда я передал, что забираю его от Джейкобза на Благовещение. Думаю послать его с Иванова дня в другую, путную школу. Кабы я прочил его в мельники или фермеры, двух лет у Джейкобза было бы за глаза; он проучился куда больше, нежели довелось мне: моя наука отцу не дорого встала – только и всего что букварь под нос да розгу под хвост. Ну а Тома я бы хотел сделать малость поученей, чтобы его не могли обвести вокруг пальца все эти господа, что красно говорят и подписываются с этаким росчерком. Был бы мне подмогой в разных там тяжбах да арбитражах и всем таком прочем. Форменного законника я из парня делать не собираюсь – не хочу, чтоб он негодяем вышел, – а так, что-нибудь вроде механика, или землемера, или аукциониста и оценщика, как Райли, или мастака по какой-нибудь другой части, где только знай себе загребай денежки и никаких расходов на обзаведение, разве что на толстую часовую цепочку да высокий табурет. Все они, по-моему, на один лад, да и законами их не запугаешь. Райли перед стряпчим Уэйкемом глаз не опустит, все равно что кот перед котом. Уж он-то его не боится.

Речь мистера Талливера была обращена к жене, миловидной белокурой женщине лет сорока, в чепце с оборками наподобие веера. (Страшно подумать, как давно носили такие чепцы, – они, наверно, вот-вот опять войдут в моду. В то время они только появились в Сент-Огге и считались премиленькими.)

– Что ж, мистер Талливер, тебе виднее. Я-то ничего не имею против. А только, может, зарежем мы на будущей неделе пару кур да позовем к обеду дядюшек и тетюшек, послушаем, что про это думают сестрица Глегг и сестрица Пуллет. У нас есть птица, которая так и просится под нож!

– Перережь хоть весь птичий двор, Бесси, коли твоей душе угодно, но спрашивать, что мне делать со своим родным сыном, я не намерен ни у тетюшек, ни у дядюшек, – с вызовом ответил мистер Талливер.

– Господи помилуй! – воскликнула миссис Талливер, потрясенная этим кровожадным заявлением. – Как ты можешь так говорить, мистер Талливер? И всегда ты отзываешься о моей родне неуважительно, а сестрица Глегг валит весь грех на меня, хотя я, право, неповинна, как новорожденный младенец. Да я вечно всем твержу, как нашим детям повезло, что у них тетюшки и дядюшки со средствами. А только, ежели Том пойдет в новую школу, я бы хотела, чтоб жил он неподалеку и я могла стирать и чинить его платье, не то хоть давай ему миткалевое белье вместо полотняного – все одно станет желтым после дюжины стирок. И потом, ежели бы это было по пути нашему фургону, я могла бы посылать ему пирожок, или паштет, или яблочко: он, благослови его Господь, управится с лишним кусочком, как бы там его ни накормили. Мои дети, благодарение господу, могут поесть не хуже других.

– Ладно, ладно, мы не отошлем его дальше, чем ходит фургон, ежели все остальное подойдет, – сказал мистер Талливер. – Ну и ты не ставь палки в колеса с этой своей стиркой, коли мы не найдем школы поблизости. Есть у тебя дурная черта, Бесси: увидишь ты на дороге пруттик, тебе уже кажется, что через него и не переступить. Ты бы не дала мне нанять хорошего возчика потому только, что у него на лице родинка.

– Господи помилуй! – промолвила миссис Талливер с кротким изумлением. – Когда это я возражала против человека оттого, что у него на лице родинка? Да они мне даже нравятся, и у моего брата, царство ему небесное, была родинка на лбу. Но я что-то не помню, чтобы ты

когда собирался нанять возчика с родинкой, мистер Талливер. Вот Джон Гиббз, так родинок у него было не больше, чем у тебя, и я очень даже хотела, чтоб ты его взял; ты и нанял его, и ежели б он не помер от горячки – а мы еще платили доктору Тэрнбулу за его лечение, – он бы, верно, и сейчас ездил с нашим фургоном. Может, у него и была родинка, где не видно, но я-то как могла об этом знать, мистер Талливер?

– Да нет, нет, Бесси, я не имел в виду именно родинку, я так, для примера. Ну, не важно; мудреное это дело – разговаривать. Я все думаю, как найти для Тома подходящую школу. Ведь тут можно снова дать маху, как с Джейкобзом. О таких заведениях я больше и слышать не желаю. В какую бы школу я Тома теперь ни определил, уж там не будет, как у Джейкобза. Там парни будут не только чистить башмаки всей семье да копать картошку. Ох и мудреная же это задача – выбрать школу.

Мистер Талливер умолк и сунул руки в карманы штанов, как будто надеялся найти там какое-нибудь решение. По-видимому, его ожидания оправдались, так как, помолчав несколько минут, он сказал:

– Я знаю, что я сделаю. Поговорю об этом с Райли. Он приезжает завтра на арбитраж насчет запруды.

– У меня уже вынуты простыни для парадной кровати, мистер Талливер, и Кезия повесила их перед огнем. Это не самые лучшие наши простыни, но их не стыдно постлать хоть кому угодно. А что до простынь из голландского полотна, мне вроде и жаль, что мы на них потратились, да ведь надо же нас как положено обрядить, когда придет наш час. И приведись тебе завтра умереть, мистер Талливер, они разглажены без единой морщиночки, и совсем готовы, и пахнут лавандой, так что любо их развернуть. Они лежат в большом дубовом сундуке для белья, в левом углу, в самой глубине, – хотя, понятно, я никому другому и пальцем до них дотронуться не позволю.

Произнеся все это, миссис Талливер вытащила из кармана блестящую связку ключей и, выбрав из них один, стала поглаживать его двумя пальцами, с безмятежной улыбкой глядя на яркий огонь. Будь мистер Талливер ревнивым супругом, он мог бы заподозрить, что она вынула ключи, дабы помочь своему воображению представить ту минуту, когда он даст ей основание пустить наконец в ход голландские простыни. К счастью, дело обстояло иначе: ревниво он относился только к своим правам на воды Флосса. К тому же за годы супружеской жизни у него выработалась привычка слушать свою благоверную только вполслуха, и с той минуты, как он упомянул о мистере Райли, он был, судя по всему, поглощен проверкой на ошупь качества своих шерстяных чулок.

– Сдается, я попал в самую точку, Бесси, – сказал он после короткого молчания. – Райли скорей, чем кто другой, может присоветовать мне школу; он человек ученый и разъезжает повсюду – с арбитражем, и оценкой, и всем прочим. И у нас будет время потолковать об этом завтра вечером, когда мы покончим с запрудой. Понимаешь, я хочу, чтобы Том был вроде Райли – умел говорить как по писаному, знал кучу слов, которые можно повернуть и так и этак, а закону к ним не придраться, ну и в делах понимал толк.

– Что ж, – сказала миссис Талливер, – я не против, чтобы он говорил как надо, и все знал, и ходил сутулясь, и взбивал на голове кок, – пусть мальчика всему этому обучат. А только эти краснобаи из больших городов всегда носят пристежные манишки, брыжи донашивают, пока совсем жеванные не станут, и тогда прикрывают их шейным платком. Райли, я знаю, так делает. И опять же, ежели Том уедет и поселится в Мадпорте, как Райли, то придется ему жить в доме, где на кухне и повернуться трудно, и не видать ему свежих яиц к завтраку, и спать он будет на четвертом, а почем знать, может, и на пятом этаже и, случись пожар, сгорит живьем, покуда доберется донизу.

– Что ты, что ты, – сказал мистер Талливер, – у меня и в мыслях не было, чтоб он уезжал в Мадпорт. Я хочу, чтобы он открыл свою контору в Сент-Огге, рядом с нами, и жил дома. А

только боюсь, – продолжал, помолчав, мистер Талливер, – дельца из Тома не выйдет – голова не та. Что греха таить, не больно-то он бойкий. Он в вашу семью, Бесси.

– Да, это верно, – согласилась миссис Талливер, не улавливая в его словах задней мысли. – Прямо удивительно, как он любит суп посолонее. Ну точь-в-точь мой брат или отец.

– А все-таки жаль, – снова заговорил мистер Талливер, – что девчужка пошла в отцову породу, а малый – нет. То-то и худо с этими скрещиваниями – никогда наперед не знаешь, что выйдет. Девчонка – та в нашу семью; в два раза шустрей и смышленей Тома. Пожалуй, слишком смышленная для женщины, – продолжал мистер Талливер, раздумчиво покачивая головой. – Сейчас, покуда она мала, еще ладно, но слишком умная женщина – что длиннохвостая овца: дороже ее за это не ценят.

– Нет, мистер Талливер, не ладно и покуда она мала, потому что это ведет к упрямству. А как добиться, чтобы хоть два часа ее фартучек оставался чистым, тут я и ума не приложу... Да, совсем из головы вон, – продолжала миссис Талливер, поднимаясь и подходя к окну. – Понятия не имею, где она, а уж скоро время чай пить. Так я и думала – бродит по берегу, словно дикарка. Ох, свалится она когда-нибудь в воду!

Миссис Талливер громко постучала пальцами по стеклу и поманила кого-то, укоризненно качая головой. Прodelав это несколько раз, она вернулась на свое место.

– Вот ты говоришь – смышленная, мистер Талливер, – продолжала она, садясь, – но, право, в некоторых вещах она самая настоящая дурочка; пошлешь ее за чем-нибудь наверх, а она забудет, за чем пошла, усядется на пол на солнышке и давай заплетать косы и петь про себя – как есть помешанная. А я все это время сиди и дожидайся ее внизу. Нет, этого у нас в семье, слава богу, не бывало, да и смуглой кожи также, – ведь она словно цыганка. Не хочу роптать на Провидение, а что ни говори, обидно – одна у меня дочь, и та блажная.

– Фу ты, глупости какие! – возмутился мистер Талливер. – Она складная черноглазая девчужка, любо-дорого смотреть. Не знаю, чем это она хуже других детей, а читает – ну прямо как пастор.

– Да, зато волосы у нее не хотят виться, как я с ними ни бьюсь, и она не терпит, когда их накручивают на бумажки, а заставить ее стоять спокойно, чтобы завить их щипцами, об этом и не думай.

– Подрежь их... остриги ее покороче, – опрометчиво посоветовал отец.

– Как ты можешь так говорить, мистер Талливер? Ей уже десятый год пошел – и высока не по летам, – разве пристало ей ходить с короткими волосами? А у ее двоюродной сестрицы Люси вся головка в локончиках и ни один волосок не выбьется. Прямо зависть берет, что у сестры Дин такая хорошенькая девочка. Право, Люси больше на меня похожа, чем мое собственное детище... Мэгги, Мэгги, – продолжала мать раздраженным и вместе просительным тоном, когда эта малолетняя ошибка природы вошла в комнату, – сколько раз тебе говорить, чтоб ты не подходила близко к воде? Свалишься когда-нибудь да утонешь, вот тогда пожалеешь, что не слушалась матери.

Мэгги скинула капор, и волосы ее полностью подтвердили, что у миссис Талливер есть все основания сетовать. Стремясь, чтобы у дочки были локоны «не хуже, чем у других детей», она подстригла ее спереди слишком коротко, и волосы невозможно было убрать за уши, а так как они обычно становились совершенно прямыми через час после того, как их вынимали из папильоток, Мэгги беспрестанно встряхивала головой, чтобы откинуть тяжелые темные пряди, свисавшие ей на глаза, – точь-в-точь маленький шотландский пони.

– Боже милостивый, Мэгги, о чем ты только думаешь – бросить свой капор здесь! Будь умницей, отнеси его наверх, причешись и надень другой фартучек да перемени туфли... Ну как тебе не стыдно... А потом спускайся сюда и берись за свое шитье, веди себя как барышня.

– Ах, мама, – со страстным протестом в голосе воскликнула Мэгги, – не хочу я шивать эти гадкие лоскуты!

– Что?! Не хочешь шивать лоскуты, чтобы сделать хорошенькое одеяло для тетушки Глегг?

– Глупое это занятие, – заявила Мэгги, встряхивая своей гривой, – разрезать тряпки на кусочки, а потом опять их шивать. Да и не хочу я делать ничего для тетушки Глегг, я не люблю ее.

Волоча капор за ленты, Мэгги скрывается, сопровождаемая громким смехом мистера Талливера.

– Удивляюсь я тебе, мистер Талливер! Чему тут смеяться? – сказала мать с легким раздражением. – Опять ты ей потакаешь. А потом тетушки скажут, что это я избаловала ее.

Миссис Талливер была, как говорится, кроткого нрава. В детстве разве только голод или вонзившаяся в тело булавка могли вызвать у нее слезы; с самой колыбели она была здоровая, румяная, пухлая и скучная – короче говоря, перл красоты и привлекательности в своем семействе. Но кротость, как и молоко, нестойкий продукт и, когда немного прокиснет, может оказаться не по нутру молодым желудкам. У меня не раз возникал вопрос, удавалось ли ранним мадоннам Рафаэля, этим бело-розовым красавицам с довольно глупыми лицами, сохранять безмятежность, когда их крепкие норовистые мальчуганы вырастали настолько, что не могли уже ходить голышом? Я полагаю, они были склонны кротко увещевать свои чада и становились все более и более раздражительными по мере того, как увещания их все менее и менее достигали цели.

Глава III

Мистер Райли дает совет относительно школы для Тома

Джентльмен в пышном белом галстуке и брыжах, который с таким благосклонным видом попивает грог в обществе своего доброго друга Талливера, и есть мистер Райли. Это мужчина с нездоровым цветом лица и пухлыми руками, пожалуй, даже слишком образованный для аукциониста и оценщика, но достаточно снисходительный, чтобы выказывать *bonhomie*¹ по отношению к своим деревенским знакомым, простым и гостеприимным людям. Мистер Райли любезно именовал их «людьми старой школы».

Беседа прервалась. Мистер Талливер не без задней мысли воздержался от того, чтобы в седьмой раз повторить, как хладнокровно Райли осадил Дикса – показал, что тому с ним не тягаться, – и как с Уэйкема хоть раз в жизни сбили спесь, разрешив вопрос о запруде арбитражем, и что споров о воде и вовсе бы не возникало, веди себя каждый так, как ему положено, и не сотвори нечистый законников.

Мистер Талливер обычно придерживался надежных общепринятых взглядов, но в некоторых вопросах он больше полагался на собственное разумение и пришел к нескольким весьма сомнительным выводам. Так, он считал, что долгоносики, крысы и стряпчие – порождение дьявола. К сожалению, некому было объяснить ему, что это чистейший манихеизм², не то он понял бы свою ошибку. Однако сегодня добро наконец восторжествовало. Это дело по поводу уровня воды оказалось довольно запутанным, хотя на первый взгляд выглядело проще простого. Но пусть и сильно пришлось голову поломать, Райли всем им нос утер... Мистер Талливер смешал себе грог крепче, чем обычно, и теперь излагал свое высокое мнение о деловых талантах мистера Райли с откровенностью, несколько опрометчивой для человека, у которого, по слухам, лежит в банке кругленькая сумма.

Но с разговором о запруде можно было и повременить, к нему всегда будет случай вернуться, возобновив его с того же самого места, а мысли мистера Талливера, как вы знаете, занимал другой предмет, насчет которого ему совершенно необходимо было посоветоваться с мистером Райли. Вот по этой-то самой причине, выпив последний глоток, он некоторое время молча, с задумчивым видом потирал колени. Не такой он был человек, чтобы так вот вдруг перескакивать с одной темы на другую. Мудреная штука – нынешний свет, любил говорить мистер Талливер, погонишь фургон слишком быстро, как раз опрокинешь на повороте. Мистер Райли меж тем спокойно ждал. Чего бы ему торопиться? Даже Хотспер³ и тот бы, надо думать, сидел спокойно, греясь у пылающего камина, сунув ноги в мягкие туфли, угощаясь огромными понюшками табака и прихлебывая даровой грог.

– Есть у меня кое-что на уме, – заговорил наконец мистер Талливер, несколько умерив свой обычно громкий голос, и, повернувшись к собеседнику, пристально на него посмотрел.

– Вот как? – вежливо отозвался мистер Райли.

У него были тяжелые восковые веки, дугообразные брови, выражение его лица не менялось ни при каких обстоятельствах. Это непроницаемое выражение и привычка закладывать в нос понюшку табаку, прежде чем ответить на вопрос, делали его в глазах мистера Талливера сверхоракулом.

– Это предмет особого рода, – продолжал Талливер, – насчет моего мальчишки Тома.

¹ Благожелательность (*фр.*).

² *Манихеизм* – учение персидского философа Мани (III в.), последователя Зороастра, согласно которому тело человека является порождением «царства тьмы», а душа – «царства света».

³ *Хотспер* («Горячая шпора») – прозвище, данное английскому рыцарю сэру Перси (персонаж «Генриха IV» Шекспира), прославившемуся своим вспыльчивым нравом.

Услышав слово «Том», Мэгги, сидевшая на низкой скамеечке у самого огня с большой книгой на коленях, откинула назад тяжелые волосы и с живым интересом подняла глаза на отца. Нелегко было пробудить ее, когда она грезилась над книгой, но имя брата действовало на нее подобно самому пронзительному свистку. В тот же миг глаза ее загорались и она насто- раживалась, как скайтерьер, почувывший, что его хозяину грозит беда, и готовый бесстрашно ринуться ему на помощь.

– Видите ли, хочу определить его летом в новую школу. На Благовещение он приедет от Джейкобза; я дам ему побегать на воле месяца два-три, но после хочу отдать его в другую, путную школу, чтоб сделали из него грамотея.

– Что ж, – заметил мистер Райли, – хорошее образование – большое преимущество в жизни. Я не хочу сказать, – добавил он с учтивым намеком, – я не хочу сказать, что нельзя быть превосходным мельником и фермером и к тому же дальновидным и здравомыслящим человеком без особой помощи школьного учителя.

– Оно верно, – отозвался мистер Талливер, подмигивая и склоняя голову к плечу, – но в том-то и вся штука: я вовсе не хочу, чтоб Том был мельником или фермером. Что мне за радость? Помилуйте, станет он мельником или фермером, так ему сразу мельницу и землю подавай; пойдут обиняки да намеки, что пора, дескать, на покой, надо и о душе подумать. Нет, нет, с этими сыновьями всегда одна и та же история. Зачем снимать одёжу прежде, чем ляжешь спать? Я сделаю из Тома грамотея, пристрою его к делу, а там пусть сам свое гнездо вьет, а меня из моего не выталкивает. Хватит, что после моей смерти все ему достанется. Не по мне есть кашку, покуда зубы целы.

Это был, по-видимому, пунктик мистера Талливера, и еще долго после этой тирады, прозвучавшей с несвойственными ему живостью и выразительностью, он возмущенно потряхивал головой, и обуревавшие его чувства прорывались в резком «нет уж, нет!», похожем на утихающее рычание.

Эти признаки гнева были тотчас замечены Мэгги и больно ее задело. Про Тома, выходит, думают, что он способен, когда вырастет, выгнать родного отца из дому и сделать их несчастными, – такой он гадкий. Нет, она не может этого вынести. Мэгги вскочила на ноги, забыв о тяжелой книге, которая с шумом свалилась за каминную решетку, подбежала к отцу и, остановившись перед ним, воскликнула со слезами негодования:

– Отец, Том всегда будет тебя слушаться, я знаю, что будет!

Слова дочки тронули сердце мистера Талливера, и, так как миссис Талливер не было в комнате – она надзирала за приготовлением к ужину своего коронного блюда, – Мэгги не получила нагоняя за книгу. Мистер Райли спокойно поднял ее и стал перелистывать, а отец засмеялся, и его суровое лицо засветилось нежностью. Похлопав дочку по спине, он взял ее за руки и притянул к себе.

– Что ж, про Тома и слова нельзя худого сказать, а? – глядя на Мэгги, промолвил мистер Талливер, и в глазах его заплясал огонек. Затем, повернувшись к мистеру Райли и несколько тише, словно так Мэгги его не услышит, продолжал: – Она понимает все, что говорят, прямо удивительно. А вы бы послушали, как она читает! Разом, без запинки, словно знает все наперед. И всегда за книгой! Но это плохо, очень плохо, – печально добавил мистер Талливер, стараясь подавить свой достойный порицания восторг, – к чему женщине ум, боюсь – только до беды доведет. А все же, вы не поверите, – здесь отцовская гордость снова явно взяла верх, – она прочтет вам книгу и разберется в ней куда лучше, чем многие люди, втрое ее старше.

У Мэгги от радости и волнения запылали щеки. Уж теперь-то она поднимется в глазах мистера Райли: раньше, судя по всему, он ее просто не замечал.

Мистер Райли перелистывал книгу, и она ничего не могла прочесть на его непроницаемом лице; но вот он посмотрел на нее и сказал:

– Ну-ка, поди сюда, расскажи мне об этой книжке; здесь есть картинка, я хочу знать, что тут такое нарисовано.

Еще пуще покраснев, Мэгги, не задумываясь, подошла к мистеру Райли и, нетерпеливо схватив книгу, взглянула на нее; затем, откинув со лба свою гриву, начала:

– О, я скажу вам, что это значит. Вот страшная картинка, правда? А мне так и хочется смотреть на нее. Вон та старуха – она ведьма; ее бросили в воду, чтобы узнать, заправдашняя она ведьма или нет; если она выплывет – значит ведьма, если потонет – и умрет, понимаете? – она не виновата и не ведьма, а просто бедная глупая старуха. Но ей-то что пользы, раз она уже потонула? Ну, Бог, верно, возьмет ее на небо и воздаст ей за все. А вот тот страшный кузнец, что стоит подбоченясь и хохочет – вот гадкий, да? – я вам скажу, кто это. Он на самом деле вовсе не кузнец (здесь голос Мэгги зазвучал громче и выразительнее), а нечистый. Он, знаете, принимает вид нехороших людей, и разгуливает повсюду, и подговаривает делать нехорошие вещи, и он чаще бывает в образе злого человека, чем в каком другом, потому что, если бы люди увидели, что он нечистый, и он рычал бы на них, они бы убежали от него и не делали, что ему хочется.

Мистер Талливер с немым изумлением внимал ее словам.

– Откуда она взяла эту книгу? – вырвалось у него наконец. – Это «История дьявола» Даниэля Дефо... Не совсем подходящее чтение для маленькой девочки, – сказал мистер Райли. – Как это к вам попало?

С Мэгги сразу слетела вся ее самоуверенность; а мистер Талливер воскликнул:

– Что?! Да это же одна из книг, что я купил на распродаже у Партриджа. Они все были в одинаковых переплетах – и дорогие, знаете, переплеты, – так я думал, и книги все, верно, хорошие. Там еще есть «Святое житие и блаженная кончина» Джереми Тейлора...⁴ Я частенько читаю ее вслух по воскресеньям. (Мистер Талливер питал к этому славному писателю особую симпатию, так как ему нравилось его имя.) Этих книг у нас целая куча, по большей части проповеди; у всех у них схожие корочки, вот я и полагал, что все они на один образец, как говорят. Да, знать, не суди об арбузе по корке. И мудреный же это свет!

– Ну-ну, – назидательным тоном произнес мистер Райли, снисходительно поглаживая Мэгги по голове, – советую тебе отложить «Историю дьявола» и читать какие-нибудь другие, хорошие книги. Разве у тебя нет книг получше?

– Есть, есть, – воскликнула Мэгги, слегка оживившись, – ей очень хотелось показать, как много она читает. – Я знаю, в этой книжке написано про нехорошие вещи, но мне нравятся картинки, и я придумываю к ним истории из головы. У меня еще есть басни Эзопа, и книжка про кенгуру и других зверей, и «Путь паломника»⁵.

– Вот прекрасная книга, – сказал мистер Райли, – лучше не сыщешь.

– Да, но в ней очень много про нечистого, – торжествующе воскликнула Мэгги, – там даже есть картинка, где он нарисован в своем настоящем виде; это когда он сражался с Христианином. Сейчас покажу.

Мэгги стремительно кинулась в угол комнаты, взобралась на стул и достала с небольшой книжной полки старый, потрепанный том Беньяна, который сразу, избавив ее от труда искать нужную страницу, открылся там, где была эта картинка.

– Вот, – сказала она, снова подбегая к мистеру Райли, – Том раскрасил его для меня, когда был в последний раз дома на каникулах, – видите, тело все черное, а глаза красные, как огонь, потому что у нечистого внутри огонь и он светит у него из глаз.

– Полно, полно, – сказал мистер Талливер тоном, не допускавшим возражений; ему стало немного не по себе от того, с какой легкостью она обсуждала наружность могущественного

⁴ Джереми Тейлор (1613–1667) – английский священник, автор ряда религиозных трактатов.

⁵ «Путь паломника» – книга английского писателя и проповедника Джона Беньяна (1628–1688).

существа, породившего законников. – Закрой книгу, и чтоб я больше не слышал подобных разговоров... Так я и думал: ребенок из этих книг не столько доброго, сколько худого наберется. Ступай посмотри, где твоя мать.

Глубоко обиженная, Мэгги тотчас закрыла книгу, но, не имея особого желания заниматься поисками матери, пошла на компромисс и, забившись в темный уголок позади отцовского кресла, принялась нянчить куклу, к которой изредка, обычно в отсутствие Тома, начинала вдруг испытывать нежность; о туалете ее она не заботилась, зато запечатлевала на ней столько горячих поцелуев, что восковые щеки куклы приобрели нездоровый, сероватый оттенок.

– Ну, слышали вы что-нибудь подобное? – сказал мистер Талливер, когда Мэгги скрылась. – Какая жалость, что она не мальчик; уж ее-то законники вокруг пальца бы не обвели, провались я на этом месте. Ведь вот что удивительно, – здесь он понизил голос, – я взял ее мать за то, что она проста и собой не урод, к тому же в их семье все – редкие хозяйки; а главное – она не очень-то свой нрав выказывает, за то я ее из всех сестер и выбрал – не позволю же я, чтоб меня учили в моем собственном доме. Да, видите ли, когда сам ты не дурак, так наперед и не скажешь, в кого пойдут дети, и даже славная, покладистая женщина может нарожать вам бестолковых парней и вострух-девчонок. Воистину свет вверх дном перевернулся. Только диву даешься!

Тут даже невозмутимому мистеру Райли изменила серьезность, и, когда он отправлял в нос очередную понюшку табаку, плечи его подозрительно тряслись. Успокоившись, он сказал:

– Но ведь ваш малый не глуп? Я видел, когда был здесь в прошлый раз, как он налаживал удочки; у него это очень ловко получалось.

– Не то чтобы глуп, на вольном воздухе он знает, что к чему, и смекалка вроде у него есть, понимает, с какого конца за что взяться. А только у него не очень-то хорошо подвешен язык, видите ли, и читает он плоховато, и терпеть не может книг, и пишет, говорят, неправильно. А уж при чужих из него и словечка не вытянешь, от него вы не услышите таких забавных вещей, как от девчушки. Вот я и хочу послать его в школу, пусть он на язык побойчей станет да набьет малость руку в письме – словом, сделается попроворней да понаходчивей. Я хочу, чтоб мой сын был не хуже всех этих молодчиков, которые обскакали меня только потому, что больше учились. Само собой, кабы все на свете оставалось, каким Бог его сотворил, я бы знал, как к чему подойти, и не уступил бы никому из них; но все теперь само на себя сделалось не похоже, и такие несурзные слова ко всему прицеплены, что я уж не раз впросак попадал. До того все дорожки стали путаные – чем прямей человек идет, тем скорей заблудится.

Мистер Талливер отхлебнул грога, медленно его проглотил и мрачно покачал головой, сознавая, что служит живым примером того, как трудно приходится разумному человеку в этом безумном мире.

– Вы совершенно правы, Талливер, – заметил мистер Райли. – Лучше потратить лишнюю сотню фунтов на образование сына, чем оставить их ему в наследство. Я бы сделал именно так, будь у меня сын; хотя, видит Бог, у меня нет под рукой столько свободных денег, да к тому же еще полон дом дочерей.

– Так вы, может статья, знаете какую-нибудь подходящую школу для Тома? – спросил мистер Талливер; сколько бы он ни сочувствовал мистеру Райли, не располагавшему наличными деньгами, это не могло заставить его забыть о своей цели.

Мистер Райли заложил в нос понюшку табаку и, словно испытывая терпение мистера Талливера, помедлил, прежде чем ответить:

– Да, есть у меня в виду одна прекрасная возможность для человека со средствами, а вы как раз такой человек, Талливер. Сказать вам правду, я никому из своих друзей не посоветовал бы отдать сына в обычную школу, если он может позволить себе что-нибудь получше. И если человек хочет, чтобы его сын получил отличное образование и воспитывался там, где все

внимание учителя – превосходного человека – уделялось бы ему одному, – я знаю, кто ему нужен. Я не указал бы на эту возможность кому попало, потому что не всем удалось бы ею воспользоваться, как бы им того ни хотелось, но вам, Талливер, я на нее укажу, только пусть это останется между нами.

В глазах мистера Талливера, который все это время не сводил вопрошающего взгляда с лица своего друга, словно перед ним был оракул, еще явственнее засветилось любопытство.

– А ну-ка, ну-ка, послушаем, – сказал он, устраиваясь поудобнее, с самодовольством человека, которого сочли достойным важного сообщения.

– Он окончил Оксфордский университет, – многозначительно произнес мистер Райли и, крепко сжав губы, посмотрел, какой эффект произвело на мистера Талливера это вдохновляющее обстоятельство.

– Как, он пастор? – произнес мистер Талливер с сомнением в голосе.

– Да, и к тому же магистр искусств. Я слышал, что епископ очень высокого мнения о нем. Да, ведь это епископ и дал ему его приход.

– А! – сказал мистер Талливер, для которого что Оксфорд, что магистр искусств были понятия равно чуждые и удивительные. – Но зачем ему тогда Том?

– Видите ли, дело такое: он любит учить и сам желал бы продолжать занятия науками, а его приходские обязанности почти не предоставляют ему для этого случая. Поэтому он не прочь взять одного-двух учеников, чтобы с пользой проводить свой досуг. Мальчики будут как в родной семье – лучше и придумать нельзя, – все время под присмотром Стеллинга.

– А добавку пудинга станут давать бедному мальчонке, как вы думаете? – спросила миссис Талливер, к тому времени снова занявшая свое место. – Редко кто так любит пудинг, да и растет он к тому же! Даже подумать страшно, что ему, может, не придется есть досыта.

– А сколько это будет стоить? – спросил мистер Талливер; инстинкт подсказывал ему, что услуги этого несравненного магистра искусств обойдутся ему в изрядную сумму.

– Я знаю пастора, который берет полтора фунта с младших учеников, а его даже не сравнить со Стеллингом – человеком, о котором я говорю. Мне известно из достоверных источников, что одна уважаемая персона в Оксфорде сказала о нем: «Стеллинг, если бы захотел, мог бы достичь самых высоких степеней». Но он не гонится за университетскими отличиями. Он человек спокойный, шума не любит.

– А, это неплохо... это неплохо, – сказал мистер Талливер. – Но сто пятьдесят фунтов – неслыханная цена. У меня и в мыслях не было платить так много.

– Хорошее образование, разрешите вам сказать, Талливер, стоит этих денег. Но Стеллинг скромнее в своих требованиях, он человек не жадный. Не сомневаюсь, что он согласится взять вашего парнишку за сто фунтов, а на это не всякий священник пойдет. Я напишу ему, если хотите.

Мистер Талливер потер колени и с задумчивым видом посмотрел на ковер.

– А он, не ровен час, не холостяк? – встала миссис Талливер. – Я не очень-то высоко ставлю домоправительниц. У моего брата – царство ему небесное – была одно время домоправительница. Так она вынула половину перьев из лучшей перины, запаковала их и куда-то отправила; а сколько белья она перетаскала, трудно и сказать... Стотт ее звали. У меня сердце не на месте будет, ежели мы пошлем Тома в дом с управительницей. Ведь ты этого не сделаешь, мистер Талливер?

– Могу рассеять ваши опасения на этот счет, миссис Талливер, – сказал мистер Райли, – Стеллинг женат на такой милой маленькой женщине, какую только можно пожелать себе в жены. На свете нет более доброго существа; я ее хорошо знаю, и отца ее, и мать. У нее с вами много общего – такой же цвет лица и светлые вьющиеся волосы. Она из хорошей мадпортской семьи: ее не выдали бы за кого попало. Но такие люди, как Стеллинг, на каждом шагу не встре-

чаются... И он довольно разборчив в своих знакомствах. Однако, я думаю, у него не будет никаких возражений против вашего сына... уверен, что не будет, если я его порекомендую.

– Интересно знать, что он может иметь против мальчугана, – несколько резко сказала миссис Талливер, задетая в своих материнских чувствах. – Славный румяный парнишка, любодорого смотреть.

– Но я вот о чем думаю, – заговорил мистер Талливер, оторвавшись наконец от созерцания ковра, и, склонив голову набок, посмотрел на мистера Райли. – Боюсь, пастор занят слишком уж высокими материями, чтобы сделать из парня делового человека. Я всегда полагал, что пасторов обучают таким вещам, которых по большей части пальцами не пошупаешь. А мне для Тома не это нужно. Я хочу, чтобы он знал счет, и писал как по-печатному, и быстро до всего доходил, и знал, что у людей на уме и как прикрыть мысли такими словами, за которые тебя к суду не притянут. Куда как приятно, – заключил мистер Талливер, покачивая головой, – показать человеку, что ты о нем думаешь, и не быть за это в ответе.

– Ах, любезный мой Талливер, – сказал мистер Райли, – вы совершенно заблуждаетесь насчет духовенства; лучшие школьные учителя – из духовного сословия. Те же, кто не из духовных, обычно люди самого низкого пошиба...

– Да, этот Джейкобз, у которого Том сейчас учится, как раз такой и есть, – прервал его мистер Талливер.

– Без сомнения... Чаще всего это люди, которых постигла неудача в другом деле. Ну а священник – джентльмен по профессии и воспитанию, к тому же достаточно сведущий и в состоянии дать ученику основательную подготовку, чтобы тот с честью мог подвизаться в дальнейшем на любом поприще. Есть, конечно, священники, которые только и знают что свои книги, но можете быть уверены, Стеллинг не из их числа. Он не витает в облаках, разрешите вам сказать. Вы только намекните ему, чего вам надо, и этого будет достаточно. Вот вы говорили о счете; так вам стоит только сказать: «Я хочу, чтобы мой сын досконально знал арифметику», и остальное можете предоставить ему.

Мистер Райли умолк, и мистер Талливер, несколько успокоенный в своих сомнениях, мысленно повторил несколько раз, обращаясь к воображаемому мистеру Стеллингу: «Я хочу, чтобы мой сын хорошо знал *арифметику*».

– Понимаете, мой любезный Талливер, – продолжал мистер Райли, – для такого глубоко образованного человека, как Стеллинг, не составит труда взяться за любую отрасль науки. Когда мастерской владеет своим инструментом, ему все равно, что смастерить – дверь или окно.

– Что правда, то правда, – согласился мистер Талливер, уже почти убежденный в превосходстве учителей из духовных.

– Вот что я сделаю, – сказал мистер Райли, – и я не стал бы это делать для первого встречного. Когда вернусь в Мадпорт, я повидаю тестя Стеллинга или черкну ему несколько слов – что, мол, вы хотите устроить своего сынка к его зятю. Полагаю, Стеллинг напишет вам и поставит в известность о своих условиях.

– Ну, это еще не к спеху, правда? – вступила в разговор миссис Талливер. – Я надеюсь, мистер Талливер, ты не пошлешь Тома в школу раньше Иванова дня. Он пошел к Джейкобзу на Благовещение, и видишь, что из этого вышло.

– Еще бы, Бесси, еще бы! Никогда не вари пива на худом солоде в Михайлов день, не то пиво худое выйдет, – сказал мистер Талливер, улыбаясь и подмигивая мистеру Райли с естественной гордостью человека, который может похвастаться миловидной женой, заметно уступающей ему в умственных способностях, – но, верно, время еще терпит, здесь ты попала в самую точку, Бесси.

– Однако лучше все же не откладывать этого в долгий ящик и договориться сейчас, – спокойно заметил мистер Райли, – у Стеллинга могут быть и другие предложения, а я знаю,

что он не возьмет больше двух-трех учеников, а может, и того меньше. На вашем месте я начал бы переговоры со Стеллингом немедленно. Нет необходимости посылать к нему мальчика раньше лета, но осторожность никогда не мешает, и я бы принял меры, чтобы мне кто-нибудь не перебежал дорогу.

– А что ж, и то верно, – согласился мистер Талливер.

– Отец, – прервала их Мэгги, которая снова незаметно пробралась к самому креслу мистера Талливера и с полуоткрытым ртом слушала разговор, держа куклу вниз головой и придавив ее носом к спинке кресла, – отец, а далеко это, где Том станет учиться? Мы будем когда-нибудь к нему туда ездить?

– Не знаю, дочка, – ласково ответил отец. – Спроси лучше мистера Райли.

Мэгги немедленно подошла к мистеру Райли и, став прямо перед ним, спросила:

– Скажите, пожалуйста, сэр, далеко это?

– О, очень, очень далеко, – ответил этот джентльмен, считавший, что всерьез с детьми следует говорить, только когда они капризничают. – Тебе придется раздобыть семимильные сапоги, чтобы к нему попасть.

– Ну конечно! – воскликнула Мэгги, тряхнув головой, и, надувшись, отвернулась; на глазах у нее выступили слезы. Противный этот мистер Райли... Ясно, он считает ее дурочкой и ни во что не ставит.

– Замолчи, Мэгги, как не стыдно – пристаешь с вопросами и болтаешь невесть что, – сказала мать. – Поди сядь на скамеечку, и чтоб тебя не было слышно. Но, – добавила миссис Талливер, у которой тоже пробудились некоторые опасения, – неужели это так далеко, что я не смогу обстирывать его и чинить ему платье?

– Миль пятнадцать, не больше, – успокоил ее мистер Райли. – Вы можете с полным удобством съездить за один день туда и обратно. А не то... Стеллинг гостеприимный, милый человек – он будет только рад, если вы останетесь переночевать.

– Боюсь, это слишком далеко, со стиркой ничего не выйдет, – печально произнесла миссис Талливер.

К счастью, подали ужин, и это отсрочило обсуждение вопроса и избавило мистера Райли от необходимости предложить какой-нибудь выход или компромисс – иначе он, несомненно, счел бы своим долгом это сделать: мистер Райли, как вы могли уже заметить, был весьма обязательный джентльмен. И действительно, он взял на себя труд рекомендовать мистера Стеллинга своему другу Талливеру, отнюдь не ожидая, что это принесет непосредственную и ощутимую выгоду ему самому. Правда, кое-что как будто намекало и на обратное, и это могло ввести в заблуждение чересчур проникательного наблюдателя, ибо ничто не уводит нас так далеко от истины, как проникательность, если она случайно нападет на ложный след. Считать, что люди в своих словах и поступках руководствуются определенными мотивами, идут по заранее намеченному пути, – все равно что бить дальше цели. Козни и происки предусмотрительной алчности, стремящейся к осуществлению своих эгоистических замыслов, встречаются куда чаще на сцене, нежели в действительной жизни. Они требуют слишком большого умственного напряжения, чтобы в них можно было обвинить большинство наших братьев-прихожан. Можно и без особых усилий испортить жизнь своим ближним; мы достигаем этого снисходительной уступкой и беспечной забывчивостью, мелким вероломством, которое сами едва ли сумеем объяснить, и мелким обманом, жалкой подачкой, бестактной лестью и наспех состряпанной клеветой. Все мы живем сегодняшним днем, у каждого из нас есть небольшая семейка неотложных желаний, и мы только и в силах, что урвать кусочек, дабы утолить голод этого прожорливого выводка, редко задумываясь о зерне для посева или об урожае будущего года.

Мистер Райли был делец и не пренебрегал собственными интересами, однако даже он чаще был движим неясными побуждениями, нежели дальновидными расчетами. Его не связывали с преподобным Уолтером Стеллингом узы дружбы; напротив, он даже мало был знаком с

этим магистром искусств и его познаниями... далеко не достаточно, быть может, чтобы оправдать ту уверенность, с какой он рекомендовал его своему другу Талливеру. Правда, мистер Райли считал его превосходным знатоком латыни, – по крайней мере, так о нем отозвался Гэдсби, брат которого преподавал в Оксфорде и чье мнение было для мистера Райли в данном случае более веским, чем собственное. Хотя сам мистер Райли и получил в мадпортской Открытой школе некоторое представление об античной литературе и ему казалось, что в общих чертах он латынь понимает, разобраться в каком-нибудь латинском тексте было для него не так-то просто. Несомненно, его юношеское знакомство с «De Senectute»⁶ и четвертой книгой «Энеиды» оставило на нем неуловимый отпечаток, но классический аромат ныне уже был утерян и ощущался только в изысканном слоге и пафосе его речей на аукционах... Кроме того, Стеллинг был из Оксфорда, а там – впрочем, нет, это, кажется, в Кембридже – все хорошие математики. Ну, не важно, человек, получивший университетское образование, может учить всему, чему пожелает, – особенно такой человек, как Стеллинг, который своей речью на городском обеде, данном по случаю какого-то политического события, произвел столь хорошее впечатление, что все сошлись на одном: этот зять Тимпсона не дурак. Естественно было ожидать от обитателя Мадпорта, прихожанина церкви Святой Урсулы, что он не преминет оказать услугу зятю Тимпсона, тем более что Тимпсон был одним из самых влиятельных людей в приходе, через его руки проходили крупные сделки и он мог быть весьма полезен. Мистеру Райли нравились такие люди даже независимо от того, что в случае их благосклонности в его карман могли переключать деньги из карманов людей менее достойных; и ему было приятно представить себе, как, вернувшись домой, он скажет Тимпсону: «Я раздобыл для вашего зятя хорошего ученика». У Тимпсона был полон дом дочерей. Мистер Райли мог ему посочувствовать. Кроме того, он не мыслил себе воскресной службы без Луизы Тимпсон – он так привык за пятнадцать лет видеть ее лицо и светлые локоны на фоне высокой спинки дубовой скамьи; было вполне естественно, чтобы ее муж оказался учителем, достойным всяческих похвал. К тому же у мистера Райли не было никаких оснований отдать предпочтение кому-либо другому из известных ему учителей. Почему бы в таком случае не рекомендовать Стеллинга? Его друг Талливер попросил у него совета. Откажись он его дать, это внесло бы холодок в дружескую беседу. Ну а если уж высказывать свое мнение вообще – глупо не сделать этого с таким видом, будто вы полностью убеждены в том, что говорите, и имеете для этого все основания. А коль скоро вы высказали свое мнение, вы дали ему жизнь и, естественно, начинаете любить свое детище. Поэтому мистер Райли, не зная о мистере Стеллинге ничего дурного и желая ему добра (если у мистера Райли вообще были на этот счет какие-нибудь желания), едва успев его рекомендовать, стал с восхищением думать о человеке, рекомендованном столь высоким авторитетом, как он сам, и вскоре почувствовал к предмету разговора такой горячий интерес, что, откажись в конце концов мистер Талливер послать Тома к Стеллингу, Райли счел бы своего «друга старой школы» совершеннейшим болваном.

Если вы находите, что мистер Райли заслуживает сурового порицания за то, что дает рекомендации, не имея на то достаточных резонов, поверьте мне, вы к нему слишком строги. Почему вы думаете, что тридцать лет назад аукционист-оценщик, почти забывший свою школьную латынь, должен был проявить особую щепетильность, когда мы не всегда встречаем ее у джентльменов ученых профессий даже в наш высоконравственный век?

К тому же человеку, преисполненному млека добросердечия, трудно устоять против великодушного поступка, а не можем же мы быть великодушны ко всем сразу. Даже природа иной раз поселяет докучного паразита на теле животного, которому она вовсе не желает зла. Ну и что же? Мы восхищаемся ее заботой о паразите. Если бы мистер Райли воздержался от рекомендации, для которой не имел веских оснований, он не мог бы предложить мистеру Стел-

⁶ «О старости» (лат.) – трактат Цицерона.

лингу выгодного ученика, и это было бы весьма прискорбно для преподобного джентльмена. Примите также в расчет, что все эти смутные соображения – о том, что следует быть в ладу с Тимпсоном, что нехорошо отказывать в совете, когда к тебе за ним обращаются, и надо что-нибудь сказать, а если уж говоришь, то говори убедительно, и что не худо внушить другу Талливеру еще больше уважения, – приятно щекотавшие самолюбие мистера Райли и, в сочетании с пылающим камином, горячим грогом и кое-какими другими неуловимыми ингредиентами, определившие позицию, которую он занял в этом вопросе, так и остались бы втуне.

Глава IV

В ожидании Тома

К великому разочарованию Мэгги, ей не позволили поехать вместе с отцом в двуколке, когда он отправился в школу за Томом; утро слишком сырое, сказала миссис Талливер, чтобы маленькой девочке выходить из дому в парадном капоре. Мэгги придерживалась противоположного мнения, и непосредственным результатом этого расхождения во взглядах было то, что не успела миссис Талливер причесать ее непослушные черные волосы, как Мэгги выскользнула у нее из рук и, подбежав к стоящему тут же тазу, окунула голову в воду, с мстительным намерением отнять у матери всякую возможность снова завить ей сегодня локоны.

– Мэгги, Мэгги! – воскликнула миссис Талливер, опускаясь на стул и беспомощно глядя на щетки, которыми она ее причесывала. – Ну что из тебя выйдет, ежели ты будешь такой непослушной? Я расскажу все тетушке Глегг и тетушке Пуллет, когда они приедут на той неделе, и они больше не станут тебя любить. О господи! Посмотри только на свой чистый фартучек – мокрый сверху донизу. Чистое наказание, а не ребенок! Люди могут подумать, что я невесть какая грешница.

Она еще не кончила своих сетований, а Мэгги уже и след простыл. Отряхиваясь на бегу, как выскочивший из лохани скайтерьер, она взбиралась на чердак. Этот огромный чердак, под высокой и крутой, по-старинному, крышей, был ее любимым убежищем в сырые, не слишком холодные дни; здесь она громко изливала свой гнев и досаду перед ветхими полками и потемневшими от времени стропилами, украшенными гирляндами паутины; здесь же она хранила божка, на котором вымещала все свои обиды. Это была безрукая и безногая деревянная кукла; во время оно кукла таращила самые круглые, какие только можно представить, глаза над самыми румяными, какие только можно представить, щеками, но в результате долгой службы в качестве козла отпущения совершенно потеряла свое обличье. Три гвоздя, вбитые в деревянную голову, служили напоминанием о трех самых тяжких огорчениях, которые пришлось испытать Мэгги за девять лет ее тернистого жизненного пути, – такую ужасную месть подсказала ей картинка в старой Библии, где Иаиль умерщвляет Сисара⁷. Последний гвоздь был заключен с большим ожесточением, нежели обычно, ибо кукла олицетворяла в тот раз тетушку Глегг. Но затем Мэгги рассудила, что, если она загонит слишком много гвоздей, труднее будет представлять себе, что кукле больно, когда она лупит ее головой об стену, да и ласкать ее и класть воображаемые примочки, когда гнев уляжется; ведь даже тетушка Глегг может вызвать жалость, если предварительно наказать ее как следует и заставить просить у племянницы прощения. С тех пор Мэгги больше не вбивала в куклу гвоздей и утешалась тем, что попеременно то дубасила, то шаркала ее деревянной головой о кирпичи больших дымовых труб, которые двумя четырехгранными колоннами подпирали крышу. Этому занятию, забравшись на чердак, она предавалась и сейчас, не переставая рыдать с таким samozабвением, что в душе у нее не осталось места ни для чего другого – даже для воспоминания о причине ее слез. Наконец рыдания ее стали стихать, и удары, сыпавшиеся на куклу, сделались менее яростными. Внезапно сквозь решетку слухового окна на ветхие полки упал луч солнца; это заставило ее бросить куклу и выглянуть наружу. И правда, показалось солнце; шум мельницы стал веселее; двери амбара были распахнуты настежь, и по двору, вопросительно обнюхивая воздух, будто ища себе товарища, носился Йеп, забавный белый с коричневым терьер с завернутым ухом. Устоять было невозможно. Мэгги тряхнула головой и сбежала вниз; схватив капор, выглянула в прихожую и, кинувшись стремглав, чтобы не попасться на глаза матери, мигом очутилась во дворе.

⁷ Согласно библейской легенде, Иаиль закрыла Сисара, скрывающегося от преследования в ее шатре, ковром, а затем вбила ему в голову деревянный гвоздь.

Здесь она принялась кружиться как одержимая, распевая: «Йеп, Йеп, Том приезжает!» – а Йеп прыгал вокруг нее и заливался лаем с таким видом, словно хотел сказать: «Если уж нужен шум, так лучше меня никого не сыщешь».

– Эй, эй, мисс, этак у вас голова закружится, и вы шлепнетесь прямо в грязь! – крикнул ей Люк, старший мельник, высокий широкоплечий мужчина лет сорока, черноглазый и черноволосый, но добела запорошенный мукой, как листья медвежьего ушка – белым пухом.

Мэгги на миг остановилась и сказала, слегка пошатываясь:

– О нет, Люк, у меня не кружится голова; можно мне с тобой на мельницу?

Мэгги любила бродить по просторным помещениям мельницы, и часто, когда она выходила оттуда, ее темные волосы до того были напудрены мукой, что черные глаза сверкали еще ярче, чем обычно.

Неумолчный грохот, неустанное движение огромных жерновов, внушавших ей и ужас и восхищение, которые охватывают нас подчас перед необузданными силами природы, безостановочно текущая мука, эта тончайшая, смягчающая все очертания белая пудра, от которой даже паутина выглядела как сказочное кружево, приятный сладковатый запах – все это вызывало у Мэгги такое чувство, будто мельница – особый мирок, не имеющий ничего общего с ее повседневной жизнью. Больше всего пищи для размышлений давали ей пауки. Она раздумывала, есть ли у них родственники в других местах, и полагала, что если есть, то между ними и пауками с мельницы должны быть очень натянутые отношения: жирному мельничному пауку, привыкшему к мухам, обваланным в муке, вряд ли придется по вкусу поданная у кузена муха *au naturel*⁸, а леди паучихи, естественно, будут шокированы внешностью друг друга... Больше всего любила Мэгги верхний этаж мельницы – хлебный заком, где лежали огромные кучи зерна; ей никогда не надоедало скатываться с них на пол. Она обычно занималась этим, беседуя с Люком, – Мэгги была с ним очень общительна, желая заслужить у него такое же высокое мнение, какое имел о ней отец.

Возможно, в то утро ей особенно хотелось поднять себя в его глазах, потому что, скатываясь с горы зерна, возле которой он был чем-то занят, она обратилась к нему, стараясь перекричать шум мельницы:

– Ты, наверно, не читаешь никаких книг, кроме Библии, Люк?

– Оно так, мисс, да и Библию-то не больно, – чистосердечно признался Люк, – какой уж я чтец!

– А хочешь, я дам тебе одну из своих книг, Люк? У меня нет таких книг, что бы тебе нетрудно было читать, но вот могу дать «Поездку Пага по Европе» – в ней рассказывают про самых разных людей на свете и, если что непонятно, можно посмотреть картинки, – там нарисовано, какие эти люди с виду, как они живут и что делают. Там есть голландцы, все толстые-претолстые и курят трубки, а один сидит на бочке.

– Нет, мисс, я невысоко ставлю голландцев. Какой толк читать про них?

– Но ведь они наши ближние, Люк; мы должны знать наших ближних.

– Какие они нам ближние, мисс! Мой старый хозяин – толковый был человек – часто говаривал: «Пусть я буду проклятым голландцем, коли посею пшеницу, не просолив ее», а это все одно что сказать «дураком» или вроде того. Нет, нет, у меня и без голландцев забот хватает. Дураков и негодяев и так достаточно – к чему еще в книгах о них читать?

– Ну ладно, – в некотором замешательстве проговорила Мэгги, не ожидавшая, что Люк держится таких категорических взглядов, – может, тебе больше понравится «Одушевленная природа»; это не про голландцев, а про слонов, знаешь, и кенгуру, и мангуст, и луну-рыбу, и про птицу, которая сидит на хвосте... забыла, как ее звать. Знаешь, есть страны, где вместо коров и лошадей полно таких тварей. Неужто тебе не хочется узнать про них, Люк?

⁸ В естественном виде (*фр.*).

– Нет, мисс; мне надо вести счет зерну и муке – куда мне держать в голове столько разных вещей, кроме моей работы! Это людей до виселицы и доводит – чего не надо, они знают, а вот дела-то, с которого кормятся, не смыслят. И почитай, все это враки, я думаю, что в книгах пишут; а уж на этих печатных листках, которые продают на улицах, – и подавно.

– Ой, Люк, ты как мой брат Том, – сказала Мэгги, стремясь придать разговору более приятный оборот. – Том тоже читать не охотник. Я так люблю Тома, Люк, – больше всех на свете. Когда он вырастет, я стану вести у него хозяйство, и мы всегда будем жить вместе. Я буду рассказывать ему все, что знаю. Но, я думаю, Том умный, хоть и не любит читать: он делает такие хорошие кнутики и клетки для кроликов.

– Угу, – сказал Люк, – и он шибко разгневется – кролики-то ведь все перемерли.

– Что?! – закричала Мэгги, соскакивая со своего неустойчивого седалища. – Перемерли?! И вислоухий, и пятнистая крольчиха, за которую Том отдал все свои деньги?

– Мертвы, как кроты, – ответил Люк; это сравнение было явно подсказано прибитыми к стене конюшни зверьками, вид которых не вызывал сомнений в том, что их счета с жизнью давно покончены.

– Ах, Люк, – жалобно проговорила Мэгги, и слезы градом покатались у нее из глаз. – Том велел мне о них заботиться, а я и забыла. Что мне теперь делать?

– Видите ли, мисс, их поместили в том дальнем сарайчике, где хранятся инструменты, и кто обязан был за ними приглядывать – неизвестно. Я так думаю, кормить их молодой хозяйин наказал Гарри. А на него понадейся! Хуже работника у нас не бывало. Только и помнит что о своей утробе... чтоб его скрутило!

– Ах, Люк, Том велел непременно навещать к ним каждый день, но как мне было о них помнить, если это выскочило у меня из головы? Ой, он так рассердится, знаю, что рассердится, ему будет очень жалко кроликов. И мне их очень жалко. Ах, что мне делать?

– Не горюйте, мисс, – принялся успокаивать ее Люк, – никуда они, эти вислоухие, не годятся; корми их, не корми – они бы все равно сдохли. Из того, что противу естества, вовек толку не будет, Бог всемогущий этого не любит. Он кроликов сотворил ушами назад, – так зачем супротив идти и уши им делать, чтоб висели, как у собаки? Тут мастер Том промашку дал; уж в другой раз не оплошает. Не плачьте, мисс. Пойдемте-ка лучше ко мне, старуху мою навестите. Я сейчас домой.

Это приглашение направило мысли Мэгги в более приятное русло, и пока она рысцой бежала за Люком к его окруженному яблонями и грушами уютному домику в дальнем конце талливеровских земель, которому прилепившийся сбоку свинарник придавал весьма достойный вид, слезы ее мало-помалу высохли. Водить знакомство с миссис Моггз, женой Люка, было одно удовольствие. Она потчевала Мэгги хлебом с патокой, к тому же была обладательницей самых разнообразных произведений искусства. И Мэгги совсем позабыла, что у нее в это утро были основания печалиться, когда, взобравшись на стул, она разглядывала чудесные картинки, где изображен был Блудный сын, одетый, как сэр Чарлз Грандисон⁹, с той только разницей, что, в отличие от этого наделенного всеми совершенствами героя, у него, как и следовало ожидать от человека с такой скверной репутацией, не хватило вкуса и силы воли отказаться от парика.

Однако гибель кроликов лежала смутной тяжестью у нее на душе и вызывала в ней еще больше сочувствия к этому слабохарактерному молодому человеку – особенно когда она глядела на ту картинку, где он стоял в расстегнутых у колен панталонах и сдвинутым набок парике, бессильно прислонившись к дереву, а свиньи – по всей видимости, чужеземного происхождения, – казалось, нарочно, чтобы досадить ему, с удовольствием пожирали какую-то ботву.

– Я так рада, что отец простил его... А ты, Люк? – спросила она. – Он так жалел обо всем, что натворил, он никогда больше не станет поступать дурно.

⁹ Чарлз Грандисон – герой романа английского писателя Сэмюэла Ричардсона (1689–1761).

– Э, мисс, – возразил Люк, – что там отец для него ни делай, проку с него, боюсь, не будет. Его слова огорчили Мэгги, и она очень сокрушалась, что ничего не знает о дальнейшей судьбе этого молодого человека.

Глава V

Том приезжает домой

Не у одной Мэгги тревожно замирало сердце, когда время подошло к полудню и вот-вот могло раздаться тарахтение двуколки: единственным сильным чувством, владевшим миссис Талливер, была ее любовь к сыну. Наконец послышался дробный перестук колес, и, несмотря на гнавший тучи ветер, от которого вряд ли можно было ожидать особого почтения к локонам и лентам чепца миссис Талливер, она вышла на крыльцо и даже, забыв свои утренние горести, положила руку на непокорную голову Мэгги.

– Вот он, ненаглядный мой сыночек! Боже милостивый! Где у него воротничок? Не иначе как потерял в дороге, разрознил дюжину.

Миссис Талливер раскрыла объятия, Мэгги от нетерпения прыгала то на одной, то на другой ноге; наконец Том сошел с двуколки и сказал с мужским презрением ко всяким нежностям:

– А, Йеп, и ты здесь?

Тем не менее он вполне охотно позволил себя расцеловать, хотя Мэгги так повисла у него на шее, что чуть не задушила. Все это время серо-голубые глаза его были устремлены то на двор, то на овец, то на реку, куда он твердо решил завтра же утром отправиться удить рыбу. Это был один из тех пареньков, которых сколько угодно в Англии и которые в двенадцать-тринадцать лет похожи друг на друга, как гусята: светло-русые волосы, щеки – кровь с молоком, пухлые губы, нос неопределенных очертаний, еле заметные брови – физиономия, на которой, кажется, невозможно различить ничего, кроме общих черт, присущих отрочеству, – прямая противоположность рожице бедной Мэгги, которую Природа слепила и раскрасила, словно преследуя какую-то совершенно определенную цель. Но этой самой Природе присуще низкое коварство, которое она прячет за внешней прямоотой, чтобы простаки думали, будто видят ее насквозь, меж тем как она потихоньку готовит опровержение их самонадеянных пророчеств. За этими обыкновенными мальчишескими физиономиями, которые она словно выпускает целыми партиями, скрывается иногда на редкость твердая и непоколебимая воля, на редкость несгибаемый характер, и темноглазая норовистая бунтарка может в конце концов оказаться более покладистым существом, чем такой вот белый и румяный маленький мужчина с расплывчатыми чертами лица.

– Мэгги, – доверительно начал Том, отведя ее в угол, как только их мать удалилась, чтобы осмотреть содержимое его сундучка, а он отогрелся в теплой гостиной после долгой езды на холоде, – знаешь, что у меня в кармане? – И он закивал с самым таинственным видом, чтобы еще сильнее разжечь ее любопытство.

– Что? – спросила Мэгги. – Ой, Том, как они туго набиты! Мраморные шарики или орехи? – Мэгги несколько упала духом, потому что Том всегда говорил, что играть с ней в эти игры «нет никакого интереса» – так плохо она играет.

– Шарики! Нет, я променял свои шарики, отдал их мелюзге; и на что мне орехи, глупышка?.. Если б еще зеленые... Ну-ка, посмотри! – Он стал медленно вытаскивать что-то из правого кармана.

– Что это? – прошептала Мэгги. – Ничего не вижу, только желтое.

– Это... новая... Угадай, Мэгги!

– Ах, Том, не умею я угадывать! – в нетерпении воскликнула Мэгги.

– Не злись, а то возьму и не скажу, – проговорил Том, вновь засовывая руку в карман и всем своим видом показывая, что так оно и будет.

– Да нет, Том, – умоляюще произнесла Мэгги, беря его за локоть, крепко прижатый к боку. – Я не злюсь: просто я терпеть не могу отгадывать. Ну пожалуйста, пожалуйста, не сердись!

Рука Тома расслабла, и он сказал:

– Ну ладно уж, это новая леса для удочки... двух новых удочек – одна для тебя, Мэгги, твоя собственная. Я не входил в долю на конфеты и имбирные пряники нарочно, чтобы скопить денег; и Гибсон со Спаунсером чуть не подрались со мной из-за этого. А вот крючки, гляди! Слушай, Мэгги, давай пойдем завтра утром на Круглый пруд. И ты сама будешь удить и насаживать черняков и все будешь сама делать. Вот весело будет, а?!

В ответ Мэгги вскинула руки Тому на плечи, крепко обняла его и без единого слова прижалась щекой к его щеке, а Том медленно размотал леску и, помолчав немного, сказал:

– Ну разве не хороший я брат? – купил тебе леску. Ты ведь знаешь, я мог бы этого не делать, если б не захотел.

– Очень, очень хороший. Я так люблю тебя, Том.

Том положил лесу в карман и пересмотрел по очереди все крючки, прежде чем заговорил снова:

– И мальчишки дрались со мной, потому что я ни за что не уступал с конфетами.

– Ах, зачем только вы деретесь в школе! Тебе было больно, Том?

– Мне больно? Нет, – сказал Том, снова пряча крючки; вынув складной нож, он медленно открыл большое лезвие и, задумчиво глядя на него, провел по нему пальцем. Затем добавил: – Я поставил Спаунсеру фонарь, это верно; ну и поделом, пусть не лезет; будто я вошел бы в долю оттого, что кто-то там меня поколотил.

– О Том, какой ты храбрый! Я думаю, ты – как Самсон. Если бы на меня сейчас набросился лев, ты бы стал с ним сражаться – а, Том?

– Ну откуда тут взяться льву, дуреха? У нас львы только в зверинцах.

– Да, но если бы мы были в стране, где львы есть, ну в Африке, где очень жарко... там львы едят людей. У меня это на картинке нарисовано в одной книге, показать?

– Ну, я бы взял ружье и застрелил его.

– А если бы у тебя не было ружья?.. Мы могли бы выйти из дому просто так, ну как мы ходим удить рыбу, и вдруг на нас с ревом набрасывается лев, и нам некуда деться. Что тогда – а, Том?

Том помолчал и наконец отвернулся, презрительно кинув:

– Никаких львов тут нет. К чему болтать ерунду?

– А мне нравится представлять, как все это может быть, – сказала Мэгги, идя за ним следом. – Ну подумай, что бы ты тогда сделал?

– Ах, отстань, Мэгги. Ну и глупая же ты! Пойду-ка я проведаю своих кроликов.

Сердце Мэгги замерло от страха. Она не осмелилась тут же открыть брату печальную правду и, дрожа, молча пошла за ним из комнаты, раздумывая, как бы ей так сообщить новость, чтоб смягчить и горе его, и гнев. Мэгги боялась рассердить его больше всего на свете: у Тома гнев выражался совсем иначе, чем у нее.

– Том, – робко начала она, когда они вышли во двор, – сколько ты дал за своих кроликов?

– Две полукроны и шесть пенсов, – сразу же отозвался Том.

– Я думаю, у меня куда больше денег в копилке наверху. Я попрошу маму дать их тебе.

– Дать их мне? А на что, глупая? У меня и так больше денег, чем у тебя, потому что я мальчик. Мне на Рождество всегда дарят полусоверены и соверены, потому что я буду мужчиной, а тебе дают всего лишь пятишиллинговые монеты – ведь ты всего-навсего девочка.

– Да, Том, но если мама позволит мне отдать тебе две полукроны и шесть пенсов из моей копилки, чтоб ты мог положить их в карман и тратить, ты бы, знаешь, купил еще кроликов.

– Еще кроликов? Зачем мне еще?

– Ах, Том, они все подошли.

Том остановился как вкопанный, повернулся к Мэгги:

– Значит, ты забыла, что их нужно кормить, и Гарри тоже... – Кровь бросилась ему в лицо и тут же отхлынула. – Я покажу Гарри... попрошу отца, он его выгонит. А тебя, Мэгги, я не люблю. И не возьму завтра с собой удить рыбу. Я же велел тебе заглядывать к кроликам каждый день. – Он снова двинулся вперед.

– Да, но я забыла; я не нарочно, правда же, Том. Мне так, так жалко, – прошептала Мэгги, и слезы брызнули у нее из глаз.

– Ты противная девчонка, – сурово сказал Том, – и я жалею, что купил тебе леску. Я не люблю тебя.

– О Том, не будь таким злым, – всхлинула Мэгги. – Я бы простила тебе, если бы ты что-нибудь забыл... Что бы ты ни сделал, я бы простила тебя и любила все равно.

– Да, потому что ты дура; но ведь я никогда ничего не забываю, скажешь – нет?

– О Том, пожалуйста, прости меня, я этого не вынесу, – проговорила Мэгги, содрогаясь от рыданий, и, уцепившись за руку брата, прижалась мокрой щекой к его плечу.

Том оттолкнул ее и, снова остановившись, заговорил не допускающим возражений тоном:

– Ну-ка, послушай, Мэгги. Разве я тебе не хороший брат?

– Д-д-даа... – всхлинула Мэгги, и у нее судорожно задергался подбородок.

– Разве я не думал о леске для тебя всю эту четверть, и решил купить ее тебе, и откладывал для этого деньги, и не хотел входить в долю на конфеты, и Спаунсер дрался со мной из-за этого?

– Д-д-да-а-а... и я... так тебя л-люблю, Том.

– А ты дрянная девчонка. На прошлых каникулах ты слизала краску с моей жестяной коробочки из-под леденцов, а на позапрошлых – не заметила, что мою леску затянуло под лодку, когда я велел тебе смотреть за удочкой, и ни с того ни с сего взяла и проткнула головой мой змей.

– Я не нарочно, – сказала Мэгги, – я не могла удержаться.

– Могла бы, – отрезал Том, – надо только думать, что делаешь. Ты противная девчонка, и я не возьму тебя завтра с собой удить рыбу.

Заклучив свою речь этими ужасными словами, Том бросил Мэгги и пустился бегом к мельнице, чтобы поздороваться с Люком и пожаловаться ему на Гарри.

Минуту-другую Мэгги стояла недвижно, вздрагивая от рыданий, затем повернулась и побежала в дом, на свой чердак; здесь она села на пол и, совершенно подавленная горем, прислонилась головой к ветхой полке. Том наконец дома, и она так мечтала об этом, мечтала, какое это будет счастье... а теперь он на нее сердится. К чему ей все, если Том ее не любит? О, это жестоко с его стороны! Разве не хотела она отдать ему деньги, разве не сказала, что ей очень, очень жаль? Правда, она бывает нехорошей с матерью, но с Томом – никогда... никогда не хочет быть с ним нехорошей.

– О, какой он злой, – громко всхлипывала Мэгги, находя какое-то болезненное удовольствие в гулком отзвуке, разносившем ее голос по всему обширному чердаку. Ей и в голову не приходило бить и терзать свою куклу; она была слишком несчастна, чтобы сердиться.

Ах, эти горькие печали детства, когда страдания нам внове, когда у надежды еще не отросли крылья, чтобы переносить нас через дни и недели, и расстояние от лета до лета представляется неизмеримым!

Мэгги казалось, что она уже много часов на чердаке, что уже, верно, наступил вечер и все пьют чай, а о ней забыли. Пусть, она останется здесь и уморит себя голодом... спрячется за бочку и проведет здесь всю ночь; вот тогда они перепугаются, и Том увидит, что был не прав. Так гордо говорила себе Мэгги, пробираясь за бочку, но тут же снова принялась плакать при

мысли, что им все равно, хоть бы она и совсем там осталась. А если она пойдет сейчас вниз – простит ее Том? Может быть, отец будет в комнате и встанет на ее защиту. Но она хочет, чтобы Том простил ее потому, что любит ее, а не по приказу отца. Нет, она ни за что не спустится вниз, если Том не придет за ней. Этого твердого решения хватило ей на пять долгих минут в темноте за бочкой, но затем жажда любви – эта самая яркая черта в натуре бедной Мэгги – вступила в единоборство с гордостью и вскоре положила ее на обе лопатки. Мэгги выбралась в более светлую часть длинного чердака и в эту минуту услышала на лестнице чьи-то быстрые шаги.

Том так увлекся разговором с Люком, обходом служб, возможностью идти куда заблагорассудится и строгать палки без особой нужды, просто потому, что ему нельзя было это делать в школе, что и думать забыл о Мэгги и о том, как подействовал на нее его гнев. Он хотел наказать ее и, выполнив свое намерение, как человек практический, занялся другими делами. Но когда его позвали пить чай, отец сказал:

– А где же маленькая?

И почти одновременно с ним миссис Талливер спросила:

– Где твоя сестра?

– Не знаю, – ответил Том. Он не хотел ябедничать на Мэгги, хотя очень на нее сердился: Том Талливер был порядочный человек.

– Что? Разве вы не вместе давеча играли? – спросил отец. – Да она только тем и бредила, что ты домой приезжаешь.

– Я уже два часа как ее не видел, – сказал Том, принимаясь за кекс с изюмом.

– Боже милостивый, она утонула! – воскликнула миссис Талливер, вставая со своего места и подбегая к окну. – И куда они только смотрят?! – добавила она, обвиняя, как пристало богобоязненной женщине, неизвестно кого неизвестно в чем.

– Ничего она не утонула, – сказал мистер Талливер. – Ты ее ненароком не обидел, Том?

– Я-то? Само собой, нет, отец, – с негодованием отозвался Том. – Она, верно, где-нибудь в доме.

– Может статься, она на чердаке, – сказала миссис Талливер, – поет и болтает сама с собой и совсем забыла, что пора чай пить.

– Отправляйся-ка и приведи ее, Том, – сердито приказал мистер Талливер; любовь к Мэгги сделала его прозорливым и заставила заподозрить, что Том плохо обошелся с сестрой, иначе она не отошла бы от него ни на шаг. – Да будь с ней поласковой, слышишь? А то смотри у меня!

Том всегда беспрекословно слушался отца – мистер Талливер не терпел возражений и никому бы не позволил, как он выражался, взять над собой верх, – но вид у мальчика, когда, держа в руке кусок кекса, он вышел из комнаты, был довольно угрюмый; он не собирался смягчать наказание, раз Мэгги его заслужила. Тому исполнилось только тринадцать, и он не имел твердых взглядов насчет грамматики и арифметики – и то и другое было для него по большей части сомнительным; но одно не вызывало у него абсолютно никаких сомнений, а именно – что каждый, кто заслуживает наказания, должен быть наказан. Что же, он сам и словечка бы не сказал против наказания, если бы заслужил его; но в том-то и штука, что сам он виноват не бывал никогда.

Итак, шаги, которые Мэгги услышала в ту минуту, когда ее жажда любви восторжествовала над гордостью, были шаги Тома. Заплаканная и растрепанная, она уже решила идти вниз – просить о снисхождении. По крайней мере отец погладит ее по голове и скажет: «Полно, полно, моя доченька». Удивительный укротитель эта потребность в любви, этот голод сердца; перед ним так же трудно устоять, как перед тем, другим голодом, который служит природе, чтобы заставляя нас тянуть лямку и изменять лицо земли.

Она узнала шаги Тома, и сердце ее отчаянно забилося от внезапно нахлынувшей надежды. Едва он остановился на верхней ступеньке и сказал: «Мэгги, тебе велено идти вниз», как она кинулась к нему и, обхватив за шею, зарыдала:

– О Том, пожалуйста, прости меня! Я не могу этого вынести. Я всегда буду хорошая... всегда буду все помнить. Только люби меня... пожалуйста, Том, милый!

С годами мы приучаемся обуздывать наши чувства. Поссорившись, мы держимся врозь, изъясняемся благовоспитанными фразами и так с необыкновенным достоинством храним отчужденность, одна сторона – выказывая твердость характера, другая – глотая свое горе. В наших поступках мы далеко отошли от непосредственности животных с более низкой организацией и ведем себя как члены общества во всех отношениях высокоцивилизованного. Мэгги и Том еще мало чем отличались от молодых зверенышей, и поэтому она могла тереться щекой о его щеку и, орошая слезами, целовать в ухо. И в душе мальчика нашлись нежные струны, откликнувшиеся на ласки Мэгги: он проявил слабость, совершенно несовместимую с его решением наказать ее как следует, – принялся целовать ее в ответ и уговаривать:

– Ну не плачь, Мэгги, не надо; на вот, съешь кусочек кекса.

Рыдания Мэгги стали стихать, она потянулась к кексу и откусила кусок; тут и Том откусил кусочек, просто так, за компанию, и они ели вместе и терлись друг о друга щеками, лбами и носами, напоминая, не в обиду им будь сказано, двух дружных пони.

– Идем, Мэгги, выпьем чаю, – сказал наконец Том, когда весь кекс, который он захватил с собой, был съеден.

Так окончились печали этого дня, и на следующее утро Мэгги рысцой бежала рядом с Томом, попадая, благодаря особому таланту, всегда в самую грязь; в одной руке у нее была удочка, другой она помогала брату нести корзинку; ее смуглая рожица, обрамленная меховым капором, сияла – Том был с ней ласков! Она попросила Тома надевать для нее червяков на крючок, хотя он и дал ей слово, что червякам не больно (по мнению Тома, это не имело особого значения). Он знал все о червяках, и рыбах, и тому подобных вещах; и каких птиц следует остерегаться, и как отпирать всякие замки, и в какую сторону отводить перекладину на воротах. Мэгги считала познания такого рода удивительными, – для нее это было куда труднее, чем запомнить, что написано в книгах; его превосходство внушало ей благоговейный трепет, тем более что Том единственный считал все, что она знала, «вздором» и не удивлялся ее уму. И действительно, по мнению Тома, Мэгги была глупая маленькая девочка. Все девчонки глупы: они не могут попасть камнем в цель, не умеют обращаться со складным ножом и боятся лягушек. Все же он очень любил свою сестренку и собирался всегда о ней заботиться, оставить ее у себя домоправительницей и наказывать, когда она того заслужит.

Они шли на Круглый пруд – этот удивительный пруд, который возник в давние времена, когда были большие разливы. Никто не знал, насколько он глубок, и таинственность его еще усугублялась тем, что он представлял почти правильный круг и его так тесно обступали ивы и высокий камыш, что вода открывалась взгляду, лишь когда вы подходили к самому берегу. При виде любимого уголка у Тома всегда становилось веселее на сердце, и все время, пока он, открыв драгоценную корзинку, готовил наживу, он разговаривал с Мэгги самым дружеским шепотком. Он закинул для нее удочку и вложил удилице ей в руку. Мэгги допускала возможность, что ей попадется какая-нибудь мелкая рыбешка, но крупная, конечно, будет идти на крючок Тому. Она совсем забыла о рыбе и, глядя на зеркальную воду, унеслась мечтами вдаль, как вдруг Том вполголоса окликнул ее: «Не зевай, не зевай, Мэгги!» – и подбежал, чтобы помешать ей выхватить удочку из воды.

Мэгги испугалась, не натворила ли она чего-нибудь, как обычно, но тут Том сам потянул ее удочку, и на траве запрыгал большой линь.

Том ликовал:

– Ай да Мэгги! Молодчина!.. Опоражнивай корзинку.

Мэгги не чувствовала за собой особых заслуг, но с нее было достаточно того, что Том назвал ее «Мэгзи» и похвалил. Ничто не мешало ей наслаждаться шелестом, журчанием и навевающей мечты тишиной, когда она вслушивалась в легкий плеск играющей рыбы или в слабый шорох блаженно перешептывающихся ив, камыша и воды. Мэгги думала, что жизнь была бы истинным раем, если бы можно было сидеть вот так у пруда и никто бы тебя не бранил. Она не замечала, что у нее клюет, пока Том не говорил ей об этом, но ей очень понравилось удить рыбу.

Это был один из их самых счастливых дней; они бегали вместе и вместе садились отдыхать; им и в голову не приходило, что жизнь их когда-нибудь переменится. Они только подрастут и перестанут ходить в школу, каждый день будет вроде праздника, и они всегда будут жить вместе и любить друг друга. И грохочущая мельница, и большой каштан, под которым они так часто играли, и собственная их речушка, Рипл, где они чувствовали себя как дома, где Том всегда находил водяных крыс, а Мэгги собирала пурпурные плюмажи камыша, забывая о них потом и где-то роняя, – и, конечно, могучий Флосс, по берегам которого они бродили, словно отважные путешественники, отправляясь то посмотреть на ужасный весенний прилив, стремительно, как голодное чудовище, вырастающий в устье реки, то повидаться с Большим Ясенем, который в старину стонал и плакал, как человек, – все это навеки останется для них неизменным. Том полагал, что людям, живущим в других местах нашей планеты, сильно не повезло, а Мэгги, читая, как Христиана¹⁰ переходила «реку, через которую нет моста», всегда представляла себе текущий меж зеленых пастбищ Флосс у Большого Ясеня.

Жизнь Тома и Мэгги, разумеется, переменилась, и все же они не ошибались, когда верили, что мысли и чувства ранних лет будут вечно с ними. Мы никогда не любили бы так нашу землю, если бы не провели на ней свое детство, если бы не видели каждую весну те же цветы, что когда-то собирали своими крохотными пальчиками, сидя на траве и что-то лепеча, те же ягоды осенью, на изгородях из шиповника и боярышника, тех же малиновок, которых мы когда-то звали «божьи птички», потому что они не причиняют вреда драгоценным посевам. Какая смена впечатлений может сравниться со сладостным однообразием того, что нам привычно и потому любо?

Лес, где я брожу в этот тихий майский день, – молодая желто-коричневая листва дубов, сквозь которую проглядывает синее небо, белые звездочки примул, и голубоглазая вероника, и низко стелющийся плющ, – какая тропическая пальмовая роща, какие диковинные папоротники или великолепные магнолии с огромными лепестками могут затронуть столь глубокие и тонкие струны в моей душе, как эта картина родной природы! Эти знакомые с детства цветы, эти запечатленные в памяти птичьи голоса, это небо, то ясное, то облачное, эти поля и луга, благодаря прихотливым зеленым изгородям так непохожие друг на друга, – все это – родная речь нашего воображения, язык, полный сложных, неуловимых ассоциаций, которые оставило нам наше пролетевшее детство. Возможно, наши утомленные души не могли бы так наслаждаться бликами солнца на густой сочной траве и лишь смутно ощущали их прелесть, если бы не солнечный свет и трава тех далеких дней, которые все еще живут в нашей душе и претворяют это ощущение в любовь.

¹⁰ Христиана – персонаж книги Беньяна «Путь паломника».

Глава VI

Скоро пожалуют тетушки и дядюшки

Стояла Пасхальная неделя, и сдобные ватрушки удались у миссис Талливер на славу – еще более пышные и легкие, чем обычно. «Дунь ветер, и они полетят как перышко», – восхищалась Кезия, служанка, гордая тем, что живет у хозяйки, умеющей делать такое тесто. Трудно было выбрать время или обстоятельства, более благоприятные для семейного обеда, даже если бы не было нужды посоветоваться с сестрицей Глегг и сестрицей Пуллет относительно отправки Тома в школу.

– Я бы охотно не звала на этот раз сестрицу Дин, – сказала миссис Талливер, – она такая завистливая и жадная и всегда старается выставить моих бедных детей перед их тетушками и дядюшками в самом дурном свете.

– Да нет, – отозвался мистер Талливер, – позови ее, пусть приедет. Мне теперь редко выпадает случай перемолвиться словечком с Дином – он вот уже полгода глаз не кажет. Велика важность, что она там болтает. Мои дети ни в чьих милостях не нуждаются.

– И всегда ты так говоришь, мистер Талливер, а небось из твоих-то никто, ни тетушка, ни дядюшка, и гроша ломаного им не оставит. А тут сестрица Глегг и сестрица Пуллет скопили уже бог знает сколько – ведь они откладывают проценты со своих личных денег и то, что сберегут на хозяйстве; им мужья сами всё покупают.

Миссис Талливер была кроткая женщина, но даже овца начинает брыкаться, когда дело коснется ее ягнят.

– Ш-ш! – прервал ее мистер Талливер. – На много ртов и каравай большой нужен. Что толку, что у твоих сестер есть кой-какие деньжонки, коли их надо поделить между полудюжиной племянников и племянниц. И сестрица Дин, надо думать, не позволит сестрам оставить деньги кому-нибудь одному, чтобы вся округа осуждала их после смерти.

– Уж не знаю, чего она там позволит или не позволит, – сказала миссис Талливер, – а только мои дети совсем не умеют себя вести при тетушках и дядюшках. Мэгги при них упрямится в десять раз больше, чем обычно, да и Том их не жалуется, благослови его Господь... ну да в мальчике это понятнее, чем в девочке. А Люси Дин такой славный ребенок: посади ее на стул – час просидит и не попросит, чтоб сняли. Не могу не любить ее, как свое родное дитя; да что говорить – она вправду скорее в меня, чем в сестру Дин: у сестрицы Дин из всех нас всегда был самый плохой цвет лица.

– Ну что же, коли тебе девчушка по сердцу, попроси отца с матерью захватить ее с собой. И не позовешь ли ты также тетушку и дядюшку Мосс и кого-нибудь из их ребятишек?

– О господи, мистер Талливер, и так будет восемь человек, не считая детей, и мне придется на две доски раздвинуть стол и достать из буфета чуть не весь столовый сервиз; и ты не хуже меня знаешь, что мои сестры и твоя сестра не под лад друг другу.

– Ладно, ладно, делай как хочешь, Бесси, – сказал мистер Талливер, надевая шляпу и отправляясь на мельницу.

Во всем, что не касалось ее родни, миссис Талливер была покорнейшей из жен, но в девицах она звалась мисс Додсон, а Додсоны считались весьма почтенным семейством – семейством, на которое смотрели с не меньшим уважением, чем на любое другое, как в их приходе, так и в соседнем. Было известно, что все мисс Додсон чрезвычайно высоко себя ставят, и никто не удивился, когда две старшие сделали такие удачные партии... в не слишком юном возрасте, ибо ранние браки у Додсонов были не в обычае. Все в этом семействе делалось особенным образом – особенным образом белили полотно, ставили настойку из белой буквицы, коптили впрок окорока и хранили в бутылках крыжовник; поэтому каждая дочь этого дома считала несомненной привилегией быть урожденной Додсон, а не какой-то там Гибсон или

Уотсон. Похороны протекали в семействе Додсон с исключительной благопристойностью: креп на шляпах никогда не отливал синевой, перчатки никогда не лопались по шву, все, кому положено присутствовать, присутствовали, и факельщики всегда были украшены перевязью. Когда кого-нибудь из членов этого семейства постигала беда или болезнь, остальные являлись навещать незадачливого родича – обычно все в одно время – и не уклонялись от тягостного долга высказать самые неприятные истины, поскольку этого требовали их родственные чувства. Если бедняга заболел или попадал в беду по собственной вине, не в привычках Додсонов было обходить это молчанием. Короче говоря, семья эта следовала самым твердым принципам в отношении того, как нужно вести хозяйство и держать себя в обществе, и единственная печальная сторона этой их прерогативы заключалась в том, что для них абсолютно неприемлемы были ни соуса, ни поведение семейств, руководствующихся другими, не додсоновскими принципами. В «чужих домах» дамы Додсон к чаю брали один только хлеб, отказываясь от каких бы то ни было домашних изделий, ибо опасались, что масло несвежее, а варенье начало бродить, так как недостаточно проварено и пропорция сахара не та. Правда, попадались среди них Додсоны и менее правоверные; но поскольку это были «родичи», они тем самым превосходили любых «не родичей». И примечательно, что, хотя ни один Додсон не бывал доволен другим Додсоном, каждый был доволен не только собственной персоной, но и всем семейством Додсон в совокупности. Самый незаметный член семьи – самый тихий и слабохарактерный – часто становится воплощением в миниатюре типичнейших семейных черт, ревностнее всех следует семейным традициям; так и миссис Талливер, несмотря на мягкость натуры, была истинной Додсон – ведь и сидр хотя и слабое, а все же вино; и пусть в юности она постанывала под иглом своих старших сестер, да и теперь еще частенько проливали слезы из-за их укоров, – ей и в голову не приходило нарушать семейные обычаи. Она была благодарна судьбе за то, что она урожденная Додсон, и за то, что один из ее детей пошел в свою родню, хотя бы чертами и цветом лица да пристрастием к соли и к бобам, которых никто из Талливеров в рот не брал.

В остальном истинный Додсон почти не проявлялся в Томе, и он столь же мало почитал свою родню с материнской стороны, как и Мэгги; если ему удавалось загодя узнать об их посещении, он обычно скрывался на целый день, захватив с собой достаточный запас подходящей провизии, – симптом, указывающий, по мнению тетушки Глегг, на испорченность его натуры и предвещающий ему самое мрачное будущее. Не очень-то хорошо было со стороны Тома, что он не посвящал Мэгги в свои намерения, но слабый пол всегда считался серьезной *impedimenta*¹¹ в случаях, когда приходится обращаться в бегство.

Уже в среду, накануне приезда тетушек и дядюшек, разнообразные ароматы, доносившиеся из кухни, так живо вызвали в воображении то пекущийся кекс с изюмом, то не остывший еще студень, то мясную подливку, что на душе сразу становилось весело; сам воздух вселял надежды. Том и Мэгги совершили несколько набегов на кухню и, как это делают все мародеры, покидали ненадолго поле боя, только если им удавалось унести с собой хорошую добычу.

– Том, – спросила Мэгги, когда, примостившись на ветках бузины, они принялись за слоеные пирожки с вареньем, – ты убежишь завтра?

– Не-ет, – протянул Том; он уже справился со своим пирожком и теперь сосредоточенно разглядывал еще один, который нужно было разделить между ними пополам. – Нет, не убегу.

– Почему? Потому что Люси приедет?

– Вот еще, – сказал Том, раскрывая нож, и, склонив голову набок, занес его над пирожком. На лице его было написано сомнение. (Разделить этот несимметричный многоугольник на две равные части представлялось довольно трудной задачей.) – На что она мне? Девчонка! Даже мяч гонять не умеет.

¹¹ Помехой (лат.).

– Так из-за ромовой бабы с кремом? – сказала Мэгги, призывая на помощь всю свою смекалку; она наклонилась вперед, к Тому, и устремила взор на занесенный над пирожком нож.

– Вот глупая! Ромовая баба и на другой день не хуже. Нет, из-за рулета. Я знаю, какой пекут, – с абрикосовым вареньем... А, была не была!

Одновременно с этим восклицанием нож вонзился в пирожок и рассек его надвое; но результат, по-видимому, не удовлетворил Тома, так как он все еще с большим сомнением смотрел на половинки. Наконец он сказал:

– Закрой глаза, Мэгги.

– Зачем?

– Мало ли зачем. Закрывай, коли сказано.

Мэгги повиновалась.

– Тебе в какой руке – в правой или в левой?

– Мне ту, где вытекло варенье, – сказала Мэгги, зажмурив глаза, чтобы угодить Тому.

– Ну и дура, ведь она хуже. Ты получишь ее, если она тебе достанется по-честному, а иначе – нет. Правая или левая... Ну? А-а-а, – с сердцем протянул Том, так как Мэгги, не удержавшись, приоткрыла один глаз. – Закрой глаза, кому я сказал, а то совсем не получишь.

Способность Мэгги к самопожертвованию не заходила так далеко; боюсь, она подвижна была не столько заботой, чтобы Тому досталось больше, сколько жаждой заслужить его одобрение за то, что она уступила ему лучший кусок. Поэтому она еще крепче зажмурила глаза и, когда Том спросил: «Ну же, в которой?» – ответила: «В левой».

– Бери, – сказал Том довольно кислым тоном.

– Которую – ту, где вытекло варенье?

– Нет, вот эту, – твердо проговорил Том, протягивая Мэгги явно бо́льшую долю.

– О Том, пожалуйста, возьми это себе. Мне все равно, мне нравится та половинка. Пожалуйста, возьми.

– Сказал – не возьму, – уже сердито ответил Том и принялся за тот кусок, что похуже.

Считая, что спорить дальше бесполезно, Мэгги тоже взялась за свою половинку и уничтожила ее с большим удовольствием и с меньшей быстротой. Но Том справился первым и, чувствуя, что он вполне способен съесть еще, должен был глядеть, как она приканчивает остатки. Мэгги не знала, что Том на нее смотрит; она самозабвенно раскачивалась на ветке, наслаждаясь пирожком и полной праздностью.

– Ах ты, жадина! – сказал Том, когда она проглотила последние крошки. Он был исполнен сознания своей честности и справедливости и полагал, что Мэгги должна быть ему благодарна и как-то его вознаградить. Он отказался от ее половинки, это верно, но мы, естественно, по-разному смотрим на вещи до и после того, как покончим с нашей долей пирога.

Мэгги даже побледнела:

– О Том, почему ты не попросил?

– Мне у тебя просить?! Ты, жадина! Могла бы сама догадаться, знала ведь, что я отдал тебе лучшую половину.

– Но ведь я предлагала, чтобы ты ее взял... разве нет? – обиженно проговорила Мэгги.

– Да, но я не хотел делать то, что нечестно, как Спаунсер. Он всегда хватается лучший кусок, если не стукнуть его за это, а если ты выберешь лучший с закрытыми глазами, он переменит руки. Делиться – так делиться честно... Только я не был бы такой жадюгой.

Бросив этот убийственный намек, Том соскочил с ветки и, крикнув: «Эй!», кинул камень в знак дружеского внимания к Йепу, который с волнением, не лишенным горечи, возбужденно подрагивая ушами, тоже смотрел, как исчезает пирожок. Однако преданный пес откликнулся на привет Тома с таким пылом, будто получил щедрое угощение.

А Мэгги, наделенная той способностью к самобичеванию, которая отличает человеческое существо от всех прочих и возносит его над любым другим, даже над погруженным в самую

черную меланхолию шимпанзе, замерла на своей ветке, терзаясь незаслуженным упреком. Она отдала бы все на свете, только бы ее пирожок еще не был съеден и она могла поделиться с Томом. И не потому, что пирожок ей не понравился, – Мэгги прекрасно понимала, что вкусно, что нет, – но лучше бы ей за всю жизнь не съесть ни одного пирожка, лишь бы Том на нее не сердился и не называл ее жадиной. Ведь он сказал, что не возьмет, вот она и съела не подумав. Чем же она виновата? Слезы хлынули таким потоком, что минут десять Мэгги не видела ничего вокруг; но вот мало-помалу обида уступила место жажде примирения, и, соскочив с дерева, она стала высматривать Тома. На лужке за двором, где стояло в скирдах сено, его уже не было. Куда бы ему деваться? И Йеп с ним. Мэгги взбежала на пригорок против большого куста остролиста, откуда были видны все окрестности до самого Флосса. А, вот и Том! Но тут сердце ее снова упало – она увидела, как близко он уже от реки, а рядом с ним, кроме Йепа, еще один спутник – противный Боб Джейкин, тот, что нанимался гонять птиц с полей; в настоящее время он если и делал это, то не столько по обязанности, сколько из любви к искусству. Мэгги была убеждена, что Боб – нехороший, не отдавая себе ясного отчета почему. Может быть, виной была мать Боба – огромная, тучная женщина, живущая в странном круглом доме вниз по реке. Однажды, когда Том и Мэгги забрели туда, на них выскочила пятнистая собака и стала яростно лаять; а когда мать Боба вышла вслед за ней и, стараясь заглушить лай, громко крикнула, чтобы они не боялись, Мэгги решила, что она их бранит, и душа у нее замерла от страха. Мэгги ничуть не удивилась бы, узнай, что в первом этаже там водятся змеи, а на втором – летучие мыши: она видела однажды, как Боб снял шапку и показал Тому сидящую там маленькую змейку, а в другой раз у него в руках оказался целый выводок летучих мышей. В общем, это была странная личность, может быть даже отчасти связанная с преисподней, судя по его близости со всякой нечистью; и в довершение всего, когда он появлялся, Том переставал играть с Мэгги и ни за что не брал ее с собой.

Спору нет, Том любил общество Боба. Как же иначе? Стоило Бобу увидеть птичье яйцо, и он уже знал – ласточкино оно, от синицы ли или от овсянки; он с легкостью находил осиные гнезда и умел ставить всевозможные силки; по деревьям он лазил как белка и обладал магической способностью обнаруживать ежей и ласок. К тому же у него хватало смелости делать нехорошие вещи, например ломать изгороди, кидать камни в овец или бить кошек, бродящих инкогнито. Эти качества в человеке, который стоит ниже тебя, с которым, хотя он куда больше тебя знает, можно общаться свысока, естественно, обладали в глазах Тома неотразимой притягательной силой; и каждые каникулы Мэгги ждало несколько грустных дней, потому что Том проводил их с Бобом.

Что ж, надеяться больше не на что. Том ушел, и Мэгги ничего не оставалось, как, сидя под деревом или бродя вдоль изгороди, воображать, что на самом деле все не так, и перекраивать окружающий ее мир на свой лад. Трудная была у Мэгги жизнь, и утешения она искала в мечтах.

Тем временем Том, совершенно забыв про Мэгги и про то, какое жало он вонзил ей в сердце своим упреком, направлялся вместе с Бобом, попавшимся ему случайно навстречу, на большую травлю крыс, которая должна была состояться на гумне по соседству. Боб знал толк в этом тонком деле и говорил о предстоящем развлечении с энтузиазмом, который легко может вообразить каждый, кто не лишен чувств, приличествующих мужчине, и представляет себе, что такое крысиная травля. Для испорченного существа, подозреваемого в общении с нечистой силой, Боб, право же, выглядел не таким уж злодеем; было даже что-то приятное в его курносом лице, окруженном короткими завитками рыжих волос. Да, но штаны у него всегда были закатаны до колен, чтобы в случае нужды удобнее было шлепать по лужам, и добродетель его, если по отношению к нему вообще применимо это слово, была, без сомнения, «добродетель в рубище», а ей, даже по свидетельству желчных философов, считающих, что хорошо одетое достоинство ценится слишком высоко, суждено, как это ни грустно, оставаться без признания (возможно, потому, что мы с ней так редко встречаемся).

– Я знаю одного парня, у которого есть хорьки, – говорил Боб хриплым дискантом, волоча по земле ноги и не отрывая голубых глаз от реки, словно некое земноводное, ожидающее, что вот-вот ему придется нырнуть в воду. – Он из Кеннел-Ярда, что в Сент-Огге, этот парень. Вот мастак крыс ловить – другого такого не сыщешь, это уж точно. Я бы лучше хотел быть крысоловом, чем кем другим, ей-ей! Крот против крысы – тьфу! Тут хорьки нужны. От собак проку нет. Да хоть этот вот пес, – продолжал Боб, указывая на Йепа и всем своим видом выражая глубочайшее отвращение. – С него толку на травле – что с козла молока. Сам видел своими глазами, когда ловили крыс на вашем гумне.

Чувствуя его уничтожающее презрение, Йеп поджал хвост и приник к самым ногам хозяина. Том, несколько задетый этими словами, был всего лишь простой смертный, и у него не хватило духу отстать от Боба в его пренебрежении к щенку, оказавшемуся отнюдь не на высоте.

– Да, – сказал он, – да, от Йепа на охоте никакой пользы. Когда я кончу школу, я заведу настоящих собак и для крыс, и для всего другого.

– Лучше хорьков, мастер Том, – с живостью подхватил Боб, – таких белых, с розовыми глазами. Вы тогда сможете ловить у себя крыс, а не то – посадить хорька в одну клетку с крысой и смотреть, как они вцепятся друг в друга... Вот это да! Уж я бы так сделал, точно; была бы потеха не хуже, чем когда парни дерутся... те, что продают на ярмарке пирожки и апельсины; ну и летает это все у них из корзиночек! Некоторые пирожки так шмякаются – прямо в лепешку. А все равно вкусные, – помолчав, добавил Боб в виде сноски или примечания.

– Но послушай, Боб, – сказал Том, как бы взвешивая в уме все за и против, – хорьки здорово кусаются, цапнут, когда и не ждешь.

– Разрази меня гром, то-то и красота! Коли кто схватит хорька, сразу завопит благим матом, – вот увидите.

Тут мальчиков неожиданно задержало необыкновенное происшествие: из ближних камышей в воду метнулся какой-то маленький зверек; Боб заявил, что готов прозакладывать свою душу, коли это не водяная крыса.

– Э-ге-гей, Йеп, эге-гей! Вот, вот она! – захолопал в ладоши Том, следя, как маленькая черная мордочка стрелой несется к противоположному берегу. – Хватай его, братец, хватай!

Йеп насторожил уши и наморщил лоб, но в воду кинуться отказался, решив попробовать, нельзя ли тут ограничиться лаем.

– Эх ты, трус! – сказал Том и дал ему пинка с унижительным сознанием, что ни один уважающий себя охотник не захотел бы стать хозяином такой трусливой твари.

Боб воздержался от замечания и пошел дальше, предпочтя, однако, для разнообразия брести по воде, покрывавшей кромку берега.

– Он сейчас не шибко разлился, Флосс-то, – сказал Боб, поднимая ногами брызги с приятным чувством, что наносит реке оскорбление. – В прошлом году луга были что твое море, не сойти мне с этого места!

– Да, а вот, – возразил Том, который был склонен противоречить, хотя бы никаких к тому оснований и не представлялось, – а вот однажды был разлив так разлив; тогда еще появился Круглый пруд. Это верно, мне сам отец рассказывал. И все овцы и коровы потонули, и лодки ходили по полям, словно по реке.

– Ну, меня этим не испугаешь, хоть бы и разлив, – похвастался Боб, – мне все одно – что вода, что земля, я поплыву себе, вот и вся недолга.

– Да, а как нечего будет есть целый день или дольше? – сказал Том, воображение которого под воздействием такой угрозы сильно разыгралось. – Когда я вырасту большой, я сделаю баржу с деревянным домом наверху, как Ноев ковчег, и буду там держать целую кучу еды – кроликов и разное другое – на всякий случай. И как начнется разлив, мне все будет нипочем. И я возьму тебя к себе в баржу, если увижу, что ты плывешь, – покровительственно добавил он.

– Да я не боюсь, – сказал Боб, которого не так уж пугал голод. – Но я бы забрался в баржу и стучал кроликов по голове, когда вы хотели бы их съесть.

– И у меня были бы монетки в полпенса, и мы играли бы в орлянку, – продолжал Том, не допуская мысли, что, когда он достигнет зрелого возраста, это развлечение будет таить в себе куда меньше очарования. – Мы разделили бы их поровну, а там – кто выиграет.

– А у меня есть свои полпенса, – гордо заявил Боб, выходя из воды и подкидывая монету в воздух. – Орел или решка?

– Решка, – сказал Том, тотчас загораясь желанием выиграть.

– А тут орел, – крикнул Боб, поспешно хватая упавшую на землю монету.

– Нет, решка, – громко возразил Том, – давай сюда, я выиграл честно.

– Не дам, – сказал Боб, зажав монету в кулаке и сунув руку в карман.

– Ну так я тебя заставлю... увидишь у меня! – рассердился Том.

– Попробуй!

– Заставлю.

– Как бы не так!

– Я хозяин.

– Подумаешь!

– Вот у тебе покажу «подумаешь», ты, плут! – закричал Том, хватая Боба за шиворот и тряся его.

– Отстань лучше, – сказал Боб, дав Тому пинка.

Том совершенно вышел из себя. Одним прыжком он бросился на Боба и сбил его с ног, но Боб вцепился в него, как кошка, и потянул Тома за собой. Несколько минут они яростно барахтались на земле; наконец Том положил Боба на обе лопатки и решил, что победа за ним.

– Скажи, что отдашь мне теперь полпенса, – с трудом проговорил он, напрягая все силы, чтобы не позволить Бобу вырвать руки.

В этот момент Йеп, убежавший было вперед, с лаем вернулся на поле битвы и увидел, что представляется благоприятная возможность укусить Боба за босую ногу – не только безнаказанно, но даже с честью. Боль от внезапного укуса отнюдь не заставила Боба отпустить противника, напротив – он вцепился в Тома еще крепче, напрягая все силы, опрокинул на спину и сел на него верхом. Тут Йеп, который раньше не мог найти достаточной точки опоры, вонзил зубы в новое место; Боб, подвергшийся вторичному нападению, отпустил Тома и, чуть не задушив Йепа, с размаху кинул его в воду. К этому времени Том уже снова вскочил и, прежде чем Боб твердо стал на ноги после расправы с Йепом, бросился на него, повалил на землю и крепко уперся коленом ему в грудь.

– А ну, давай сюда монету, – сказал Том.

– Сам бери, – угрюмо пробормотал Боб.

– Нет, я сам ее брать не буду; ты мне ее дашь.

Боб вынул монету из кармана и бросил ее на землю.

Том выпустил его, и Боб смог подняться.

– Вон лежат твои деньги, – сказал Том. – Они мне не нужны. Я бы не взял их себе. Но ты захотел сжульничать. Обманывать подло. Я никуда с тобой не пойду, – добавил он, поворачивая к дому не без вздоха сожаления о травле крыс и других удовольствиях, которых он лишал себя, отказавшись от общества Боба.

– Ну и пусть лежат, – крикнул вслед ему Боб. – Я буду жулить, коли захочу, иначе какой интерес играть. И я знаю, где есть гнездо щегла, да не скажу. А ты поменьше рукам волю давай, ты, индюк надутый!

Том продолжал идти не оборачиваясь, и Йеп следовал его примеру – холодная ванна несколько умерила его пыл.

– Ну и проваливайте вместе со своей утоплой собакой, мне такой и задаром не надо... уж мне-то нет! – крикнул Боб, стараясь показать, что поведение Тома его совсем не трогает. Но ничто не могло заставить Тома повернуть, и голос Боба дрогнул, когда он добавил: – А я еще все вам давал, и все показывал, и не просил у вас ничего. И раз так, вот вам ваш нож с роговым черенком, что вы мне подарили. – Тут Боб кинул нож как можно дальше вслед удаляющемуся Тому. Но и это не произвело никакого впечатления, а Боб почувствовал, что существование его потеряло всякий смысл, раз у него нет больше ножа.

Он неподвижно стоял на месте, пока Том не прошел в ворота и не скрылся за оградой. Какой толк валяться ножу на земле... а Том и внимания не обратил. Чувства гордости и обиды в душе Боба не могли перевесить его любовь к ножу; даже пальцы его дрожали от желания схватить хорошо им знакомую шершавую рукоятку из оленьего рога, которую они так часто сжимали просто из привязанности к другу, в бездействии лежащему в кармане. И у него два лезвия, Боб только-только их наточил! Ну что такое жизнь без складного ножа для того, кто хоть раз вкусил высокое блаженство обладать им! Нет, потеряв лезвие, кинуть вслед за ним черенок – это еще куда ни шло: чего не сделаешь с досады. Но, потеряв друга, кидать вслед ему целехонький нож – согласитесь, в известном смысле гипербола, уж это – хватить через край. И Боб побрел обратно к тому месту, где лежал в грязи его любимый нож. С какой радостью он сжал его в руке после кратковременной разлуки, раскрыл одно за другим оба лезвия и провел по ним своим загрубелым пальцем. Бедный Боб! Он был не слишком шепетилен в вопросах чести – отнюдь не рыцарь без страха и упрека. Тонкий аромат рыцарской этики был бы совсем не по носу общественному мнению Кеннел-Ярда – самое средоточие, самый центр мира, в котором жил Боб, – даже если бы смог туда проникнуть. При всем том Боб не был ни подлецом, ни вором, как решил в запальчивости наш друг Том.

Но Том, как вы, наверно, заметили, был настоящий Радамант¹², ибо обладал более развитым, чем это свойственно его возрасту, чувством справедливости – судья, стремящийся воздать виновным по заслугам и не сомневающийся в том, что знает точную меру этих «заслуг»... Мэгги видела, что он пришел домой хмурый, и это омрачило ее радость, хотя он вернулся гораздо раньше, чем она ожидала; она едва осмелилась заговорить с ним, когда он, стоя на мельничной плотине, молча швырял в воду камешки. Мало удовольствия отказаться от охоты на крыс, раз ты настроился на это. Но если бы Тома спросили, какое чувство владеет им сейчас, он бы ответил: «Я снова поступил бы точно так же». Так он обычно относился к тому, что им уже сделано, в отличие от Мэгги, которая всегда жалела, зачем она не поступила иначе.

¹² *Радамант* – один из судей в подземном царстве (*греч. миф.*).

Глава VII

На сцене появляются тетушки и дядюшки

Семейство Додсон, бесспорно, отличалось благообразием, и миссис Глеэг была отнюдь не хуже своих сестер. Глядя на нее, когда она сидела в гостиной миссис Талливер, ни один беспристрастный наблюдатель не стал бы отрицать, что для ее пятидесяти лет у нее весьма недурны лицо и фигура; только Том и Мэгги считали свою тетушку Глеэг образцом уродства. Что правда, то правда – она презирала наряды, и, хотя, как она частенько говорила, ни одна женщина не могла бы потягаться с ней по части туалетов, не в ее привычках было надевать новое платье, пока не износилось старое. Другие женщины могли, если им угодно, отдавать свои лучшие кружева в стирку каждую неделю, но когда миссис Глеэг умрет, все узнают, что в правом ящике комода, в спальне с крапчатыми обоями, у нее хранятся кружева подороже тех, что когда-либо носила сама миссис Вул из Сент-Огга, хотя миссис Вул надевает свои кружева, еще не успев за них заплатить. То же самое можно было сказать и об ее накладных локонах: несомненно, в ящиках у миссис Глеэг хранились сверкающие глянцем, круто завитые каштановые накладки, а также локоны, более или менее развившиеся; но каждый день взирать на мир из-под глянцевитой, волосок к волоску накладки было бы немислимым, даже кощунственным смещением суетного и святого. Правда, изредка, отправляясь на неделе с визитом, миссис Глеэг надевала одну из своих третьесортных выходных накладок, но, конечно, не тогда, когда собиралась навестить какую-либо из сестер, особенно миссис Талливер, которая оскорбила миссис Глеэг в ее лучших чувствах тем, что и после замужества продолжала носить собственные волосы, хотя, как заметила миссис Глеэг в разговоре с миссис Дин, от матери семейства, да еще при муже, который вечно таскается по судам, можно было бы ожидать побольше благоразумия. Но Бесси никогда не отличалась характером!

Так что, если в этот день накладка миссис Глеэг имела вид более всклокоченный, чем обычно, тут таился определенный умысел: это должно было служить острым и язвительным намеком на белокурые локоны миссис Талливер, спущенные, согласно моде того времени, на уши из-под гладко расчесанных на прямой пробор волос. Миссис Талливер пролила не одну слезу из-за нападок миссис Глеэг на эти не подобающие замужней женщине кудряшки, но сознание того, что они ей к лицу, естественно, поддерживало ее дух. В этот день миссис Глеэг предпочла не снимать шляпки (правда, она развязала ленты и слегка сдвинула ее назад); миссис Глеэг часто практиковала это, когда ей случалось отправиться с визитом в дурном настроении. Мало ли какие сквозняки могли случиться в чужом доме! По этой самой причине на ней был небольшой соболий палантин, едва прикрывавший плечи и с трудом сходявшийся на мощной груди, а ее длинную шею защищали *chevaux de frise*¹³ из множества оборок. Нужно было быть хорошо знакомым с модами тех времен, чтобы понять, как далеко отстало от них ее шелковое платье стального цвета, но, судя по созвездиям желтых пятнышек, раскиданных по ткани, и по источаемому им затхлому запаху, наводящему на мысль о сыром сундуке для белья, оно, по всей вероятности, принадлежало к числу одеяний столь давнего геологического периода, что скоро снова могло войти в моду.

Держа в руке большие золотые часы и несколько раз обмотав цепочку вокруг пальцев, миссис Глеэг заметила, обращаясь к миссис Талливер, только что вернувшейся после очередного визита на кухню, что, сколько бы там ни показывали чужие часы, хоть карманные, хоть стенные, по ее часам уже половина первого.

¹³ Ограда, искусственное препятствие (*фр.*).

– Не знаю, что случилось с сестрой Пуллет, – продолжала она. – Раньше у нас и в заводе не было, чтоб один приезжал позже другого – во всяком случае, при нашем покойном отце, – чтоб одна сестра полчаса сидела и ждала, покуда пожалуют остальные! Но коли все порядки в семье перевернутся, это уж будет не моя вина – я-то ни за что не стану входить в дом, когда другие из него уже выходят. Я удивляюсь сестре Дин – она всегда поступала так же, как я. Но мой тебе совет, Бесси, не задерживать обеда; лучше начни чуть раньше, чтоб неповадно было опаздывать.

– Господи боже мой! Нечего бояться, что они не успеют, сестрица, – сказала миссис Талливер присущим ей мягко-раздражительным тоном. – Обед будет не раньше половины второго. А ежели ты проголодалась, давай я принесу тебе ватрушку и стакан вина.

– Ну, Бесси, – с горькой усмешкой сказала миссис Глегг, чуть заметно покачав головой, – пора бы лучше знать свою сестру. Я никогда в жизни не ела между завтраком и обедом и не намерена теперь начинать. Хотя, конечно, глупо обедать в половине второго, когда можно обедать в час. Тебя не в таких правилах воспитывали, Бесси.

– Да что ж я могу поделаться, Джейн? Мистер Талливер не любит обедать раньше двух, я и так из-за вас велела подавать на полчаса раньше.

– Да, да, я знаю, как оно с мужьями, – они все на свете рады отложить. Они отложат обед до чая, коли их жены по слабости потакают таким штучкам. Жаль мне тебя, Бесси, не хватает тебе характера. Боюсь, твои детки хлебнут горя из-за этого... Я надеюсь, ты не вздумала готовить парадный обед – не стала из-за нас входить в лишние расходы; твои сестры скорей согласятся грызть сухую корку, чем пособлять твоему разорению. Удивляюсь, почему ты не берешь пример с сестры Дин – она куда благоразумнее. Ведь у тебя на руках двое детей, а муженек порастряс все твое состояние на тяжбы, да и свое, верно, скоро спустит. Кусок отварной говядины, чтоб вышла еще похлебка для слуг, – добавила миссис Глегг безапелляционным тоном, – да простой пудинг без специй, с ложкой сахара, были бы куда уместней.

Ну и веселенький обещал быть денек, раз сестрица Глегг в таком расположении духа! Миссис Талливер так же трудно было заподозрить в желании ссориться с миссис Глегг, как цаплю, которая в целях самозащиты вытянула вперед одну ногу, можно заподозрить в желании ссориться с мальчишкой, кидающим в нее камни. Но вопрос об обеде был вопрос наболевший, поднимавшийся не в первый раз, и миссис Талливер могла ответить то же, что и всегда:

– Мистер Талливер говорит, что у него для друзей всегда найдется хороший обед, покуда он в состоянии заплатить за него, и он волен распоряжаться в своем доме, сестрица.

– Как знаешь, Бесси; только я не могу оставить твоим детям достаточно, чтобы уберечь их от разорения. А получить хоть что-нибудь из денег мистера Глегга тебе и надеяться нечего; хорошо, коли я не отправлюсь на тот свет раньше его – в их семье все живут долго, – а ежели ему судьба умереть первым, так он обеспечит меня только пожизненно, а там все его деньги перейдут к его родне.

Шум экипажа, прервавший речь миссис Глегг, к великому облегчению миссис Талливер, положил конец неприятному разговору, и она поспешила на крыльцо встретить сестрицу Пуллет, – судя по стуку колес, это не мог быть никто иной, ибо только сестрица Пуллет ездила в фаэтоне.

При мысли о фаэтоне миссис Глегг вскинула голову и с кислым видом поджала губы. У нее на этот счет было вполне определенное мнение.

Когда одноконный экипаж остановился у двери, миссис Талливер увидела, что сестрица Пуллет сидит вся в слезах и, судя по всему, испытывает потребность еще немного поплакать, ибо, не двигаясь с места, печально покачивает головой, глядя сквозь слезы в пространство, хотя ее муж и мистер Талливер стоят, готовые помочь ей сойти.

– Что с тобой, не случилось ли чего, сестрица? – забеспокоилась миссис Талливер.

Она не отличалась богатым воображением, но тут ей пришло в голову, что, может статься, опять разбили большое зеркало на туалетном столике в парадной спальне миссис Пуллет.

Ничего не ответив и все еще покачивая головой, миссис Пуллет медленно вышла из экипажа, кинув предварительно взгляд на мистера Пуллета, дабы убедиться, что он следит, как бы не пострадало ее нарядное шелковое платье. Мистер Пуллет был низенький человечек с носом пуговкой, маленькими моргающими глазками и тонкими губами; на нем был свежевыглаженный черный костюм и белый галстук, завязанный чрезвычайно туго, по-видимому в соответствии с принципами более высокими, чем личное удобство. Рядом со своей статной, красивой женой, в платье с буфами, в широкой мантилье и большой, обильно украшенной лентами и перьями шляпке, он выглядел как маленькое рыбацье суденышко рядом с бригом, распустившим все паруса.

Сколь трогательное зрелище и сколь поразительный пример того, как изошрила наши чувства цивилизация, являет собой охваченная горем дама, одетая по последней моде. Какой длинный ряд переходных ступеней от скорби готтентотки до скорби дамы в платье с пышными рукавами, со множеством браслетов на обеих руках, в завязанной изящными лентами шляпке – настоящем произведении архитектурного искусства! У просвещенного детища цивилизации непосредственность чувств, свойственная горю, находится под контролем рассудка и проявляется в таких неуловимых и разнообразных черточках, что это может представить интерес для аналитического ума. Если бы сокрушенная горем, почти ничего не видя из-за слез, дама, проходя в дверь, отклонилась от прямого курса, она могла бы сокрушить и свои рукава, – и таящаяся в глубине сознания мысль об этом создает то самое равновесие сил, которое помогает ей благополучно миновать дверной косяк. Чувствуя, что по щекам ее катятся слезы, она развязывает на шляпе ленты и томно отбрасывает их назад – трогательный жест, говорящий, что даже в момент глубочайшего уныния она не теряет надежды на будущее, когда слезы ее высохнут и ленты от шляпки вновь обретут былое очарование. Но вот рыдания ее понемногу стихают, и, откинув голову ровно настолько, чтобы не повредить шляпки, она осознает, что наступил тот ужасный миг, когда горе, притупившее радость жизни, начинает притупляться само; тогда она в задумчивости взглядывает на браслеты и приводит в порядок застёжки с той прелестной намеренной непреднамеренностью, которая порадовала бы ее душу, если бы она была в более спокойном и здоровом состоянии.

Миссис Пуллет с большим изяществом обмахнула оба косяка своими широчайшими рукавами (в ту пору женщина была в глазах строгих ценителей поистине смешной, если не достигала полутора ярдов в плечах) и, войдя в гостиную, где сидела миссис Глегг, снова приготовилась плакать.

– Поздно, поздно изволили пожаловать, сестрица. Что там еще стряслось? – довольно резко проговорила миссис Глегг, когда они поздоровались.

Миссис Пуллет села, осторожно приподняв сзади мантилью, и только тогда ответила: «Она покинула нас», бессознательно применив выразительную риторическую фигуру.

«Значит, на этот раз не зеркало», – подумала миссис Талливер.

– Умерла третьего дня, – продолжала миссис Пуллет. – И ноги у нее были с меня толщиной, – немного помолчав, добавила она с глубокой скорбью. – Счету нет, сколько раз ее кололи, чтоб выпустить воду, но воды было, говорят, хоть плавай в ней.

– Ну, Софи, тогда ее счастье, что она умерла, кто б она ни была, – отозвалась миссис Глегг с быстротой и категоричностью, свойственными ее от природы ясному и решительному уму, – хотя что до меня, понятия не имею, о ком ты толкуешь.

– Но я-то имею, – вздохнула миссис Пуллет, покачивая головой, – в приходе еще не бывало такой водянки. Мне-то известно, что это старая миссис Саттон из Твентиленда.

– Ну, она тебе не родня и, насколько я знаю, не так уж близко знакома, – заявила миссис Глегг, которая проливала столько слез, сколько положено, если что-нибудь приключалось с ее родней, но никогда не плакала в других случаях.

– Уж так близко, что я видела ее ноги, когда они раздулись как пузыри... Старая леди, а до последней минуты сама всем заправляла, и пускала в оборот свои деньги, и всегда хранила все ключи под подушкой... Да, не много теперь осталось в приходе таких, как она.

– А уж сколько лекарств она выпила! Говорят, в целый фургон не вместились бы, – вставил мистер Пуллет.

– Ах, – вздохнула миссис Пуллет, – она много лет страдала от другого недуга, прежде чем у нее началась водянка, а доктора не могли выяснить, что это такое. И она сказала мне, когда я навестила ее на Рождество: «Миссис Пуллет, если у вас когда-нибудь будет водянка, вспомните обо мне». Так вот и сказала, – добавила миссис Пуллет, снова принимаясь горько плакать, – собственные ее слова. И ее хоронят в воскресенье, Пуллет приглашен на похороны.

– Софи! – воскликнула миссис Глегг, не в силах больше сдерживать естественное негодование. – Я удивляюсь тебе, Софи: волноваться и подрывать свое здоровье из-за чужих людей! Твой бедный отец никогда так не поступал, и тетюшка Фрэнсис тоже, ни о ком из семьи не скажешь ничего подобного. Ты не могла бы волноваться сильнее, ежели б вдруг стало известно, что кузен Эббот скоропостижно скончался и не оставил завещания.

Миссис Пуллет замолчала, ей пришлось унять слезы, но она была скорей польщена, чем рассержена тем, что ее укоряют в излишней чувствительности. Не каждый мог позволить себе так убиваться по людям, которые не оставили вам ничего по завещанию, но миссис Пуллет вышла замуж за джентльмена-фермера¹⁴ и располагала досугом и деньгами, чтобы во всем, что она делает, даже в скорби, доходить до самых вершин респектабельности.

– Но миссис Саттон-то завещание оставила, – вмешался мистер Пуллет со смутным ощущением, что слова его подтверждают законность слез его жены. – Приход у нас богатый, но, говорят, никто еще не оставлял столько денег, как миссис Саттон. И она не стала их делить... так только, сущие пустяки... и отказала все целиком племяннику мужа.

– Тогда что толку было иметь много денег, – проговорила миссис Глегг, – коли ей некому было их оставить, кроме как мужниной родне. Плохо дело, ежели только ради этого ты во всем себе отказываешь. Оно, конечно, приятно, чтобы после твоей смерти у тебя нашли больше денег, отданных под проценты, чем полагали, а все ж скверная это история, когда деньги уходят из семьи.

– Право, сестрица, – сказала миссис Пуллет, успокоившись настолько, что могла снять и аккуратно сложить вуаль, – он славный человек, тот, кому миссис Саттон оставила свои деньги: он страдает астмой и каждый вечер ложится спать в восемь часов. Он сам рассказал мне об этом – да еще так, откровенно, – когда был однажды в воскресенье в нашей церкви. Он носит под рубашкой заячью шкурку и немного заикается – настоящий джентльмен. Я сказала ему, что редкий месяц обхожусь без врача. И он ответил: «Миссис Пуллет, могу вам посочувствовать». Так и сказал, этими самыми словами. Ах! – вздохнула миссис Пуллет, покачивая головой при мысли, что мало кто мог похвастать таким богатым опытом по части белой микстуры и розовой микстуры, сильнодействующих лекарств в маленьких бутылочках и слабодействующих лекарств в больших бутылках, облаток – шиллинг за дюжину – и пластырей по полтора шиллинга.

– Ну, сестрица, теперь я могу пойти и снять шляпку... Вы не видели, вынули из коляски картонку с чепцом? – добавила она, оборачиваясь к мужу.

У мистера Пуллета это почему-то совершенно выскочило из головы, и, мучимый угрызениями совести, он поспешил во двор, чтобы исправить свою оплошность.

¹⁴ *Джентльмен-фермер* – состоятельный землевладелец, сам занимающийся ведением своего хозяйства.

– Ее принесут наверх, сестрица, – сказала миссис Талливер, стремясь уйти, пока миссис Глегг не принялась выражать свои чувства по поводу пагубного для здоровья пристрастия Софи к лекарствам: никто из Додсонов сроду их в рот не брал.

Для миссис Талливер было большим удовольствием подняться с сестрицей Пуллет в спальню, осмотреть со всех сторон ее чепчик, прежде чем она его наденет, и обсудить вопрос о головных уборах вообще. Это было одной из слабостей Бесси и возбуждало в миссис Глегг сестринское сострадание: Бесси слишком любила наряжаться и была слишком горда, чтобы надевать на Мэгги те отличные вещи, которые сестра Глегг извлекала из доисторических пластов своего гардероба. Стыд и срам покупать хоть что-нибудь для этой девочки, разве что башмаки. Тут миссис Глегг была, однако, несправедлива к своей сестре: миссис Талливер прилагала величайшие усилия, чтобы заставить Мэгги носить шляпку из итальянской соломки и крашеное шелковое платье, перешитое из платья тетушки Глегг, но результаты были таковы, что миссис Талливер пришлось похоронить их в своем материнском сердце. Мэгги, объявив, что платье пахнет гадкой краской, постаралась залить его соусом от жаркого в первое же воскресенье, когда мать ей его надела, и, обнаружив, что это достигло своей цели, немного погодя окатила украшенную зелеными лентами шляпку водой из насоса, так что та стала похожа на шалфейный сыр, гарнированный увядшим латуком. В оправдание Мэгги я должен сказать, что Том смеялся над ней, когда она ходила в этой шляпке, и сказал, что она вылитая старуха Джуди¹⁵. Тетушка Пуллет тоже дарила им разные вещи, но они были всегда так красивы, что нравились и Мэгги и ее матери. Из всех своих сестер миссис Талливер, безусловно, больше всех любила сестрицу Пуллет, и та платила ей взаимностью, хотя и сетовала, что у Бесси такие непослушные и нескладные дети; она, понятно, сделает для них все, что может, но жаль, что они не такие примерные и хорошенькие, как дочка сестры Дин. Мэгги и Том, со своей стороны, считали тетушку Пуллет сноской, главным образом потому, что она не была тетушкой Глегг. Том и к той и к другой отказывался ходить чаще одного раза за каникулы, хотя и получал от дядюшек по монетке, но, поскольку в подвале у Пуллетов жили жабы и в них можно было кидать камнями, Том предпочитал тетушку Пуллет. Мэгги при виде жаб начинало трясти, ее потом мучили ночью кошмары, но ей нравилась музыкальная табакерка дядюшки Пуллета... Сестры миссис Талливер в ее отсутствие сходились на том, что кровь Талливеров плохо смешивается с кровью Додсонов, что, по сути, дети бедняжки Бесси – чистые Талливеры и что Том, несмотря на додсоновский цвет лица, обещает стать таким же «супротивником», как и его отец. Что до Мэгги, то она – копия тети Мосс, сестры мистера Талливера, ширококостной женщины, вышедшей замуж до крайности неудачно; у нее даже не было сервиза, а муж ее едва-едва выплачивал аренду... Однако, когда миссис Пуллет оставалась наедине с миссис Талливер, сестры, естественно, принимались обсуждать слабости миссис Глегг, и в сегодняшней конфиденциальной беседе они пришли к единодушному мнению, что трудно представить, каким пугалом сестра Джейн вырядится в следующий раз.

Их тет-а-тет был нарушен появлением миссис Дин с крошкой Люси, и миссис Талливер с молчаливой завистью наблюдала, как приводятся в порядок белокурые локоны ребенка. Чтобы у миссис Дин, самой худой и бледной из всех мисс Додсон, была такая дочь! Да она куда больше похожа на миссис Талливер. И Мэгги рядом с Люси выглядит в два раза смуглей, чем обычно.

В этом можно было еще раз убедиться, когда дети пришли из сада с отцом и дядюшкой Глеггом. Мэгги кое-как стащила с головы капор, и волосы ее рассыпались прямыми растрепанными прядями; войдя в комнату, она сразу кинулась к Люси, стоявшей рядом с матерью. Что и говорить, контраст между двоюродными сестрами был разителен, и на первый взгляд не в пользу Мэгги, хотя знаток, возможно, увидел бы в ней «статус», сулящие в будущем куда больше, нежели аккуратная завершенность Люси. Они выглядели рядом как взлохмаченный

¹⁵ Джуди – комический персонаж в английском народном кукольном театре.

черный, непомерно вытянувшийся щенок и белый котенок. Люси подставила изящный розовый ротик, чтобы Мэгги ее поцеловала. В ней все было изяшно – округлая шейка в коралловом ожерелье, прямой, ничуть не вздернутый носик, четко очерченные бровки, значительно темнее локонов, как раз под стать карим глазам, которые застенчиво, но с удовольствием глядели на Мэгги, переросшую ее на голову, хотя между ними не было и года разницы. Мэгги всегда любила Люси. Она любила представлять себе такой мир, где все люди не старше, чем дети их возраста, и королевой его она видела девочку – точь-в-точь Люси, с маленькой короной на голове и скипетром в руках... только королевой была сама Мэгги.

– Ах, Люси, – выпалила она, поцеловав кузину, – ты останешься с Томом и со мной, ладно? Ах, поцелуй ее, Том.

Том тоже подошел к Люси, но целовать ее он не собирался, нет; он подошел к ней, потому что, в общем, это казалось легче, чем сказать «здравствуйте» всем этим тетушкам и дядюшкам. Он стоял, ни на кого не глядя, не зная, куда девать руки и ноги, покраснев от смущения и неопределенно улыбаясь, как это свойственно застенчивым мальчикам в обществе – будто они появились там случайно и застали всех в самом неприличном неглиже.

– Хорошенькое дело! – громко и отчетливо произнесла тетушка Глегг. – Где это видано, чтобы маленькие мальчики и девочки, входя в комнату, не здоровались со своими дядюшками и тетушками? Когда я была маленькой девочкой, у нас такой повадки не было.

– Подойдите и поговорите со своими тетушками и дядюшками, голубчики, – сказала миссис Талливер с озабоченным и грустным видом. Ей хотелось потихоньку приказать Мэгги пойти наверх и причесаться.

– Ну, как же вы поживаете? Я надеюсь, вы хорошие детки? – спросила миссис Глегг все таким же громким и отчетливым голосом; она притянула их к себе за руки так, что сделала им больно своими массивными кольцами, и поцеловала в щеки совершенно вопреки их желанию. – Подними глаза, Том, подними глаза. Мальчики, поступающие в пансион, должны высоко держать голову. Ну-ка, взгляни на меня. – (Том, видимо, решил уклониться от этого удовольствия, так как постарался вырвать у нее руку.) – Убери волосы за уши, Мэгги, и поправь на плече платье.

Тетушка Глегг всегда говорила с ними особым голосом, как будто считала их глухими или, возможно, немножко идиотами. Она надеялась этим заставить их почувствовать, что они должны отвечать за свои поступки, и думала этим благотворно воздействовать на них и сдерживать их дурные наклонности. Дети Бесси так избалованы, просто необходимо, чтобы кто-нибудь внушил им чувство долга.

– Ах, мои душечки, – сказала тетушка Пуллет сострадательным тоном, – удивительно, как вы быстро растете... Боюсь, как бы они от этого не ослабели, – добавила она, меланхолически поднимая глаза на миссис Талливер. – Мне кажется, у девочки слишком много волос... На твоём месте, сестрица, я бы подстригла ее покороче. Это вредно для здоровья. Я бы не удивилась, если бы мне сказали, что именно потому она такая смуглая... Как ты думаешь, сестрица Дин?

– Вот уж не знаю, сестрица, – ответила миссис Дин и снова поджала губы, глядя на Мэгги критическим взором.

– Чепуха, – сказал мистер Талливер, – девочка совершенно здорова... у нее нигде ничего не болит. Бывает белая пшеница, бывает и красная, коли уж о том речь зашла, и многим темное зерно больше по вкусу. Но неплохо бы, Бесси, постричь ее покороче, чтоб волосы не торчали в разные стороны.

В душе у Мэгги зрел ужасный замысел, но привести его в исполнение мешало желание узнать у тетушки Дин, оставит ли она у них Люси. Тетушка Дин так редко привозила ее к ним. Исчерпав все резоны для отказа, миссис Дин обратилась к самой Люси:

– Неужели ты захочешь здесь остаться без мамы, а, Люси?

– Да, мамочка, пожалуйста, – робко промолвила Люси, и у нее даже шейка залилась краской.

– Молодец, Люси!.. Пусть остается, миссис Дин, пусть остается, – сказал мистер Дин, крупный подвижной мужчина, с внешностью, равно типичной для всех слоев английского общества, – лысина на макушке, рыжие бакенбарды, выпуклый лоб, плотное, но не грузное телосложение. Вы можете встретить пэров этого типа и подобных же торговцев бакалейным товаром или поденщиков. Но такие пронизательные карие глаза, как у него, вы увидите куда реже. Он крепко держал в руке серебряную табакерку и время от времени обменивался понюшкой табаку с мистером Талливером, табакерка которого была только посеребренной; это служило поводом для постоянно повторявшейся шутки: мистер Талливер пытался обменяться с мистером Дином и табакеркой. Табакерка мистера Дина была преподнесена ему вместе с паем в деле старшими компаньонами фирмы, где он был управляющим, в знак признания его ценных услуг. Ни одного человека в Сент-Огге не ставили так высоко, как мистера Дина, и были люди, которые предсказывали, что, возможно, настанет день, когда мисс Сюзан Додсон, сделавшая, по общему суждению, самую невыгодную партию из всех сестер, будет ездить в лучшей карете и жить в лучшем доме, чем даже ее сестра Пуллет. Трудно заранее сказать, чего может достигнуть человек, ставший компаньоном такой большой фирмы, как фирма «Гест и К^о», владеющая мельницами, и кораблями, и даже собственным банком. А миссис Дин, как отмечали ее закадычные подруги, была дама честолюбивая и «загребущая». Уж она-то не даст своему муженьку стоять на месте, сумеет его как следует пришпорить.

– Мэгги, – поманив дочку к себе, тихо сказала миссис Талливер, когда вопрос, останется ли у них Люси, был разрешен, – пойдя причешись... Ну же, как тебе не стыдно! Ты прекрасно знаешь, что я велела тебе сперва подняться к Марте.

– Том, пойдем со мной, – шепнула Мэгги, проходя мимо брата, и потянула его за рукав; Том с готовностью последовал за ней.

– Пойдем со мной наверх, – зашептала она, как только они очутились за дверью. – Я хочу сделать до обеда одну вещь.

– Нам ни во что не успеть поиграть, – сказал Том, с нетерпением ожидавший обеда и неспособный представить себе, что можно чем-нибудь заняться в оставшееся время.

– О, это мы успеем; ну, пойдем.

Том последовал за Мэгги в комнату матери и увидел, что сестра сразу же подошла к комоду и вынула из ящика большие ножницы.

– Зачем они тебе, Мэгги? – спросил Том с пробуждающимся любопытством.

Вместо ответа Мэгги схватила переднюю прядь волос и обрезала ее у самого лба.

– Ой, Мэгги! Ну и влетит тебе! – воскликнул Том. – Ты лучше больше не режь.

Чик – снова щелкнули ножницы, и Том не мог не согласиться, что это неплохая забава: Мэгги будет выглядеть такой потешной!

– Ну-ка, Том, обрежь мне их сзади, – сказала Мэгги, опьяненная собственной смелостью и стремясь поскорей завершить свой подвиг.

– И попадет же тебе, знаешь, – сказал Том, предостерегающе покачивая головой, и нерешительно взял ножницы.

– Не важно, побыстрей! – крикнула Мэгги, топая ногой. Щеки ее пылали.

Черные пряди были так густы; трудно было найти что-нибудь более соблазнительное для мальчишки, уже вкусившего запретной радости стричь гриву пони. Я обращаюсь к тем, кто знает, какое наслаждение сомкнуть лезвия ножниц, преодолевая тугую массу волос. Один упительный взмах, затем второй и третий – и задние пряди тяжело упали на пол; Мэгги стояла, остриженная лесенкой, но при этом испытывала такое чувство полной свободы, словно она вышла из лесу на открытую равнину.

– Ой, Мэгги, – воскликнул Том, прыгая вокруг нее и с хохотом хлопая себя по коленям, – ой, не могу, до чего ж ты смешная! Посмотри на себя в зеркало; ты похожа на того дурачка, в которого мы в школе кидали скорлупу от орехов.

Мэгги ошутила неожиданный укол в сердце. Раньше она думала прежде всего об избавлении от надоевших ей волос и не менее надоевших замечаний по их поводу и – чуточку – о победе, которую она одержит над матерью и тетками благодаря такому решительному образу действий. Она не стремилась к тому, чтобы ее волосы выглядели красиво, об этом не могло быть и речи; она только хотела, чтобы люди считали ее умной маленькой девочкой, а не находили в ней одни недостатки. Но сейчас, когда Том стал над ней смеяться и сказал, что она похожа на дурачка, все это предстало пред ней совсем в ином свете. Она посмотрела в зеркало – Том все еще смеялся и хлопал в ладоши, – и ее раскрасневшиеся щеки побледнели, губы дрогнули.

– Ой, Мэгги, тебе придется идти сейчас к обеду, – сказал Том. – Ой, не могу!

– Не смейся надо мной! – топая ногой, гневно закричала Мэгги и толкнула его; из глаз ее потоком хлынули сердитые слезы.

– Ну-ну, потише, злюка, – сказал Том. – Для чего ж ты их тогда обстригла? Ну, я иду, нюхом слышу, что сейчас будет обед.

Он поспешил вниз и оставил Мэгги во власти горького чувства, что сделанного не воротишь, – чувства, которое терзало ее детское сердечко чуть не каждый день. Она уже ясно видела, что учинила глупость и что теперь ей придется больше, чем когда-либо, слышать о своих волосах. Мэгги всегда поступала не подумав, под влиянием порыва, а затем во всех мельчайших подробностях, подсказанных живым воображением, представляла не только последствия своего поступка, но и что было бы, если бы она его не совершила. Том, обладавший удивительной врожденной способностью чувствовать, что` ему на пользу, что` во вред, никогда не делал таких глупостей, как Мэгги, и хотя был куда более своеволен и упрям, чем сестра, мать редко бранила его за непослушание. А уже если Том совершал какой-нибудь промах, он держался твердо, ему все было нипочем. Если он испортил отцовский кнут, нахлестывая ворота, он-то чем виноват? – нечего кнуту застревать в петле. Раз Том Талливер стегает ворота, значит поступок этот оправдан тем, что стегает их не кто другой, а именно он, Том Талливер, и он не намерен ни в чем раскаиваться... Но Мэгги, стоявшая в слезах перед зеркалом, чувствовала, что она просто не в состоянии сойти вниз и вынести суровые слова и взоры тетюшек и смех, которым встретят ее Том, и Люси, и Марта, прислуживающая за столом, а возможно, даже отец и дядюшки, – раз Том смеялся, ясно – все остальные тоже будут. Ах, если бы она не трогала своих волос! Она сидела бы сейчас вместе с Томом и Люси и ела рулет с абрикосовым вареньем и дробленку. Что ей еще оставалось, как не плакать? Глядя на темные пряди срезанных волос, она была в таком же отчаянии, так же нуждалась в помощи, как Аякс¹⁶, глядящий на перебитых им овец. Возможно, закаленные невзгодами смертные, которым приходится думать о новогодних счетах, о погибшей любви и разбитой дружбе, назовут ее терзания пустыми, но для Мэгги они были не менее, а может быть, и более мучительными, чем те, что в противовес им называют истинными огорчениями зрелых лет. «Ах, дитя мое, скоро тебя ждут настоящие печали, не то что теперь», – успокаивали нас в детстве, и мы, в свою очередь, став взрослыми, успокаиваем так других детей. Кому из нас не случалось, потеряв в незнакомом месте мать или няню, жалобно всхлипать, глядя на свои голые ножки в маленьких носочках; но мы не можем теперь вызвать в памяти острую боль той минуты и поплакать над ней, как мы плачем над памятными до сих пор страданиями, испытанными каких-нибудь пять или десять лет назад. Каждая из таких горьких минут оставила свой неизгладимый след, но следы эти уже невозможно распознать под более поздними напластованиями поры нашей юности и зрелых

¹⁶ Герой трагедии Софокла «Эант», в припадке безумия перебивший собственных овец.

лет; вот почему мы смотрим на горести детей с улыбкой, не верим в реальность их мучений. Можем ли мы, оглядываясь на далекое детство, вспомнить не только то, что мы делали и что с нами случилось, что нам нравилось и что не нравилось, когда мы ходили в коротком платьице или штанишках, но и проникнуть духовным взором в те чувства, которые владели нами, когда так далеко было от одних летних каникул до других, можем ли возродить в сознании все пережитое, когда школьные товарищи не хотели с нами больше играть потому, что мы просто из упрямства неправильно подавали мяч; или когда в дождливый день, не зная, чем заняться, мы от безделья принимались за проказы, от проказ переходили к открытому непослушанию, от непослушания к угрюмой мрачности; или когда мать наотрез отказывалась сшить нам взрослое платье к новому полугодю, хотя добрая половина наших сверстников давно вышла из курточек? Я уверен, если бы мы заново могли изведать горечь тех первых обид, тех неясных предчувствий, то ощущение полной безнадежности, которое во сто крат усугубляло эту горечь, мы бы не относились с таким пренебрежением к печалям наших детей.

– Мисс Мэгги, вам велено сейчас же идти вниз, – сказала Кезия, поспешно входя в комнату. – Батюшки! Что вы натворили! В жизни такого пугала не видела.

– Перестань, Кезия, – сердито сказала Мэгги. – Уходи.

– Но, говорю вам, мисс, вам велено сейчас же идти вниз – так приказала ваша матушка, – повторила Кезия, подходя к Мэгги и беря ее за руку, чтобы поднять с полу.

– Уйди, Кезия, я не хочу обедать! – крикнула Мэгги, отталкивая ее руку. – Не пойду я вниз.

– Ну, как знаете, мне недосуг вас ждать. Я должна прислуживать за столом, – ответила Кезия, выходя из комнаты.

– Мэгги, глупая, – сказал Том, заглядывая в дверь минут десять спустя, – почему ты не идешь обедать? Там целая куча сластей, и мама велит, чтобы ты шла. Ну чего ты реवेशь, – экая ты нюня.

О, это ужасно! Том так жесток и бессердечен! Если бы он сидел на полу и плакал, Мэгги тоже заплакала бы вместе с ним. И обед, наверно, вкусный, а она так хочет, так хочет есть. Ах, как ей тяжело!

Однако Том был не так уж жесток. Он не собирался плакать, и горе Мэгги не мешало ему с удовольствием предвкушать сладкое, но он подошел к ней и, прижав ее голову к своей, тихо сказал, стараясь ее утешить:

– Значит, не придешь, Мэгги? Хочешь, я принесу тебе кусочек рулета, когда съем свой, и дробёну, и разных разностей?

– Хочу-у-у, – протянула Мэгги, чувствуя, что жизнь становится несколько более сносной.

– Хорошо, – сказал Том, выходя. Но у самых дверей он снова обернулся и добавил: – А все же лучше спускайся, знаешь. Там на десерт – орехи и настойка из буквицы.

Когда Том ушел, Мэгги перестала плакать и задумалась. Его участливые слова немного смягчили ее горе, а орехи и настойка стали предъявлять свои законные права.

Медленно поднялась она с пола, усыпанного прядями срезанных волос, медленно спустилась вниз. Здесь, прислонившись плечом к косяку, она заглянула внутрь, когда дверь в столовую приотворилась. Она увидела Тома, и Люси, и пустой стул между ними, а рядом на столике дробёну. Это было выше ее сил. Она проскользнула в комнату и направилась к своему месту. Но не успела она сесть, как пожалела об этом, и ей снова захотелось очутиться наверху.

При виде ее миссис Талливер чуть не хватил удар: тихонько вскрикнув, она уронила большую ложку, которой набирала подливку, прямо в блюдо – с самыми неприятными последствиями для скатерти. Кезия, не желая волновать хозяйку в то время, когда та режет мясо, не открыла ей истинной причины того, почему Мэгги отказалась спуститься вниз, и миссис Талливер думала, что речь идет не более чем о приступе упрямства, за которое Мэгги сама себя наказала, лишившись половины обеда.

Возглас миссис Талливер заставил все глаза обратиться туда, куда был устремлен ее взор; щеки и уши Мэгги запылали огнем, а дядюшка Глегг, седой добродушный джентльмен, воскликнул:

– Ну и ну! Что это за маленькая девочка? Да я совсем ее не знаю. Уж не на дороге ли вы ее подобрали, Кезия?

– Гляди ты, ведь это она сама обрезала себе волосы, – вполголоса сказал мистер Талливер мистеру Дину и от души рассмеялся. – Видели вы такую негодницу?

– Ну, мисс, и смешной же у тебя теперь вид, – заметил дядюшка Пуллет; и вероятно, ни разу в жизни слова его никому не причиняли такой острой боли.

– Фи, как не стыдно! – громко произнесла тетушка Глегг тоном самого сурового порицания. – Маленьких девочек, которые стригут себе волосы, следует сечь и сажать на хлеб и воду, а не пускать за стол вместе с дядюшками и тетушками.

– Да, да, – подхватил дядюшка Глегг, желая обернуть эту угрозу в шутку, – я думаю, ее нужно отправить в тюрьму, там ей остригут остальные волосы – вот и подравняются.

– Она стала еще больше похожа на цыганку, чем раньше, – сказала тетушка Пуллет с жалостью в голосе. – Какая обида, сестрица, что девочка такая смуглая; мальчик-то беленький, ничего не скажешь. Боюсь, как бы ей это не повредило в жизни.

– Она гадкая девочка и хочет разбить своей маме сердце, – проговорила миссис Талливер со слезами на глазах.

На Мэгги сыпался град упреков и насмешек. Сперва ее щеки вспыхнули от гнева, который на некоторое время, очень ненадолго, дал ей силы для внутреннего отпора, и Том решил, что, вдохновленная появлением рулета и дрочёны, она стойко все перенесет. Под этим впечатлением он шепнул: «Ой, не могу, Мэгги, говорил я тебе, что влетит». Он сказал это из дружеских чувств, но Мэгги подумала, что Том радуется ее позору. И без того слабое сопротивление рухнуло, к горлу подкатил какой-то ком, и, вскочив со стула, она подбежала к отцу, уткнулась лицом ему в плечо и громко расплакалась.

– Полно, полно, девонька, – принялся утешать ее отец, прижимая к себе, – ну что за беда; твое право было их обрезать, коли они тебе мешали. Брось плакать, отец не даст тебя в обиду.

Целительный бальзам нежности! Мэгги не забыла ни одного из этих случаев, когда отец «не давал ее в обиду»; она хранила их в своем сердце и думала о них многие годы спустя, когда все толковали, что мистер Талливер плохо выполнил свой долг по отношению к детям.

– Ох и балует же твой муж этого ребенка, Бесси! – громко произнесла «в сторону» миссис Глегг. – Это ее погубит, ежели ты не примешь мер. Мой отец так своих детей не воспитывал, иначе не бывать бы нашей семье такой, какая она есть.

К этому времени расстройство миссис Талливер из-за семейных неприятностей достигло, видимо, того предела, за которым наступает полное безразличие. Не обратив внимания на слова сестры, она откинула назад ленты чепчика и с немой покорностью судьбе принялась раскладывать рулет.

Десерт принес Мэгги полное избавление, так как детям разрешили взять настойку и орехи в беседку, – день был очень теплый, – и с живостью букашек, выбравшихся из-под направленного на них зажигательного стекла, они выбежали из дома и помчались наперегонки по саду, где только-только стали набухать на кустах почки.

У миссис Талливер были особые основания отпустить детей. Теперь, когда покончили с обедом и мысли больше не были заняты едой, наступил подходящий момент, чтобы сообщить о планах мистера Талливера относительно Тома, и самому Тому при этом лучше было не присутствовать. Дети привыкли, что о них говорят так свободно, словно они птицы и ничего не понимают, как бы они ни вытягивали свои шейки и ни прислушивались; но в данном случае миссис Талливер проявила необычную осмотрительность, так как за последнее время по некоторым признакам убедилась, что учение у пастора для Тома – перспектива столь же малопри-

ятная, как, например, обучение у констебля. Миссис Талливер со вздохом признавалась себе, что ее муж все равно сделает по-своему, что бы там ни говорили сестрица Глегг или сестрица Пуллет, но, во всяком случае, если дело обернется худо, никто не сможет ее упрекнуть, что она согласилась на безрассудный поступок мужа, ни слова не сказав своей родне.

– Мистер Талливер, – прервала она беседу своего мужа с мистером Дином, – не пора ли уже рассказать тетушкам и дядюшкам, что ты решил насчет Тома?

– Ладно, – довольно резко ответил мистер Талливер, – я готов кому угодно сказать, что я решил с ним сделать. Я решил, – продолжал он, глядя на мистера Глегга и мистера Дина, – я решил послать его к мистеру Стеллингу, пастору в Кинг-Лортоне... Очень, говорят, сведущий человек, он Тома на ум наставит.

Среди присутствующих пронесся шепот удивления, как это бывает в сельской церкви, когда священник коснется с кафедры житейских дел своей паствы. Для тетушек и дядюшек было полной неожиданностью узнать, что планы мистера Талливера как-то связаны с пастором. Что до дядюшки Пуллета, он вряд ли был бы больше сбит с толку, если бы мистер Талливер заявил, что собирается послать Тома к лорду-канцлеру. Мистер Пуллет принадлежал к тому ныне вымершему классу английских йоменов, которые одевались в тонкое сукно, платили высокие налоги и подати, исправно ходили в церковь и уничтожали по воскресеньям праздничный обед, столь же твердо веря в то, что между Британской церковью и государством нет никакого различия, как в то, что Солнце вертится вокруг Земли. Печально, но факт – у мистера Пуллета было смутное представление, что епископ – это нечто вроде баронета, который может быть, а может и не быть священнослужителем, и так как пастор его прихода был человек родовитый и состоятельный, мысль о том, что священник выступает в роли учителя, настолько противоречила всем его понятиям, что совершенно не укладывалась в голове. Я знаю, в наш просвещенный век трудно поверить в столь глубокое невежество, но поразмыслите, каких блестящих результатов может достигнуть при благоприятных условиях человек, одаренный природными способностями. А дядюшка Пуллет отличался как раз исключительной природной способностью к невежеству. Он-то первый и выразил вслух свое недоумение.

– Что? Зачем вам понадобилось посылать его к пастору? – спросил он, изумленно помаргивая, и поглядел на мистера Глегга и мистера Дина, чтобы увидеть, понимают ли они хоть что-нибудь.

– Да затем, что пасторы, как я смеаю, – лучшие учителя, – сказал бедный мистер Талливер, который в лабиринте нашего мудреного света с величайшей готовностью крепко хватался за любую путеводную нить. – Джейкобз, у которого был Том, не пастор, а что толку? Ничему он Тома не выучил. Вот я и решил – уж коли посылать Тома к учителю, так чтоб не был вроде Джейкобза. А этот мистер Стеллинг, судя по всему, как раз такой человек, какой мне нужен. Я собираюсь отправить к нему Тома после Иванова дня, – решительно закончил он, постучав по крышке табакерки, и заложил в нос понюшку табаку.

– Вам тогда придется оплатить солидный счет за полгода, э, Талливер? Пасторы имеют о себе довольно высокое понятие, – заметил мистер Дин, с шумом втягивая табак, что он проделывал во всех тех случаях, когда хотел остаться в стороне.

– И вы думаете, сосед Талливер, пастор научит его различать с первого взгляда, какая пшеница хорошая, какая плохая? – засмеялся мистер Глегг; он любил пошутить и считал, что теперь, когда он удалился от дел, ему не только простительно, но даже подобает видеть вещи с их смешной стороны.

– Да я, понимаете, задумал тут кой-что насчет Тома... – начал мистер Талливер, но, сделав это заявление, умолк и поднес к губам стакан.

– Ну, ежели мне позволят раскрыть рот – а это не часто бывает, – с горькой многозначительностью вмешалась миссис Глегг, – я хотела бы узнать, какой толк дать мальчику воспитание не по средствам?

– Видите ли, – продолжал мистер Талливер, глядя не на миссис Глегг, а на мужскую половину своей аудитории, – я решил пустить Тома по другой части. Я уж давненько об этом подумывал, а как посмотрел на Гарнета и его сына, так и сомневаться перестал. Хочу определить его к какому-нибудь делу, где бы он мог начать без капитала; вот и надо отдать его в науку, чтоб он не уступал законникам и всяким таким людям и меня мог при случае надоумить.

Не разжимая губ, на которых играла не то жалостливая, не то презрительная улыбка, миссис Глегг издала громкое «гм».

– Было бы куда лучше для иных людей, – произнесла она после столь многообещающего введения, – кабы они оставили законников в покое.

– Значит, он стоит во главе средней классической школы, этот пастор, – вроде той, что на Маркет-Бейли? – спросил мистер Дин.

– Нет... вовсе нет, – обернулся к нему мистер Талливер. – Он возьмет не больше двух-трех учеников, так что у него будет достаточно времени для каждого из них.

– А-а, и он их быстрее выучит. А то им трудно учиться, когда их так много, – заметил дядюшка Пуллет, чувствуя, что наконец проник в самую суть этого трудного вопроса.

– Но он, верно, и деньги спросит хорошие?.. – осведомился дядюшка Глегг.

– Да, добрых сто фунтов в год... не меньше, – произнес мистер Талливер, немало гордясь своим решительным образом действий. – Но это опять же не выброшенные деньги; образование для Тома будет тот же капитал.

– Да, это имеет свой смысл, – заметил мистер Глегг. – Что ж, сосед Талливер, может, вы и правы, может, вы и правы.

Коль нет земли и нет ни пенни,
То впору взяться за ученье.

Я, помню, видел эти две строчки на витрине в Бакстоне. Но нам, неученым, лучше приберечь свои денежки, а сосед Пуллет? – И мистер Глегг с довольным видом потер колени.

– Дивлюсь я вам, мистер Глегг, – заявила его супруга. – Не к лицу это человеку вашего возраста и положения.

– Что не к лицу, миссис Глегг? – спросил мистер Глегг, весело подмигивая окружающим. – Новый синий костюм, который я сегодня надел?

– Мне жаль вас, мистер Глегг: как можно проявлять такую слабость характера! Я говорю, не к лицу вам шутить, когда ваша родня очертя голову несется к разорению.

– Коли это вы обо мне, – отозвался мистер Талливер, задетый за живое, – так обо мне можете не беспокоиться, я справлюсь со своими делами без посторонней помощи.

– Как это я забыл, – сказал мистер Дин, благоразумно переводя разговор на другую тему, – ведь я слышал от кого-то, что Уэйкем тоже собирается послать своего сына – этого калеку – к пастору. Ты не помнишь, Сюзан? – обратился он к своей супруге.

– Ничего не могу об этом сказать, ровно ничего, – ответила миссис Дин и снова крепко сжала губы. Кто-кто, но уж никак не миссис Дин станет ввязываться в перебранку, где того и гляди достанется тебе самому.

– Что ж, – сказал мистер Талливер преувеличенно весело, чтобы миссис Глегг видела, что он и думать о ней забыл. – Уж коли Уэйкем хочет послать сына к пастору – будьте уверены, я не промахнусь, когда сделаю то же. Уэйкем – самая продувная бестия, какую породил нечистый, но уж он-то насквозь видит всякого, с кем имеет дело. Да, да, скажите мне, кто мясник Уэйкема, и я скажу вам, где покупать мясо.

– Но сын адвоката Уэйкема – горбун, – заметила миссис Пуллет со смутным ощущением, что вся эта история принимает несколько похоронный характер, – натуральнее послать его к пастору.

– Да, – вмешался мистер Глегг, опрометчиво подхватывая слова миссис Пуллет, – не забывайте об этом, сосед Талливер. Сын Уэйкема вряд ли пойдет по деловой части. Уэйкем сделает из него джентльмена, из бедного мальчонки.

– Мистер Глегг, – прервала его миссис Глегг тоном, свидетельствующим, что, хотя она решила крепко закупорить свое негодование, оно помимо ее воли с шумом просачивается наружу, – придержите лучше язык, мистер Талливер не желает знать ваше мнение, равно как и мое. Иные люди сами лучше всех все знают.

– Ну, коли судить по вашим словам, так это к вам как раз и относится, – отрезал мистер Талливер, снова начиная кипятиться.

– О, я молчу, – саркастически промолвила миссис Глегг. – Моего совета не спрашивали, я и не даю его.

– Редкий случай, – сказал мистер Талливер. – Советы – единственное, что вы даете, даже чересчур охотно.

– Давать, может, я ничего и не даю, зато охотно ссужаю, – отпарировала миссис Глегг. – Я одалживала деньги кой-кому, кто, может статься, заставит меня пожалеть, что я ссужала собственную родню.

– Полно, полно, полно, – пытался успокоить их мистер Глегг.

Но ничто не могло удержать мистера Талливера от резкого ответа:

– Ну так вы, сдается мне, имеете долговое обязательство и получаете свои пять процентов, родня это или не родня.

– Сестрица, – умоляюще промолвила миссис Талливер, – выпей настойки и возьми хоть немножко миндаля и изюма.

– Бесси, мне жаль тебя, – обернулась к ней миссис Глегг; она сильно напоминала дворняжку, которая обрадовалась случаю оставить в покое прохожего с палкой и облаять безоружного. – Ни к чему сейчас толковать мне о миндале да изюме.

– О боже, сестрица Глегг, не надо ссориться, – простонала миссис Пуллет, роняя слезу. – Да еще после обеда. Тебя может хватить удар – смотри, ты вся красная сделалась... а мы только-только сняли траур и уложили в сундуки платье с крепом. Так сестры не поступают.

– Надо думать, не поступают, – отрезала миссис Глегг. – Хорошенькие настали времена, ежели одна сестра приглашает к себе в дом другую нарочно, чтобы затеять ссору и оскорблять ее.

– Легче, легче, Джейн, не горячись, – вступился мистер Глегг.

Но не успел он договорить, как мистера Талливера, ни в коей мере еще не излившего свой гнев, снова прорвало.

– Да кто тут затевает ссоры? – вскричал он. – Вы сами не можете оставить людей в покое и вечно всех грызете. Я ни за что не стану ссориться с женщиной, ежели она знает свое место.

– Свое место! Еще чего! – повысила голос миссис Глегг. – И поважнее вас были люди, мистер Талливер, – они давно уже спят вечным сном, – а обращались со мной поуважительней, чем вы... хотя, конечно, мой муж сидит тут словно воды в рот набрал и смотрит, как меня оскорбляют. И кто? Тот, кто и думать бы об этом не посмел, когда бы некоторые члены нашей семьи не вышли замуж невесть за кого.

– Уж коли об этом речь зашла, – отпарировал мистер Талливер, – так моя семья не хуже вашей... и даже лучше – в ней нет женщины с таким вздорным характером.

– Отлично, – заявила миссис Глегг, поднимаясь, – не знаю, может, вы, мистер Глегг, думаете, что так и надо – сидеть здесь и слушать, как меня поносят, но только я и минуты не останусь в этом доме. Вы можете оставаться и ехать домой в двуколке, я пойду пешком.

– Ах ты господи, ах ты господи, – горестно промолвил мистер Глегг, выходя из комнаты вслед за своей половиной.

– Ну как ты мог это сказать? – со слезами на глазах проговорила миссис Талливер.

– Скатертью дорожка, – проворчал мистер Талливер, слишком разгоряченный, чтобы его могли охладить даже ручки слез. – Пусть уходит, и чем скорее, тем лучше. В другой раз подумает, прежде чем указывать мне.

– Сестрица Пуллет, – растерянно обратилась к сестре миссис Талливер, – как ты полагаешь, выйдет что, ежели ты пойдешь за ней и попробуешь ее урезонить?

– Лучше не надо, лучше не надо, – сказал мистер Дин. – Уладите это в другой раз.

– Тогда, сестрицы, пойдем посмотрим, что делают дети, – предложила миссис Талливер, вытирая глаза.

Ни одно предложение не могло быть более кстати. Когда сестры вышли из комнаты, мистер Талливер вздохнул с облегчением: ну и надоели ему эти женщины – хуже мух. Одним из наибольших удовольствий мистер Талливер полагал беседу с мистером Дином, но тот был настолько занят, что видеться им удавалось очень редко. Мистер Талливер считал мистера Дина самым «смыслящим» из своих знакомых, к тому же тот обладал бойким и злым языком, чего так недоставало самому мистеру Талливеру, у которого любовь к острому словцу не находила себе членораздельного выражения. И теперь, когда женщины ушли, они могли наконец завести серьезный разговор, не опасаясь, что их прервут из-за каких-нибудь пустяков. Они могли обменяться мнениями насчет герцога Веллингтона, позиция которого в католическом вопросе показала его в совершенно новом свете, и выразить свое презрение к тому, как он вел себя во время битвы при Ватерлоо, которую он ни за что бы не выиграл, если бы в его распоряжении не было многочисленной английской армии, не говоря уже о Блюхере и пруссаках, подоспевших, как слышал мистер Талливер от весьма осведомленного человека, в самый последний момент. Тут, правда, между ними возникло небольшое разногласие, ибо мистер Дин заметил, что не склонен слишком доверять пруссакам, – форма их морских судов и неудовлетворительный характер сделок с данцигскими пивоварами заставляют его придерживаться весьма низкого мнения о пруссаках вообще. Потерпев поражение в этом вопросе, мистер Талливер принялся сетовать на то, что не бывать уже стране такой, какой она была когда-то; однако мистер Дин, связанный с фирмой, доходы которой с каждым годом росли, естественно, не так мрачно смотрел на будущее и привел несколько примеров насчет состояния экспорта, в частности экспорта кож и технического цинка, которые несколько успокоили страхи мистера Талливера и отодвинули в более отдаленное будущее те времена, когда страна окончательно станет добычей папистов и радикалов и честным людям трудно будет пробиться в жизни.

Дядюшка Пуллет сидел и, помаргивая глазками, слушал, как они обсуждают эти высокие материи. Сам он в политике ничего не смыслил, считая, что тут нужен особый талант, но, судя по тому, что они говорили, этот герцог Веллингтон совсем не подходил для своего поста.

Глава VIII

Мистер Талливер проявляет слабость

– А что, ежели сестрица Глегг потребует обратно свои деньги?.. Тебе будет не так легко раздобыть сейчас пятьсот фунтов, – сказала в тот вечер миссис Талливер своему супругу, перебирая в памяти все события этого горестного дня.

Миссис Талливер прожила с мужем тринадцать лет, однако в полной неприкосновенности сохранила с первых дней супружеской жизни способность говорить вещи, которые побуждали его делать как раз обратное тому, что ей хотелось. Удивительно, как некоторые умы ухитряются не потерять своей первозданной свежести; так золотая рыбка, дожив до самого преклонного возраста, по-видимому, продолжает питать юношескую иллюзию, что она может проплыть прямо сквозь стенку аквариума. Миссис Талливер была милой рыбкой этого рода и в течение тринадцати лет, натываясь лбом на одну и ту же стенку, каждый раз снова пыталась прошибить ее все с тем же рвением.

Замечание миссис Талливер немедленно склонило мистера Талливера к убеждению, что ему вовсе не трудно будет раздобыть пятьсот фунтов, а когда она стала довольно настойчиво спрашивать, как же это он их раздобудет, не закладывая мельницу и землю – чего, он, по его словам, никогда не сделает, ведь в наши дни люди не очень-то охотно ссужают деньги без залога, – мистер Талливер, разгорячась, объявил, что миссис Глегг вольна поступать, как ей угодно, деньги он вернет, потребует она их или нет. Он не желает быть обязанным ни одной из своячениц. Когда мужчина берет жену из семьи, где целая куча баб, ему со многим приходится мириться, коли он на это пойдет. Но он, мистер Талливер, не пойдет.

Миссис Талливер тихонько всплакнула, надевая ночной чепец, но очень скоро погрузилась в целительный сон, убаюканная мыслью, что завтра она переговорит обо всем с сестрицей Пуллет в Гэрум-Фёрзе, куда она была приглашена с детьми к чаю. Не то чтобы она ожидала каких-нибудь определенных результатов от этого разговора, но, хотя сделанного не воротить, не может быть, чтобы ничего не изменилось, если как следует поплакаться.

Муж ее не мог заснуть довольно долго – он тоже думал о визите, который нанесет на следующий день, и его размышления на этот счет имели далеко не такой неопределенный и утешительный характер, как мысли его любезной половины.

Под горячую руку мистер Талливер был способен на самые опрометчивые поступки, хотя это и может показаться несовместимым с тем опасливым недоверием к мудреной, удивительной природе человеческих отношений, которое было ему свойственно в минуты более спокойных раздумий. Однако вполне возможно, что между этими, как будто противоположными, чертами в действительности есть прямая связь: мне часто приходилось замечать, что нет лучшего способа запутать моток пряжи, как дернуть за одну нитку...

Вот почему на следующий день, вскоре после обеда (мистер Талливер не жаловался на пищеварение), он направлялся верхом в Бассет – повидать свою сестру Мосс и ее мужа. Дело в том, что, как только он бесповоротно решил вернуть взятые им займы у миссис Глегг пятьсот фунтов, ему, естественно, пришло в голову, что у него есть долговая расписка на триста фунтов, которые он ссудил своему зятю Моссу, и если бы вышеназванный Мосс ухитрился отдать деньги в ближайшее время, это в значительной степени опровергло бы ошибочное представление, будто мистер Талливер попал в затруднительные обстоятельства, – представление, которое его смелый поступок мог бы вызвать у слабых людей, непременно желающих в точности знать, как будет сделано то или иное, прежде чем они поверят в возможность благополучного исхода.

Мистер Талливер находился в положении, в котором не было ничего нового и примечательного, но, подобно многому другому, оно могло в конце концов привести к весьма плачевным результатам: его считали куда более состоятельным человеком, чем он был на самом деле.

А так как все мы склонны верить тому мнению, которое составили о нас другие, то он обычно думал о банкротстве и разорении с тем же чувством, с каким поджарый, долговязый человек слышит, что полнокровного коротышку, его соседа, хватил удар: «Очень жаль, но уж мне-то это не грозит». Он привык к милым шуткам о том, какая важная он персона – хозяин мельницы и владелец хорошего участка земли, и эти шутки, естественно, поддерживали в нем ощущение, что он человек со средствами. Они придавали особо приятный вкус стакану вина, который он выпивал с друзьями в рыночный день, и если бы не нужно было каждые полгода производить очередную выплату процентов, мистер Талливер и правда забыл бы, что его заманчивый для многих участок заложен за две тысячи фунтов. Но разве он так уж в этом виноват? Тысячу он должен был выделить сестре в приданое, а как может рассчитывать выплатить деньги по закладной человек, соседи которого непременно хотят с ним судиться, в особенности если он пользуется хорошей репутацией у приятелей, которые предпочитают взять сотню фунтов взаймы, не оставляя в залог каких-то грязных бумажонок? В натуре нашего друга Талливера было много доброты, и ему неприятно было резко отказывать даже сестре, которая не только, как это свойственно сестрам, появилась на свет без малейшей в том надобности и послужила причиной того, что пришлось заложить землю, но к тому же неудачно вышла замуж и увенчала свои прегрешения восьмью детьми. Мистер Талливер знал, что проявляет слабость, но, оправдываясь он перед собой, – бедняжка Гритти была такая хорошенькая до того, как вышла за Мосса... иногда тут у него даже голос дрожал. Однако в это утро он был в настроении, более приличествующем деловому человеку, и пока он ехал по изрытым глубокими колеями проселкам Бассета, расположенного так далеко от города, что доставка на рынок продуктов и подвоз удобрений поглощали добрую половину доходов, которые давала бедная бассетская земля, – он достиг должной степени раздражения против Мосса, человека без средств, человека, который, если только случались падеж или засуха, непременно получал свою долю, человека, который, чем больше вы стараетесь вытащить его из болота, тем глубже в нем увязает. Это ему только на пользу пойдет, коли придется раздобыть триста фунтов: это заставит его не быть таким растяпой и не сделать в нынешнем году такой же глупости с шерстью, как в прошлом. Да что там, он, мистер Талливер, был слишком снисходителен к своему зятю, а раз он два года не спрашивал с него даже процентов, тот, верно, подумал, что об основном долге и тревожиться нечего. Но мистер Талливер больше не собирается помогать таким людям, что сами на ногах не стоят, и поездка по дорогам Бассета вряд ли могла улучшить его настроение и поколебать эту решимость. Время от времени, когда лошадь спотыкалась, попадая в глубокие выбоины, оставленные подковами в самые грязные дни зимы, мистера Талливера подбрасывало в седле, и с уст его срывались отрывистые проклятья по адресу праотца законников, который так или иначе приложил свое копыто к этим дорогам; а заросшие сорняками земли и полуразвалившиеся изгороди, то и дело попадавшие ему на глаза, хотя и не имели отношения к хозяйству его зятя, Мосса, все же еще больше способствовали недовольству мистера Талливера этим незадачливым хлебопашцем. Пусть это поле чужое, но оно с успехом могло бы принадлежать и Моссу. Весь Бассет на один лад: нищенский приход. Так полагал мистер Талливер, и полагал, конечно, не без основания. В Бассете была скудная почва, скверные дороги, бедный, не проживающий в своем поместье лендлорд, бедный, не проживающий в своем приходе священник и не менее бедный помощник священника – один на два прихода. Если кто-нибудь, убежденный в способности человеческого духа торжествовать над обстоятельствами, станет утверждать, что прихожане Бассета при всем том могут быть превосходными людьми, мне нечего возразить против этого абстрактного положения: я знаю одно – в действительности духовный облик Бассета находился в полном соответствии с его обстоятельствами. Глинистые, заросшие травой или покрытые жидкой грязью проселки, которые, казалось, не вели никуда, разве что друг к другу, на самом деле терпеливо шли к пролежавшей в отдалении большой дороге; однако жители Бассета куда чаще направляли свои стопы к средоточию беспутной жизни, официально

именовавшемуся «Маркиз из Грэнби», а среди завсегдатаев известному как «Дикисонов кабачок». Большая низкая комната, с посыпанным песком полом, пропитанная застарелым табачным духом, к которому примешивался запах прокисшего пива, унылое прыщавое лицо мистера Дикисона, прислонившегося к дверному косяку и выглядевшего при дневном свете столь же неуместно, как оплывший огарок с ночной пирушки, – все это может показаться не слишком заманчивым воплощением соблазна, но для большинства бассетских мужчин, проходивших мимо в зимние сумерки, здесь таилось роковое очарование. И если какая-нибудь из хозяек в Бассете хотела доказать, что муж ее не прожигатель жизни, вряд ли она могла сделать это более убедительно, чем заявив, что от одного Троицына дня до другого он не оставил у Дикисона ни шиллинга. Миссис Мосс не раз говорила это о своем муже, когда брат ее был расположен находить в нем одни недостатки – как, например, сегодня... А тут еще ворота на ферму... Не успел мистер Талливер толкнуть их рукояткой хлыста, как они сорвались с верхних петель и чуть не ушибли и его самого и лошадь; ничто не могло так усилить его раздражение. Мистер Талливер уже собрался было спешиться и провести лошадь по жидкой грязи двора, покрытого тенью от мрачных деревянных строений, к длинному полуразрушенному жилому дому, стоящему в более высокой, мощеной части участка, но тут своевременно появился пастух, и это избавило его от необходимости нарушить твердое намерение не слезать с коня во время этого визита. Если человек хочет быть непреклонным, ему лучше оставаться в седле, чтобы не видеть ничьих умоляющих глаз, и говорить, обозревая далекий горизонт... Миссис Мосс услышала лошадиный топот и, когда брат подъехал, уже стояла перед кухонной дверью, устало ему улыбаясь; на руках у нее сидел черноглазый младенец. Миссис Мосс похожа была на брата, но лицо ее поблекло, – пухленькая ручонка малыша, прижавшаяся к ее увядшей щеке, казалось, еще резче подчеркивала это.

– Рада видеть тебя, братец, – сказала она с нежностью в голосе. – Я не ждала тебя сегодня. Как поживаешь?

– О, неплохо, миссис Мосс, неплохо, – холодно обронил брат, как будто с ее стороны было изрядной дерзостью задать этот вопрос.

Она сразу поняла, что брат не в духе. Он звал ее миссис Мосс, только когда на нее сердился или когда они были на людях. Но она считала вполне естественным, что бедных каждый может унижить. Миссис Мосс не придерживалась той точки зрения, что все люди равны. Это была безропотная, чадолюбивая, мягкосердечная женщина.

– А что, мужа твоего, видно, нет? – добавил мистер Талливер после нескольких минут угрюмого молчания, во время которого из дому, как цыплята из лукошка вслед за исчезнувшей вдруг наседкой, высыпали четверо ребятишек.

– Да, но он близко, на картофельном поле... Джорджи, сбегай быстренько на Фар-Клоус, скажи отцу, что приехал твой дядя... Ты не сойдешь с лошади, братец, не перекусишь чего-нибудь?

– Нет, нет, не могу. Мне надо будет сразу же ехать домой, – ответил мистер Талливер, глядя в пространство.

– А как миссис Талливер и дети? – смиренно спросила миссис Мосс, не решаясь настаивать на своем приглашении.

– О, как нельзя лучше. Том с Иванова дня идет в новую школу... Сильно потратиться придется. Скверное дело, когда надобно дожидаться своих денег.

– Будь добр, отпусти как-нибудь Тома и Мэгги в гости к их братишкам и сестренкам. Мои малыши ждут не дождутся своей сестрички... А ведь я ее крестная и так ее люблю... Уж такую они вокруг нее суету поднимут, все, что есть, принесут. И я знаю, ей нравится у нас бывать – такое любящее сердечко, а уж до чего шустрая да умненькая, и не расскажешь.

Будь миссис Мосс не воплощенное простодушие, а хитрец из хитрецов, и тогда она не могла бы придумать ничего более удачного, чтоб умилостивить брата, нежели эта похвала по

адресу Мэгги. Он редко слышал, чтобы кто-нибудь по собственному почину хвалил «маленькую»; обычно отстаивать ее достоинства приходилось ему самому. Но у тети Мосс Мэгги всегда показывала себя в наилучшем свете. Это была ее Элсейшия¹⁷, куда не достигала рука закона: если она что-нибудь опрокидывала, пачкала башмаки или рвала платье – в доме тети Мосс это считалось в порядке вещей. Взор мистера Талливера помимо его воли смягчился, и, отвечая, он уже не отвел глаз от сестры.

– Да, ты ей, видать, куда больше по сердцу, чем другие тетушки. Она в нашу семью пошла, ни вот столечко на мать не похожа.

– Мосс говорит, она – вылитая я в молодости, – сказала миссис Мосс, – но я никогда не была такая шустрая и такая охотница до книг. Я думаю, моя Лиззи в нее – вот она и верно смышленная... Подойди сюда, Лиззи, голубка, пусть дядя на тебя посмотрит. Он тебя и не узнает, так ты выросла.

Лиззи, черноглазая девчушка лет семи, казалась немного испуганной, когда мать подтолкнула ее вперед: маленькие Моссы испытывали благоговейный трепет перед своим дядей с Дорлкоутской мельницы. Девочка настолько уступала Мэгги в живости характера и выразительности лица, что сравнение могло только польстить отцовской гордости мистера Талливера.

– Да, они немного похожи, – сказал он, благожелательно глядя на фигурку в замусоленном передничке. – Обе пошли в нашу мать. У тебя хватает девчонок, Гритти, – добавил он полусострадательным-полуукоризненным тоном.

– Четверо, благослови их Господь, – со вздохом отозвалась миссис Мосс, поглаживая Лиззи по головке, – столько же, сколько и мальчиков. На каждого брата по сестре.

– Да, но им придется самим пробивать себе дорогу, – сказал мистер Талливер, чувствуя, что твердость его поколеблена, и стремясь поддержать ее этим полезным намеком. – Они не должны рассчитывать только на своих братьев.

– Это верно; но, я надеюсь, братья будут любить бедняжек и не забудут, что их один отец с матерью породили. Парнишки от этого бедней не станут, – поспешно проговорила миссис Мосс, робко вспыхивая, как полупогасший огонь.

Мистер Талливер слегка ударил лошадь по крупу, затем придержал ее и сердито крикнул: «Но, ты, балуй у меня!» – к величайшему удивлению этого невинного животного.

– И чем их больше, тем больше они должны любить друг друга, – наставительно молвила миссис Мосс, глядя на детей. Но затем, снова поворачиваясь к брату, добавила: – Хотя, Бог даст, и твой парнишка всегда будет хорош с Мэгги, пусть их только двое, как нас с тобой, брат.

Эта стрела попала мистеру Талливеру прямо в сердце. Он не обладал слишком живым воображением, но мысль о Мэгги никогда не покидала его, и ему не требовалось особого труда, чтобы представить себе «маленькую» на месте ее тети Мосс. Неужели она будет когда-нибудь бедовать и Том не пожалеет ее?

– Да, да, Гритти, – сказал мельник с неожиданной мягкостью в голосе. – Но ведь я всегда делал для тебя все, что мог, – добавил он, словно оправдываясь.

– Я не спорю, брат, я не какая-нибудь неблагодарная, – согласилась бедная миссис Мосс, слишком измученная тяжким трудом и детьми, чтобы сохранить силы еще для гордости. – Но вот и отец... Ну и долго ты, Мосс!

– Долго, говоришь? – обиженно молвил мистер Мосс, едва переводя дыхание. – Я всю дорогу бежал... Что же вы не сойдете с лошади, мистер Талливер?

– Пожалуй, сойду; пройдем-ка в сад, я хочу кой о чем потолковать с вами, – сказал мистер Талливер, рассчитывая, что в отсутствие сестры он скорее выдержит характер.

¹⁷ *Элсейшия* – название монастыря монахов-кармелитов в Лондоне, где в XIV–XVII вв. гражданские власти не имели права ареста преступников.

Он спешил и последовал за мистером Моссом к старой беседке под тисом, а сестра осталась на месте, похлопывая младенца по спинке и задумчиво глядя им вслед.

Их появление в беседке вспугнуло нескольких кур, наслаждавшихся купанием в пыли; громко кудахтая и хлопая крыльями, куры тут же бросились врассыпную. Мистер Талливер сел на скамью, с недоверчивым видом постукал рукояткой хлыста по земле, будто ожидая, что под ней вдруг окажется яма, и ворчливо начал:

– Что это, я вижу – у вас опять пшеница на Корнер-Клоус, и хоть бы горсть удобрений в земле. Ничего у вас и в этом году не выйдет.

Мистер Мосс, до женитьбы на мисс Талливер считавшийся первым щеголем Бассета, сейчас был покрыт щетиной недельной давности и имел уныло-безнадежный вид заезженной клячи. Он ответил терпеливым и вместе раздраженным тоном:

– Что ж поделаешь? Нам, бедным фермерам, приходится изворачиваться как можем. Пусть, у кого есть шальные деньги, зарывают в землю половину того, что хотят от нее взять.

– Уж не знаю, у кого шальные деньги, как не у тех, кто берет займы и не платит процентов, – проворчал мистер Талливер, стремясь затеять ссору: это было бы самым простым и легким предлогом потребовать назад свои триста фунтов.

– Знаю, я запоздал с процентами, – сказал мистер Мосс, – но мне так не повезло с шерстью в прошлом году, а тут еще хозяйка моя прихворнула, все и пошло не как у людей.

– Да уж, – проворчал мистер Талливер, – у нас вечно все не как у людей; пустой мешок прямо стоять не будет.

– Ну, я не знаю, в чем вы можете меня упрекнуть, мистер Талливер, – запротестовал мистер Мосс, – ни один поденщик так не работает, как я.

– А что с того толку? – резко возразил мистер Талливер. – Женится человек без гроша за душой, а с одного приданого ферму не поставишь. Я был против этого с первого дня; да разве вы, вы оба, меня слушали? А я не могу больше дожидаться своих денег, я сам должен пять сотенных миссис ГлеGG, а тут еще на Тома потратиться придется; мне и так концы с концами не свести, даже коли я сполна получу, что мне причитается. Вы должны пораскинуть мозгами – как вернуть мне триста фунтов.

– Ну, ежели вы к этому вели, – отозвался мистер Мосс, безучастно глядя в одну точку, – лучше нам все пустить с молотка и покончить разом; мне придется продать весь скот до последней головы, чтобы расплатиться с вами и с лендлордом.

Кто станет спорить, что от бедных родственников – одна досада? Что до нас, лучше бы их совсем не было на свете; к тому же почти всегда они сами во всем виноваты. Мистер Талливер дошел в своем раздражении до такого накала, что ему уже ничего не стоило, поднимаясь с места, сердито сказать:

– Ну, делайте что хотите. У меня нет денег для каждого встречного и поперечного. Я должен заботиться о собственных делах и о собственной семье. Не могу я больше дожидаться своих денег, извольте-ка раздобыть их, да поскорей.

С этими словами мистер Талливер, круто повернувшись, вышел из беседки и, не оглядываясь на мистера Мосса, направился к кухонной двери дома, где старший сын Мосса держал под уздцы его лошадь и ждала миссис Мосс. Ее недоумение и тревогу не могло вполне рассеять даже ласковое воркование малыша, разыгрывавшего пальчиками музыкальные пассажи на ее увядшем лице. У миссис Мосс было восемь детей, и все же она никак не могла примириться с тем, что не выжили еще и близнецы. Мистер Мосс полагал, что их отбытие в лучший мир имеет свою утешительную сторону.

– Ты разве не зайдешь, брат? – спросила она, тревожно глядя на мужа, медленно подходившего к ним.

Мистер Талливер уже вдел ногу в стремя.

– Нет, нет, прощайте, – сказал он, натягивая поводья и трогаясь с места.

Он чувствовал себя твердым как камень, пока не выбрался за ворота фермы и не проехал немного по изрезанной глубокими колеями дороге; но прежде чем он достиг следующего поворота, который скрыл бы от его глаз полуразрушенные строения фермы, его, казалось, поразила какая-то неожиданная мысль. Он придержал коня и, стоя на месте, погрузился в горестное раздумье, склоняя голову то к одному плечу, то к другому, словно рассматривая какой-то трудный вопрос с разных сторон. По-видимому, после сделанного сгоряча шага он снова проникся мыслью, что живем мы в мудренном мире. Он повернул лошадь и, стегнув ее, медленно направился обратно, дав выход чувствам, заставившим его изменить свои намерения, в словах: «Бедная девчушка! У нее, может случиться, не будет никого, кроме Тома, когда я помру».

Мистер Талливер еще издали был замечен младшими Моссами, которые тут же поспешили с этим волнующим известием к матери, и не успел мистер Талливер подъехать, миссис Мосс снова была на пороге. Она, видимо, плакала, но, когда брат взглянул на нее, внешне никак не проявила своего горя и, убаюкивая на руках младенца, сказала только:

– Отец снова в поле. Он тебе нужен, братец?

– Нет, Гритти, нет, – мягко промолвил мистер Талливер. – Ты не тревожься... Вот и все, что я хотел сказать... Я пока как-нибудь обойдусь с деньгами... Только вы должны хозяйничать поразумней и экономить каждое пенни.

Эта нежданная доброта снова вызвала слезы у миссис Мосс, и она не могла произнести ни слова.

– Полно, полно! А Мэгги к вам приедет. Я привезу ее как-нибудь вместе с Томом, прежде чем он отправится в школу. Ты не горюй, я всегда буду тебе добрым братом.

– Спасибо тебе, брат, на этом слове, – вытирая слезы, промолвила миссис Мосс и, обернувшись к Лиззи, сказала: – Ну-ка, сбегай, принеси крашеное яичко для сестренки Мэгги.

Лиззи вбежала в дом и скоро вернулась, держа в руке бумажный пакетик.

– Оно сварено вкрутую, братец, и покрашено цветными нитками, – очень хорошенькое. Мы сделали его нарочно для Мэгги. Не возьмешь ли ты его с собой?

– Хорошо, хорошо, – сказал мистер Талливер, осторожно опуская яйцо в боковой карман. – Прощай.

И вот достойный мельник едет обратно по проселкам Бассета, снова ломая голову, как ему изыскать необходимые деньги, но вместе с тем с чувством, что он избежал какой-то опасности. Он не мог отделаться от мысли, что обойдись он плохо с сестрой, это неведомо как в отдаленном будущем приведет к тому, что Том плохо обойдется с Мэгги, когда уже не будет отца, чтобы встать на ее защиту. Простым людям вроде нашего друга мистера Талливера свойственно объяснять благородные порывы сердца мнимыми мотивами, и именно таким вот туманным образом он пытался оправдать любовью к дочке и беспокойством за ее судьбу вспыхнувшую вдруг в его душе нежность к сестре.

Глава IX

Визит в Гэрум-Фёрз

В то время как ум отца занимали треволения, ожидавшие Мэгги в будущем, сама она вкушала горести настоящего. В детстве нас не тревожат дурные предчувствия, зато и не утешают воспоминания о печалях, оставшихся позади.

Что и говорить, день начался для Мэгги невесело. Удовольствие, которое она получала от общества Люси, и перспектива послеобеденного посещения Гэрум-Фёрза, где она будет слушать музыкальную шкатулку дядюшки Пуллета, было омрачено уже в одиннадцать часов утра прибытием сент-огтского цирюльника, который в самых резких выражениях отозвался о том, в каком виде он застал ее волосы. Поднимая одну неровно обрезанную прядь за другой, он повторял тоном, в котором боролись отвращение и жалость: «Вы только посмотрите! Ай-ай-ай!» – и для Мэгги это было равносильно открыто выраженному общественному порицанию. Мистер Рэппит, цирюльник, с густо напوماженными волнистыми волосами, которые венцом поднимались вверх, подобно языкам пламени на надгробных урнах, казался Мэгги в эту минуту самым грозным из современников; уж она постарается вовек не зайти на ту улицу в Сент-Огге, где помещается его заведение.

К тому же, поскольку приготовления к визиту всегда считались в семействе Додсонов делом серьезным, Марте было приказано убрать комнату миссис Талливер на час раньше обычного, чтобы можно было загодя достать из шкафа лучшие наряды, не откладывая сборов до последней минуты, как это часто бывает в семьях с менее строгими правилами, где никогда не закатывают лент от шляпок, ничего не заворачивают в папиросную бумагу и где взять да вынуть воскресное платье кажется самым обыкновенным делом. Уже в двенадцать часов миссис Талливер была облачена в свой парадный туалет, который защищало сооружение из сурового полотна, – точь-в-точь обтянутое атласом кресло, закрытое от мух чехлом; Мэгги, несмотря на увещания матери: «Не надо, Мэгги, милочка... ну не дуйся», хмурилась и дергала плечами, стараясь по возможности не соприкоснуться с жестко накрахмаленным стоячим воротничком; пышущие ярким румянцем щеки Тома казались особенно под стать его лучшему синему костюму, к которому он относился с полным равнодушием, добившись после небольших пререканий единственного, что было для него важно, – разрешения переложить содержимое карманов будничной куртки в ту, что он надел сегодня.

Что касается Люси, она была такая же хорошенькая и аккуратненькая, как и накануне. С ее платьями никогда ничего не случалось, ей всегда в них было удобно, и она с удивлением и жалостью глядела, как Мэгги, надув губы, ежится от раздражающего ее воротничка. Мэгги, конечно, содрала бы его с себя, если бы не воспоминание о пережитом недавно унижении из-за срезанных волос. Ей ничего не оставалось, как только злиться, дергать плечами и капризничать, пока они строили до обеда карточные домики, – занятие это считается наиболее подходящим для девочек и мальчиков в праздничном платье. У Тома получались целые пирамиды, а Мэгги не удавалось уложить даже крышу. Так всегда бывало у Мэгги, и Том вывел из этого заключение, что девчонки вообще ничего не способны построить. Но Люси оказалась очень искусной; движения ее были так мягки, она так легко клала карты одну на другую, что Том удостоил ее домики высокой похвалы, наравне со своими, – с тем большей охотой, что он сам учил ее по ее просьбе. Мэгги тоже восхищалась бы домиками Люси и, бросив свои неудачные попытки, любовалась бы ими, если бы воротничок не натирал ей шею и она не была в плохом настроении и если бы Том неосмотрительно не смеялся, когда падал ее домик, и не называл ее «бестолочь».

– Не смейся надо мной, Том, – вспыхнула она, – я не бестолочь. Я знаю много вещей, которых не знаешь ты.

– О, еще бы, мисс Злючка! Я бы не хотел быть вроде тебя... Вечно ворчишь и строишь такие противные рожи. Люси так не делает. Мне Люси нравится больше. Я бы хотел, чтобы Люси была моей сестрой.

– Гадко и жестоко говорить так! – крикнула Мэгги, быстро вскакивая с пола и обрушивая по пути удивительную пагоду Тома.

Она вовсе этого не хотела, однако косвенные улики свидетельствовали против нее. Том побелел от гнева, но ничего не сказал. Он бы ударил ее, но он знал, что бить девочку – подло, а Том Талливер никогда не сделает подлости.

Мэгги застыла в смятении и ужасе. Том поднялся с пола и пошел прочь от развалин своей пагоды, а Люси молча глядела, как котенок, переставший лакать молоко.

– О, Том, – наконец проговорила Мэгги, делая к нему несколько шагов, – я не хотела опрокидывать... честное, честное слово, не хотела!

Не обращая на сестру никакого внимания, Том вытащил из кармана несколько сухих горошинок и стал щелчком посылать их одну за другой в окно... сперва так просто, а затем уже с определенным намерением попасть в престарелую навозную муху, которая грелась на весеннем солнышке, явно наперекор природе, избравшей Тома и горох для скорейшего уничтожения этой немощной особи.

Итак, утро было отравлено для Мэгги, и упорная холодность Тома во время их пути в Гэрум-Фёрз испортила все удовольствие от солнца и свежего воздуха. Том позвал Люси посмотреть на недостроенное птичье гнездо, даже не подумав показать его Мэгги, и очистил для себя и Люси по ивовому пруту, а для Мэгги – нет. Люси сказала: «Мэгги, а ты не хочешь такого?» – но Том был глух.

Все же вид павлина на стене гумна, который в самый подходящий момент, как раз когда они приближались к Гэрум-Фёрзу, распустил хвост, отвлек на время ее мысли от личных бед. И павлин был только первой из диковинок Гэрум-Фёрза. Вся живность на ферме была диковинная – пестренькие, с хохолками бентамки, фрисландские куры с перьями, торчащими в разные стороны, цесарки, которые летали, громко крича и роняя свои хорошенькие, в крапинку, перышки, зобатые голуби и ручная сорока; мало того, там были еще коза и удивительная пятнистая собака, помесь мастифа и бульдога, огромная, как лев. И повсюду белые решетки, и белые воротца, и сверкающие флюгера самых разных фасонов, и на дорожках в саду красивые узоры из цветных камешков – все в Гэрум-Фёрзе было необычно. Том полагал, что необыкновенные размеры жаб – просто дань общей необычности, отличающей владения дядюшки Пуллета, джентльмена-фермера. Жабы, вынужденные вносить арендную плату, естественно, более поджары... Дом был не менее примечателен. От центральной его части выступали вперед два крыла с зубчатыми башенками, и весь он сверкал белой штукатуркой.

Дядюшка Пуллет, увидев гостей издали в окно, поспешил снять засовы и цепочки с парадной двери, которую держали в таком забаррикадованном состоянии из страха перед бродягами, – а вдруг они узнают о выставленной в холле стеклянной витрине с чучелами птиц и, ворвавшись в дом, унесут ее на головах? Тетушка Пуллет тоже появилась на пороге и, как только сестра приблизилась настолько, что могла ее слышать, закричала:

– Ради бога, Бесси, останови детей!.. Не давай им подняться на крыльцо. Сэлли сейчас вынесет старый половик и тряпку, чтоб обтереть им башмаки.

Половики у парадной двери в доме миссис Пуллет ни в коей мере не предназначались для вытирания ног; даже железный скребок у входа имел заместителя для выполнения его грязной работы. Ничто так не возмущало Тома, как необходимость вытирать ноги, – он считал это умалением его мужского достоинства. И это было только начало неприятностей, с которыми было сопряжено пребывание в доме тетушки Пуллет, где ему однажды обмотали башмаки полотенцами и велели так сидеть, – факт, который может заставить отказаться от слишком поспешного

вывода, будто посещение Гэрум-Фёрза – большое удовольствие для молодого джентльмена, который любит животных... то есть любит кидать в них камнями.

Следующей неприятности подверглись только дамы. Им пришлось подняться по полированной дубовой лестнице, для которой существовали очень красивые дорожки, но они, скатанные в трубку, хранились в запасной спальне, так что восхождение по этим скользким ступеням в варварские времена служило бы искусом, из которого только незапятнанной добродетели дано выйти с целыми конечностями. Слабость Софи к этой полированной лестнице всегда вызывала яростное возмущение миссис Глегг; но миссис Талливер не позволила себе никаких замечаний и только возблагодарила в душе Господа, когда оказалась с детьми в безопасности на верхней площадке.

– Миссис Грей прислала мне новую шляпку, Бесси, – с чувством произнесла миссис Пуллет, в то время как миссис Талливер приводила в порядок свой чепчик.

– Правда, сестрица? – отозвалась миссис Талливер весьма заинтересованным тоном. – Ну и как, нравится она тебе?

– Конечно, вынимать да укладывать обратно – только портить вещи, – продолжала миссис Пуллет, извлекая из кармана связку ключей и глядя на них с задумчивым видом, – но жаль было бы, если б ты не посмотрела на нее. Мало ли что может случиться.

Это серьезное соображение заставило ее покачать головой и отделить от связки один ключ.

– Я боюсь, тебе хлопотно доставать ее, сестрица, – сказала миссис Талливер, – а очень бы хотелось взглянуть, какую она тебе сделала тулью.

Миссис Пуллет поднялась и с меланхолическим видом отперла створку сверкающего полировкой шкафа, где, как вы, вероятно, предполагаете, она хранила новую шляпку. Ничуть не бывало! Такое опрометчивое предположение могло возникнуть только при очень поверхностном знакомстве с обычаями семейства Додсон. Из этого шкафа миссис Пуллет достала нечто настолько маленькое, что его и не увидеть среди стопок белья. Это был ключ от двери.

– Ты должна пойти со мной в парадную комнату, – произнесла миссис Пуллет.

– Можно детям тоже пойти, сестрица? – спросила миссис Талливер, увидев по глазам Люси и Мэгги, что им очень этого хочется.

– Что ж, – сказала миссис Пуллет, подумав, – пожалуй, спокойней будет, если они пойдут с нами; а то начнут тут что-нибудь трогать, если их оставить.

И вот они двинулись гуськом по начищенному до блеска скользкому коридору, тускло освещенному только верхней полукруглой створкой прикрытого ставней окна. Все это было очень торжественно. Тетушка Пуллет остановилась и отперла дверь; и взорам их предстало нечто еще более торжественное, чем коридор, – темная комната, где в еле брезжившем свете вырисовывались очертания столов и стульев в белых саванах. Все, что не было под чехлом, стояло ножками кверху. Люси схватилась за платье Мэгги, у самой Мэгги часто-часто забилося сердце. Тетушка Пуллет приоткрыла ставню и с грустной медлительностью, так гармонирующей с погребально-торжественным колоритом всей сцены, отперла шкаф. Восхитительный запах розовых лепестков, исходивший оттуда, еще увеличивал удовольствие, которое получали девочки, глядя, как разворачивают один за другим бесконечные листы папиросной бумаги, но кульминационный момент – появление шляпки – принес Мэгги разочарование: она предпочла бы увидеть что-нибудь более сверхъестественное. Однако на миссис Талливер вряд ли какой-нибудь иной предмет мог произвести столь сильное впечатление. Несколько минут она молча осматривала шляпку со всех сторон, затем с чувством проговорила:

– Ну, сестрица, в жизни больше ничего не скажу против высоких тулий.

Это была серьезная уступка. Миссис Пуллет оценила это и почувствовала, что должна достойно ответить.

– Ты хотела бы, сестрица, посмотреть, какова она на мне? – печально промолвила она. – Я еще немного приоткрою ставень.

– Конечно, ежели тебе нетрудно снять чепчик, сестрица, – попросила миссис Талливер.

Миссис Пуллет сняла чепец, открыв взорам коричневую шелковую накладку с выступающими вперед кудряшками – предмет в те времена весьма распространенный среди наиболее здравомыслящих женщин зрелых лет, – и, водрузив шляпку на голову, медленно повернулась, как манекен в модной лавке, чтобы миссис Талливер не упустила ни одной детали.

– Что-то мне кажется, с левой стороны многовато лент. Как ты думаешь, сестрица? – спросила миссис Пуллет.

Миссис Талливер склонила голову набок и внимательно осмотрела указанное место.

– Не знаю, пожалуй, оставь как есть; начнешь мудрить, так потом еще пожалеешь.

– Это верно, – согласилась миссис Пуллет, снимая шляпку и разглядывая ее с задумчивым видом.

– Интересно, сколько она могла взять с тебя за нее, сестрица? – спросила миссис Талливер, прикидывая в уме, нельзя ли создать скромную копию этого шедевра из лоскута шелка, который есть у нее дома.

Миссис Пуллет, поджав губы, покачала головой.

– За нее заплатил Пуллет, – полушепотом произнесла она, – он сказал, что у меня должна быть лучшая шляпка в Гэрумской церкви, а следующая за моей пусть будет чья угодно.

Она не спеша принялась приводить в порядок отделку, чтобы положить шляпку обратно в шкаф, и ее мысли, по-видимому, приняли грустный оборот, так как она несколько раз покачала головой.

– Ах, – вздохнула она наконец, – кто знает, сестрица, вдруг мне и не придется больше ее надевать...

– Не говори так, Софи, – прервала ее миссис Талливер, – авось ты будешь лучше чувствовать себя этим летом.

– Ах, но ведь может случиться, кто-нибудь из семьи умрет, – как в тот раз, когда я сделала себе зеленую атласную шляпку. Кузен Эббот может покинуть нас, а траур по нему и думать нечего носить меньше чем полгода.

– Вот уж нехстати было бы, – подхватила миссис Талливер, ясно представляя себе последствия такой несвоевременной кончины. – Совсем не то удовольствие носить шляпку на второй год, особенно если не знаешь, какие тульи будут в моде – ведь каждое лето новые.

– Ах, так уж ведется на этом свете, – промолвила миссис Пуллет, кладя шляпку на место и запирая шкаф.

Она продолжала хранить молчание и только покачала головой, пока все они не вышли из мрачных покоев и не очутились снова в ее комнате. Тут, заплакав, она сказала:

– Сестрица, если ты не увидишь больше на мне этой шляпки до моей смерти, ты хоть будешь вспоминать, что я показала ее тебе сегодня.

Миссис Талливер понимала, что ей следовало бы растрогаться, но она была скупа на слезы; дородная и цветущая, она не могла с такой легкостью плакать, как ее сестрица Пуллет, и часто, когда ей случалось бывать на похоронах, чувствовала этот свой недостаток. Ее усилия выжать из себя хоть слезинку привели к тому, что лицо ее как-то странно исказилось. Мэгги, внимательно наблюдавшая за всем происходящим, решила, что со шляпкой тетушки Пуллет связана какая-то ужасная тайна, понять которую она по молодости лет якобы не может, и с возмущением думала, что прекрасно бы, как всегда, все поняла, если бы только ее в эту тайну посвятили.

Когда они спустились вниз, дядюшка Пуллет, с несвойственной ему проницательностью, заметил, что миссис, верно, показывала новую шляпку – вот почему они так долго пробыли наверху. Для Тома это время тянулось еще медленнее, так как после их ухода он присидел

в томительной неподвижности на самом краешке дивана, прямо против дядюшки Пуллета, который рассматривал его своими мигающими глазками и время от времени обращался к нему: «Юный сэръ».

«Ну-с, юный сэръ, что вы учите в школе?» – было неизменным вопросом дядюшки Пуллета, на что Том всегда с глуповатым видом потирал лицо и говорил: «Не знаю». В общем, тет-а-тет с дядюшкой Пуллетом приводил его в такое смущение, что он даже не мог рассматривать гравюры на стенах, и мухоловки, и удивительные горшки с цветами; он видел одни только гетры своего дядюшки. Нельзя сказать, чтобы он испытывал благоговение перед умственным превосходством мистера Пуллета; по правде говоря, он решил, что вовсе не желает стать джентльменом-фермером, – кому охота быть таким тонконогим болваном, как его дядюшка Пуллет – форменный простофиля! Мальчишеская застенчивость ни в коей мере не показатель непреодолимого почтения, и зря вы, воображая, что мальчик подавлен вашими сединами и мудростью, всячески стараетесь его приободрить, – десять против одного, что он считает вас редким чудачком. Не знаю, утешит ли вас мое предположение, что эллинские мальчики точно так же смотрели на Аристотеля. Вот если вы справитесь с норовистой лошадью, или победите в рукопашной драке ломового извозчика, или будете разгуливать с ружьем в руках, то и застенчивые юнцы сочтут вас действительно достойным восхищения и зависти. Во всяком случае, чувства Тома Талливера по этому поводу не вызывают сомнений. В самом нежном возрасте, когда из-под его шапочки еще выглядывала кружевная оборочка, он уже стоял, бывало, у перекладины ворот, грозя пальчиком овцам, и, картавя, выкрикивал что-то непонятное, но вряд ли лестное по их адресу, стараясь поразить их и вселить страх в их души, – признак того, что уже тогда он стремился первенствовать над низшими животными, и домашними и дикими, включая майских жуков, соседских собак и маленьких сестренок, что во все времена способствовало процветанию человеческого рода. Ну а дядюшка Пуллет если и ездил верхом, то лишь на низкорослом пони и был самым миролюбивым человеком, убежденным, что оружие – вещь опасная, еще выстрелит само по себе, когда никто и не ждет. Так что у Тома были довольно веские основания в конфиденциальной беседе с приятелем назвать дядюшку Пуллета «бабой», хотя он не преминул в то же время отметить, что у него «денег куры не клюют».

Облегчало тет-а-тет с дядюшкой только то, что у него в карманах всегда водились мятные лепешки и леденцы от кашля, и, когда он затруднялся продолжать беседу, он извлекал их, заполняя паузу, к обоюдному удовольствию собеседников.

Вопрос: «Вы любите мятные лепешки, юный сэръ?» – требовал только молчаливого кивка, если слова эти сопровождалась подношением вышеупомянутого предмета.

Появление девочек навело дядюшку Пуллета на мысль еще об одной услуге, и он достал несколько пирожных, целый запас которых он держал под замком для личного употребления в дождливые дни; но не успели дети взять в руки соблазнительное лакомство, как тетушка Пуллет приказала им подождать, пока не принесут поднос и тарелки, не то они сплошь засыплют пол крошками. Люси это не очень огорчило: пирожное было такое миленькое, ей казалось даже жалко его есть; но Том, воспользовавшись минутой, когда старшие занялись разговором, поспешно набил рот пирожным и украдкой сжевал его. Что до Мэгги, то, зачарованная, как обычно, гравюрой «Одиссей и Навсикая» – дядюшка Пуллет купил ее в качестве «хорошенькой сценки из Священного Писания», – она уронила пирожное на пол и, неловко повернувшись, раздавила его ногой. Это вызвало такое волнение у тетушки Пуллет и ввергло Мэгги в такую немилость, что она отчаялась услышать в этот день музыкальную табакерку, пока, поразмыслив, не рассудила, что Люси-то ведь у всех в фаворе и может попросить, чтобы пустили музыку. Она шепнула об этом Люси, и та, никогда не отказывавшая в услуге, тихонько подошла к дядюшке и, зардевшись как маков цвет, теребя от смущения бусы, сказала:

– Пожалуйста, дядюшка, сыграйте нам песенку.

Люси думала, что табакерка играет такие прекрасные мелодии благодаря особому таланту дядюшки Пуллета, да, по правде говоря, так смотрели на это и большинство его соседей. Начать с того, что мистер Пуллет приобрел табакерку, кроме того, он умел ее заводить и заранее знал, какую она сейчас будет играть песню. В общем, обладание этой «музыкой» доказывало, что мистер Пуллет вовсе не такое уж полное ничтожество, каким его можно было считать. Но дядюшка Пуллет, когда его просили показать свое искусство, никогда не обеспечивал его слишком поспешным согласием. «Посмотрим», – обычно отвечал он и хотя бы несколько минут ничем не обнаруживал намерения выполнить просьбу. У дядюшки Пуллета была заготовлена программа на все торжественные случаи – таким образом он ограждал себя от тягостного замешательства при необходимости что-либо решать.

Возможно, ожидание только усилило удовольствие, и, когда волшебная музыка наконец началась, Мэгги первый раз за день совсем забыла, что у нее тяжело на душе, что Том на нее сердится; она сидела не дыша, крепко сжав руки, а когда зазвучала песня «Умолкни, милых пташек хор», на ее счастливом личике появилось то сияющее выражение, которое вызывало у ее матери утешительное чувство, что, несмотря на смуглую кожу, ее дочка иной раз может быть даже хорошенькой. Как только чудесная музыка прекратилась, Мэгги вскочила с места и, подбежав к брату, обвила руками его шею:

– О, Том, правда, прелесть?

Чтобы вы не думали, будто новый приступ гнева из-за этой неуместной и непонятно чем вызванной ласки доказывает отвратительную черствость Тома, необходимо упомянуть, что он держал в руке стакан с настойкой и от толчка пролил половину на пол. Он был бы последней тряпкой, если бы не сказал в сердцах: «Ты что – ослепла?» – тем более что его досада на Мэгги была, так сказать, поддержана всеобщим неодобрением ее поступка.

– И почему ты не можешь посидеть спокойно, Мэгги? – простонала ее мать.

– Маленьким девочкам нечего и приходиться ко мне, если они так себя ведут, – подхватила миссис Пуллет.

– Очень уж вы неуклюжи, юная мисс, – прибавил дядюшка Пуллет.

Бедная Мэгги снова села на место; музыка была изгнана из ее души, и там опять водворились все семь маленьких демонов.

Миссис Талливер, не ожидая от детей ничего, кроме неприятностей, пока они в доме, воспользовалась первой возможностью предложить, чтобы теперь, когда они отдохнули с дороги, им разрешили пойти поиграть на свежем воздухе. Тетушка Пуллет дала на это свое согласие, с одним условием – гулять только по мощеным дорожкам в саду и, если они хотят смотреть, как кормят птицу, не подходить слишком близко, а стоять на скамеечке, с которой садятся на лошадь; требование это стали им предъявлять после того, как Том был пойман с поличным, когда он гонялся за павлином в иллюзорной надежде, что от страха тот вдруг потеряет перо.

Искусство модистики и материнские огорчения временно отвлекли мысли миссис Талливер от ссоры с миссис ГлеGG, но теперь, когда самое интересное – обсуждение шляпки – осталось позади и больше не мешали дети, вчерашние тревоги снова овладели ее душой.

– У меня прямо камень на сердце, – начала она разговор, – что сестрица ГлеGG ушла от нас вчера в такой обиде. Видит бог, у меня и в мыслях не было обижать родную сестру.

– А, – откликнулась миссис Пуллет, – никогда не знаешь, что выкинет Джейн. Я не сказала бы об этом никому чужому, разве что доктору Тэрнбулу, но я считаю – Джейн живет ниже своих средств. Я не раз говорила об этом Пуллету, он знает.

– Ну да, вы сказали это в прошлый понедельник, когда мы приехали домой после того, как пили у них чай; сегодня как раз неделя будет, – подтвердил мистер Пуллет, принимаясь поглаживать свое колено и укрывать его носовым платком, что он обычно делал, когда разговор принимал интересный оборот.

– Верно, так и было, – сказала миссис Пуллет, – вы лучше меня помните, когда я что скажу. У него замечательная память, у Пуллета, – продолжала она с чувством, глядя на сестру. – Мне бы плохо пришлось, если бы его вдруг хватил удар: он всегда помнит, когда мне время принимать лекарство, а у меня сейчас три разных.

– Пилюли «как прежде» через день... новые капли в одиннадцать часов и в четыре... и «горячительная микстура по надобности», – перечислил мистер Пуллет, посасывая в паузах мятную лепешечку.

– Ах, для сестрицы Глегг, может, тоже было бы лучше, ежели бы она ходила иногда к доктору, а не жевала турецкий ремень, когда у нее что заболит, – заметила миссис Талливер, естественно сводя все эти медицинские вопросы к тому, что занимало ее ум.

– Да, страшно подумать, – воскликнула миссис Пуллет, всплеснув руками, – как это люди так играют своим здоровьем! Это значит – просто судьбу искушать. Зачем тогда доктора, если не пользоваться их услугами? И когда у людей есть деньги, чтобы заплатить доктору, это просто неприлично, я тысячу раз говорила Джейн. Мне из-за нее перед знакомыми стыдно.

– Ну, нам-то нечего стыдиться, – заметил мистер Пуллет, – с тех пор как умерла миссис Саттон, у доктора Тэрнбула нет в нашем приходе другой такой больной, как вы.

– Знаешь, Бесси, Пуллет хранит все склянки от моих лекарств, – сказала миссис Пуллет. – Ни за что ни одной не продаст. Он говорит – пусть, мол, люди увидят их после моей смерти. Уже две длинные полки в кладовой заставлены, – добавила она, принимаясь плакать, – хорошо, если на третью достанет. Я могу отойти прежде, нежели закончу дюжину этих новых. Коробочки от пилюль в стенном шкафу, что в моей комнате, – ты не забудешь, сестрица? – а вот от больших облаток и показать нечего, разве что счета...

– Не говори о своей смерти, сестрица, – прервала ее миссис Талливер, – кто вступится тогда за меня перед сестрой Глегг? И ты одна только можешь заставить ее помириться с мистером Талливером – сестрица-то Дин никогда на мою сторону не станет, а ежели бы и стала, разве может она говорить как те, у кого есть свои деньги?

– Знаешь, Бесси, твой муж и правда неладный какой-то, – заметила миссис Пуллет, готовая, по доброте души и свойственной ей склонности к меланхолии, повздыхать и над чужой бедой. – Он никогда не относился хорошо к нашей семье, а должен бы; и дети в него – мальчик озорной, всегда убегает от своих дядюшек и тетушек, а девочка грубит и такая смуглая. Тебе не повезло, Бесси; мне очень тебя жаль, ты ведь моя любимая сестра, и нам всегда нравился одинаковый узорчик на платье.

– Я знаю, Талливер горяч и говорит лишнее, – согласилась миссис Талливер, вытирая скупую слезинку, – но, видит бог, как мы поженились, он никогда и слова не сказал против того, чтоб я звала к нам моих родных.

– Я тебе вредить не стану, Бесси, – сочувственно проговорила миссис Пуллет, – боюсь, у тебя и без того горя хватит; да еще у твоего мужа на шее эта бедная сестра и ее дети, и тяжбы заводить он, говорят, охотник. Боюсь, как бы он не оставил тебя без гроша, когда помрет. Чужому кому я, конечно, и словечком об этом не заикнулась бы.

Такой взгляд на ее обстоятельства вряд ли мог утешить миссис Талливер. Нелегко было расшевелить ее воображение, но раз уж другие думают, что случай ее действительно тяжелый, – как же ей самой этого не думать?

– Но я-то чем виновата, сестрица? – промолвила она. Опасение, что ожидающие ее несчастья могут быть сочтены заслуженной карой за грехи, побудило ее произвести исчерпывающий обзор всех своих деяний за последнее время. – Уж не знаю, кто больше старается для своих детей. О Благовещении убирались, все пологи с кроватей снимали – так я работала за двоих, видит бог; а какую настойку из бузинного цвета я сделала – диво! Я подаю ее вместе с хересом, хотя сестрица Глегг всегда твердит, что я слишком много трачу. А ежели я люблю, чтоб у меня платье было в порядке, и не хожу по дому пугалом, так зато никто в приходе про меня не

скажет, что я сплетни развожу или сею раздоры, потому что я никому худа не желаю; и коли кто пришлет мне пирог с мясом, внакладе не останется, – мои пироги поспорят с лучшими из соседских. И белье всегда в таком порядке, что, умри я завтра, мне не было бы стыдно. Ни одной женщине не дано сделать больше того, что она может.

– Но все это, знаешь, ни к чему, – вздохнула миссис Пуллет, склонив голову набок и с чувством глядя на сестру, – если твой муж порастрясет все деньги. Оно, конечно, если вас пустят с торгов и чужие люди купят вашу мебель, приятно думать, что ты протирала ее как следует. А твое белье с девичьей меткой может разойтись по всей округе. Печально это будет для нашей семьи. – Миссис Пуллет медленно покачала головой.

– Но что я могу поделывать, сестрица? – повернулась к ней миссис Талливер. – Мистер Талливер не такой человек, чтобы ему указывать... даже пойдя я к пастору и слово в слово заучи, что сказать мужу для его же пользы. Да я и не смыслю, Бог свидетель, как это давать деньги на проценты и всякое такое. Я никогда не разбиралась в мужских делах, как сестрица Глеэг.

– Ну, ты в этом вроде меня, Бесси, – заметила миссис Пуллет. – Я думаю, было бы куда приличнее, если бы Джейн почаще протирала зеркало в простенке – оно все в пятнах, я видела в прошлое воскресенье, – а не указывала людям, у которых доходы больше, чем у нее сроду бывало, что им делать со своими деньгами. Но мы с Джейн никогда ни в чем не сходились: она все носила только в полоску, а я люблю в крапинку. Ты тоже любишь в крапинку, Бесси, мы всегда в этом заодно были.

Растроганная этим воспоминанием, миссис Пуллет с чувством посмотрела на сестру.

– Да, Софи, – подтвердила миссис Талливер, – я помню, у нас обеих были одинаковые платья, голубые в белую точечку, – у меня и сейчас есть такой лоскут в одеяле; и ежели б ты пошла к сестрице Глеэг и уговорила ее помириться с мистером Талливером, ты так бы меня одолжила. Ты всегда была мне хорошей сестрой.

– Ну, по-настоящему Талливер сам должен пойти к ней, и извиниться, и сказать, что наговорил все это сгоряча. Если он занял у нее деньги, нечего ему так высоко себя ставить, – заметила миссис Пуллет, симпатии которой не могли поколебать ее принципов: она не забывала, как должно рассуждать людям с независимым состоянием.

– Что об этом толковать, – чуть не со слезами проговорила бедная миссис Талливер, – даже стань я перед Талливером голыми коленями на камни, он бы все равно этого не сделал – слишком он гордый.

– Ну не хочешь ли ты, чтоб я уговаривала Джейн просить у него прощения? – сказала миссис Пуллет. – К ней и так-то подступу нет; хорошо, если норв не доведет ее до сумасшедшего дома, хотя в нашей семье никто еще не сходил с ума.

– У меня и в мыслях нет, чтобы она просила прощения, – отозвалась миссис Талливер. – Только бы она оставила все это без внимания и не требовала назад свои деньги – неужто сестра не может попросить об этом сестру? А там время все сгладит, и Талливер забудет о ссоре, и они снова станут друзьями.

Как видите, миссис Талливер не подозревала о бесповоротном решении мужа выплатить миссис Глеэг ее пятьсот фунтов; да она просто не в состоянии была бы этому поверить.

– Ладно, Бесси, – печально промолвила миссис Пуллет, – уж кому-кому, но не мне помогать твоему разорению. Я всегда выручу тебя, если это только в моих силах. И мне не хочется, чтобы люди говорили, что у нас в семье раздоры. Я скажу это Джейн, и мне нетрудно заехать к ней завтра, если Пуллет согласен... Как вы на это смотрите, мистер Пуллет?

– Что ж, ничего не имею против, – ответил мистер Пуллет; ему было безразлично, какой бы оборот ни приняла ссора, лишь бы мистер Талливер не обращался за деньгами к нему. Мистера Пуллета очень волновал вопрос помещения капиталов, и он не мыслил себе, как человек может быть спокоен за свои деньги, если они не вложены в землю.

Они поговорили еще немного насчет того, не следует ли миссис Талливер сопровождать их к сестре Глегг, а затем миссис Пуллет, заметив, что уже время пить чай, достала из ящика буфета салфетку из камчатного полотна и проколола ее спереди наподобие фартука. И действительно, дверь скоро отворилась, но вместо подноса с чаем их взорам предстало нечто столь поразительное, что обе они, и миссис Пуллет, и миссис Талливер, вскрикнули не своим голосом, заставив дядюшку Пуллета проглотить леденец от кашля – в пятый раз за всю его жизнь, как он позднее заметил.

Глава X

Мэгги ведет себя хуже, чем сама ожидала

Это поразительное «нечто», послужившее причиной такого знаменательного события в жизни дядюшки Пуллета, оказалось ни больше ни меньше как крошкой Люси, с самым жалостным видом протягивавшей к ним испачканные ручонки; с одной стороны вся она, от крохотной ножки до верхушки капора, была покрыта жидкой грязью. Чтобы объяснить эту небывалую в доме тетюшки Пуллет картину, мы должны вернуться к тому моменту, когда дети пошли играть на воздух и маленькие демоны, с утра завладевшие сердцем Мэгги, после временного отсутствия вернулись со свежими силами. Все утренние неприятности снова встали перед ней во всей своей остроте, когда Том, сильнее прежнего сердясь на Мэгги, теперь уже из-за глупой истории с настойкой, сказал: «Слышь, Люси, пойдём-ка со мной» – и направился к подвалу, где водились жабы, с таким видом, словно Мэгги вообще не существует на свете. Мэгги осталась стоять поодаль, удивительно похожая на маленькую Медузу с обрубленными змеями. Люси была, естественно, довольна, что братец Том так мил с ней, ей было смешно смотреть, как он щекочет концом веревки толстую жабу, сидящую на безопасной дистанции в защищенном железной решеткой углублении перед подвальным окном. Все же Люси хотелось, чтобы Мэгги тоже получила удовольствие от этого зрелища, тем более что та, конечно, придумала бы для жабы имя и рассказала всю ее жизнь; Люси и верила и не верила восхитительным историям, которые Мэгги сочиняла обо всех живых существах, с какими они случайно сталкивались, – например, как у миссис Уховертки была дома стирка и кто-то из ее детей упал в медный котел с кипятком, потому-то она и бежит так быстро – скорей позвать доктора. Том глубоко презирал весь тот вздор, что рассказывала Мэгги, и тут же давил уховертку каблуком, доказывая таким легким, хотя и неубедительным способом полную несостоятельность всей этой выдумки; но Люси никак не могла отделаться от мысли, что тут есть доля правды, и, во всяком случае, считала все это очень милой забавой. Поэтому, движимая сочувствием к Мэгги, к которому присоединялось желание узнать историю весьма представительной жабы, она подбежала к Мэгги со словами:

– Ах, там такая смешная толстая жаба, Мэгги! Ну пойдём посмотрим на нее.

Мэгги ничего не ответила и, еще сильнее нахмурившись, отвернулась. Раз Том предпочитает ей Люси, Люси тоже виновата в его холодности. Совсем недавно Мэгги так же трудно было рассердиться на хорошенькую маленькую Люси, как жестоко обойтись с маленькой белой мышкой, – она и представить себе этого не могла. Но ведь раньше Том не проявлял к Люси никакого интереса, а Мэгги, напротив, ласкала и баловала ее. Теперь же она почувствовала, что не прочь бы даже отшлепать или ущипнуть Люси и довести ее до слез, только чтоб досадить Тому, бить которого, если бы она и осмелилась на это, не было никакого смысла – он и внимания не обратит. Мэгги знала, что, не будь с ними Люси, Том куда бы скорее с ней помирился.

Щекотать жирную жабу, которая не обращает на это внимания, может наконец и прискучить, и вскоре Том стал оглядываться вокруг в надежде найти какое-нибудь другое занятие. Но в таком аккуратном садике, где им к тому же запрещали сходить с дорожек, выбор развлечений был довольно ограничен. Единственное удовольствие, которое ему оставалось, было удовольствие преступить все запреты, и Том стал обдумывать дерзкий поход на пруд, расположенный в конце поля за садом.

– Послушай, Люси, – начал он, снова сворачивая кольцом веревку и с многозначительным видом кивая головой, – как ты думаешь, что я собираюсь делать?

– А что, Том? – с любопытством спросила Люси.

– Я хочу пойти на пруд посмотреть на щуку, – объявил юный султан. – Можешь пойти со мной, если хочешь.

– А ты не боишься? – сказала Люси. – Тетушка не велела нам выходить из сада.

– А я выйду с другого конца, никто и не увидит. Да невелика беда, хоть бы и увидали; я убегу домой.

– Но я-то не могу убежать, – вздохнула Люси; никогда в жизни еще она не подвергалась такому жестокому искушению.

– Ну, это не важно, на тебя сердиться не станут, – возразил Том. – Скажешь, это я тебя взял.

Том направился к пруду, и Люси, робко наслаждаясь непривычной решимостью делать то, что не положено, засемила рядом, взволнованная упоминанием о таинственной знаменитости – щуке, о которой она не могла бы с уверенностью сказать, рыба это или птица. Мэгги увидела, что они вышли из сада, и была не в силах устоять против соблазна последовать за ними. Гнев и ревность, так же как и любовь, всегда должны иметь перед собой свой объект, и мысль, что Том и Люси сделают или увидят что-нибудь, о чем она останется в неведении, была для Мэгги невыносима. Поэтому она поплелась в нескольких шагах сзади, не замечаемая Томом, который, только они подошли к пруду, забыл обо всем на свете, кроме щуки; о ней говорили, что она очень стара, огромна и обладает необыкновенным аппетитом, – исключительно интересное чудище. Щука, подобно другим знаменитостям, не показалась, когда ее ожидали, но Том заметил, как в воде что-то быстро двигается, и пошел по берегу пруда.

– Люси, Люси, – громким шепотом позвал он, – иди сюда. Осторожней! По траве иди, не ступай туда, где были коровы, – добавил он, указывая на мысок сухой травы, окаймленной с обеих сторон истоптанной копытами грязью. Одной из характерных черт, присущих девчонкам, о которых Том вообще был невысокого мнения, он считал их способность всегда шлепаться в грязь.

Люси осторожно подошла, куда ей было велено, и наклонилась взглянуть на то, что казалось издали золотым острием пущенной по воде стрелы. Это водяная змея, сказал ей Том, и Люси, рассмотрев наконец спиралевидное движение тела, была несказанно удивлена, что змея может плавать... Мэгги подходила все ближе и ближе; она тоже должна увидеть, что там такое, чего бы ей это ни стоило, хотя удовольствия она не получит, раз Том не захотел ее позвать. Наконец она вплотную подошла к Люси, и Том, который уже давно заметил, что она к ним приближается, но не хотел показывать виду, пока не был к тому вынужден, обернулся и сказал:

– А ну, убирайся отсюда, Мэгги! Здесь на траве для тебя нет места. Тебя сюда никто не звал.

В душе Мэгги забушевали такие страсти, что это могло привести к трагедии, если бы для трагедии не требовалось ничего, кроме страстей, но основной *τι μεύεθος*¹⁸ в ее чувствах была жажда действия, и Мэгги сделала все, что могла, – яростным ударом смуглой руки она столкнула бедную молочно-розовую Люси прямо в растоптанную коровами грязь.

Тут уж Том не сдержался и, пробегая мимо, чтобы поднять беспомощно плачущую Люси, два раза шлепнул сестру по руке. Мэгги отступила под дерево в нескольких шагах от них и глядела оттуда, не испытывая ни малейшего раскаяния. Обычно она сразу же начинала сожалеть об опрометчивом поступке, но сейчас Том и Люси довели ее до того, что она была рада испортить им удовольствие – рада досадить так, чтобы всем стало плохо. Чего ей раскаиваться? Том ведь никогда не торопится ее простить, как бы она ни сокрушалась о том, что сделала.

– Подожди, мисс Мэрг, я все расскажу матери, – громко и выразительно произнес Том, как только Люси поднялась и была в состоянии идти домой.

Том не имел привычки ябедничать, но здесь справедливость просто требовала, чтобы Мэгги была строжайшим образом наказана, хотя Тому, конечно, и в голову не приходило выражать свою точку зрения в такой отвлеченной форме; он никогда не употреблял слова «справед-

¹⁸ Величиной (греч.).

ливість» и не имел ни малейшего понятия, что его стремление воздать каждому по заслугам может быть названо таким благородным именем. Люси была слишком потрясена постигшим ее несчастьем – ее хорошенькое платьице все испорчено, и так неприятно быть мокрой и грязной, – чтобы задумываться о причинах случившегося. Она совершенно не понимала, в чем ее вина, за что Мэгги могла на нее рассердиться; но ведь это гадко – так делать, и Мэгги просто злюка; потому она и не стала великодушно умолять Тома, чтобы он не говорил о Мэгги, и только жалобно плакала, семеня рядом с ним; а Мэгги сидела под деревом и глядела им вслед, как маленькая Медуза.

– Сэлли, – сказал Том, когда они появились в кухонной двери перед служанкой, так и застывшей с вилок для поджаривания гренков в руке и куском хлеба с маслом во рту, – Сэлли, скажи маме, что Мэгги толкнула Люси.

– Господи помилуй, где вы попали в этакую грязь? – воскликнула Сэлли, с гримасой отвращения наклоняясь, чтобы лучше разглядеть *corpus delicti*¹⁹.

Том не обладал столь живым и богатым воображением, чтобы в числе последствий предвидеть и этот вопрос, но не успели ему его задать, как он понял, к чему это может привести: в этом деле обвиняемой будет не одна Мэгги. Он спокойно вышел из кухни, предоставив Сэлли удовольствие самой доискиваться истины, что, как известно, деятельные умы предпочитают готовому ответу.

Сэлли, как вы знаете, в ту же минуту повела Люси в гостиную, ибо держать столь грязный предмет в комнатах Гэрум-Фёрза значило взять на себя ответственность, слишком тяжкую для одного человека.

– Боже милостивый! – издав нечленораздельный вопль, воскликнула тетушка Пуллет. – Не пускай ее дальше порога, Сэлли! Не давай ей сходить с клеенки, что бы там ни было!

– Батюшки, куда это она свалилась? – промолвила миссис Талливер, подойдя к Люси, чтобы посмотреть, насколько пострадало ее платье: она считала, что отвечает за это перед сестрой Дин.

– С вашего разрешения, мэм, это мисс Мэгги толкнула ее, – сказала Сэлли. – Мастер Том был здесь и рассказал мне; они, верно, ходили на пруд, больше им негде попасть в такую грязь.

– Видишь, Бесси! Что я тебе говорила? – произнесла миссис Пуллет грустно-пророческим тоном. – Вот они, твои дети; трудно себе представить, до чего они дойдут.

Миссис Талливер ничего не ответила; она чувствовала себя поистине несчастнейшей из матерей и, по обыкновению, мучилась мыслью, что люди сочтут все ее материнские горести заслуженной карой за грехи. Тем временем миссис Пуллет давала Сэлли сложные указания насчет того, как убрать грязь без серьезного урона для дома; кухарке велели подать чай в гостиную, а двое непослушных детей должны были быть с позором изгнаны на кухню. Миссис Талливер, полагая, что они где-нибудь поблизости, пошла побеседовать с ними, но, после некоторых поисков, нашла только Тома, который с довольно хмурым и независимым видом стоял, перегнувшись через белую ограду птичника, и концом веревки дразнил индюка.

– Том, гадкий мальчишка, где твоя сестра? – страдальческим тоном спросила миссис Талливер.

– Не знаю, – отрезал Том. Его горячее желание, чтобы Мэгги была наказана по заслугам, несколько остыло, поскольку он ясно увидел, что это вряд ли может быть осуществлено без незаслуженного осуждения его собственных поступков.

– Как, где же ты ее оставил? – заволновалась мать, оглядываясь по сторонам.

– Сидит под деревом возле пруда, – ответил Том, по-видимому безразличный ко всему, кроме индюка и веревки.

¹⁹ Вещественное доказательство (*лат.*).

– Сию же минуту отправляйся и приведи ее сюда, гадкий мальчишка! И как ты только додумался пойти на пруд и завести сестру в такую грязь? Ты ведь знаешь, что она непременно что-нибудь натворит, дай ей только случай.

Так уж повелось у миссис Талливер – если она даже бранила Тома, виноватой так или иначе оказывалась Мэгги.

Мысль о том, что Мэгги сидит в одиночестве у пруда, пробудила в душе миссис Талливер привычный страх, и она взобралась на скамейку – удостовериться, что злополучное чадо цело и невредимо, а Том направился – не слишком поспешно – к пруду.

– Этих детей так и тянет в воду, – громко произнесла миссис Талливер, не заботясь о том, что ее никто не слышит, – ох, утонут они когда-нибудь! Лучше бы мы жили от реки подальше.

Однако, когда она не обнаружила Мэгги, а вдобавок еще увидела, что Том возвращается один, – страх, постоянно тяготевший над ней, завладел ею целиком, и она поспешила навстречу сыну.

– Мэгги у пруда нет, нигде нет, – сказал Том, – она ушла.

Можно представить себе, какое поднялось волнение, как все бросились на поиски Мэгги и с каким трудом удалось убедить ее мать, что Мэгги не утонула. Миссис Пуллет заметила, что, кто знает, ребенок, пожалуй, кончит еще хуже, если останется в живых, а мистер Пуллет, смущенный и подавленный таким нарушением установленного порядка – чай отложен, и птица напугана непривычной беготней взад-вперед, – взял лопату в качестве орудия поисков и вынул ключ, чтобы отпереть курятник, – а вдруг Мэгги там?

По прошествии некоторого времени Том (не считая нужным сообщить, что сам он при подобных обстоятельствах поступил бы так же) высказал предположение, что Мэгги ушла домой, и мать его ухватилась за эту мысль как за якорь спасения.

– Ради всего святого, сестрица, вели заложить коляску и отвезти меня домой; даст бог, нагоним ее по дороге. И Люси не может идти пешком в своем грязном платьице, – добавила миссис Талливер, глядя на невинную жертву, которая сидела на диване босая, закутанная в шаль.

Тетушка Пуллет была готова на все, лишь бы поскорее восстановить в своем доме порядок и спокойствие, и не прошло и получаса, как миссис Талливер уже ехала в фаэтоне, с тревогой глядя вдаль. Мысль о том, что скажет отец, если Мэгги потерялась, господствовала в ее душе над всем прочим.

Глава XI

Мэгги пробует убежать от собственной тени

Замыслы Мэгги были, как обычно, значительно шире, чем мог себе представить Том. Решение, созревшее у нее в уме, после того как скрылись из виду Том и Люси, не ограничивалось тем, что она просто уйдет домой. Нет, она убежит совсем – убежит к цыганам, и Том никогда больше ее не увидит. Идея эта ни в коей мере не была для Мэгги нова; ей так часто приходилось слышать: «форменная цыганка», «дикарка», что ей, когда она чувствовала себя несчастной, казалось, будто единственный способ спастись от насмешек, не выделяться из окружающей среды – это поселиться на выгоне в маленьком коричневом шатре. Она не сомневалась, что цыгане с радостью ее примут и будут относиться к ней с уважением, – ведь она знает куда больше их. Однажды она намекнула об этом Тому и предложила, чтобы он вымазал себе лицо в коричневый цвет и они убежали бы вместе, но Том с презрением отверг этот план, заметив, что все цыгане – воры, что живут они впроголодь и ездить им приходится только на ослах. Однако сегодня Мэгги почувствовала, что страдания ее достигли того предела, за которым единственное прибежище – цыгане. Свое место у подножия дерева она покинула с сознанием, что наступил переломный момент в ее жизни: она убежит прямо на Данлоуский выгон, где, конечно, найдет цыган, а противный Том и остальные ее родственники, которые вечно ее за все бранят, никогда ее больше не увидят. Пустившись бежать, она подумала об отце, но примирилась с мыслью о разлуке с ним, решив, что пошлет ему тайком записку с цыганенком, который сразу скроется, не сказав, где она, и в ней сообщит отцу, что ей хорошо и она счастлива и по-прежнему его любит.

Мэгги скоро совсем запыхалась от бега, но к тому времени, как Том вновь добрался до пруда, она уже оставила позади три длинных поля и была у проселочной дороги, ведущей к большаку. Она остановилась на минутку перевести дух и подумала, что убежать не так уж приятно, пока не доберешься до самого места, где живут цыгане, но решимость ее не ослабела. Вскоре она вышла через ворота на незнакомый ей проселок – из дома в Гэрум-Фёрз они шли совсем другим путем, – но она чувствовала себя здесь в большей безопасности: теперь-то уж ее наверняка не догонят. Вскоре она не без страха заметила двух мужчин, идущих впереди нее по проселку. Она не подумала о том, что может встретить чужих людей: ее слишком поглощала мысль, что ее будут искать свои. Грозные незнакомцы были в потрепанной одежде, с красными, воспаленными лицами, у одного – узелок на палке через плечо. Мэгги боялась, что они неодобрительно отнесутся к ее бегству из дому, но, к ее удивлению, мужчина с узелком остановился и жалобно и вместе подобострастно спросил, нет ли у нее монетки для бедного человека. У Мэгги было в кармане шесть пенсов – подарок дядюшки Глегга, – которые она тут же вытащила и с вежливой улыбкой протянула этому «бедному человеку», надеясь, что он оценит ее щедрость.

– Больше денег у меня нет, – произнесла она, как бы извиняясь.

– Спасибо, маленькая мисс, – сказал мужчина менее благодарным и почтительным тоном, чем она ожидала; она даже заметила, как он ухмыльнулся и подмигнул товарищу.

Мэгги поспешила дальше, ощущая на затылке их взгляды, и тут же услышала их громкий смех. Ей вдруг пришло в голову, что они приняли ее за помешанную. Том ведь сказал, что с обрезанными волосами она похожа на дурочку; слова эти причинили ей слишком острую боль, чтобы она могла их легко забыть. К тому же она была без пальто, лишь в пелерине и капоре. Ясно, что в таком виде не произвести хорошего впечатления на прохожих. Поэтому Мэгги решила идти по полю, только по другую сторону проселка, чтобы не очутиться снова во владениях дядюшки Пуллета. Она свернула в первые ворота, которые оказались незапертыми, и, пробираясь вдоль изгородей, от всей души наслаждалась уединением после недавней унизи-

тельной встречи. Она привыкла бродить в одиночестве по полям и чувствовала себя там более уверенно, чем на большой дороге. Иногда ей приходилось перелезть через высокие ворота, но в том не было большой беды: она все дальше уходила от возможного преследования. Верно, скоро будет Данлоу-Коммон или какой-нибудь другой выгон; отец как-то говорил при ней, что, куда ни пойдешь, непременно наткнешься на выгон. Мэгги надеялась, что так оно и будет, – она очень устала и проголодалась, а пока не доберешься до цыган, вряд ли можно рассчитывать на хлеб с маслом. Было еще совсем светло, так как тетушка Пуллет, придерживаясь обычая Додсонов все делать пораньше, пила чай в половине пятого по солнцу и в пять по кухонным часам; и хотя с тех пор, как Мэгги пустилась в путь, прошло не меньше часа, на полях еще не начинали сгущаться сумерки и ничто не напоминало ей о приближении ночи. Все же ей казалось, что она, право, прошла очень много. И почему это, интересно, выгона все нет и нет? Она все еще не вышла за пределы Гэрума, богатого прихода со множеством пастбищ, и только раз увидела вдалеке человека. Это, пожалуй, было даже удачно, люди могли оказаться слишком невежественны, чтобы понять всю естественность ее желания попасть к цыганам; с другой стороны, неплохо бы встретить кого-нибудь, кто показал бы ей дорогу, не входя в расспросы о ее личных делах.

Наконец зеленые поля окончились, и Мэгги очутилась перед воротами, сквозь которые увидела проселок, окаймленный широкой полосой травы. Ей никогда раньше не приходилось видеть такого широкого проселка, и, неизвестно отчего, он навел ее на мысль, что выгон где-нибудь тут рядом; возможно, потому, что она заметила пасущегося на обочине осла с колодкой на ноге, а она видела как-то осла, так же безжалостно прикованного к месту, когда ехала с отцом в двуколке по Данлоу-Коммон. Мэгги пролезла между планками ворот и пошла дальше, несколько приободрившись, хотя ее и преследовали образы Аполлиона²⁰, и разбойника с пистолетом, и ухмыляющегося – рот до ушей – карлика в желтом, и другие самые разнообразные страхи. У бедной маленькой Мэгги отвага, вызванная охватившим ее порывом, уживалась с робостью, проистекавшей от слишком живого воображения. Очертя голову кинулась она в это рискованное предприятие – поиски неведомых родичей-цыган, а сейчас, когда очутилась в незнакомых местах, едва осмеливалась глядеть по сторонам из страха увидеть злого кузнеца в кожаном фартуке, который, подбоченясь, будет скалить на нее зубы. У нее испуганно забилось сердце, когда она заметила торчащие из-за бугра босые пятки; они показались ей чем-то отвратительным, сверхъестественным – какие-то копыта дьявола. Она была слишком возбуждена, чтобы сразу разглядеть, что их продолжением служит рваная одежда и голова, покрытая жесткой черной шевелюрой. Это был спящий мальчик, и Мэгги на цыпочках пробежала мимо, чтоб не разбудить его. Ей и на ум не пришло, что это один из ее друзей-цыган, который, по всей вероятности, окажет ей самый радушный прием. Но так оно и было, ибо за следующим поворотом дороги она и впрямь увидела струйку голубоватого дыма и небольшой черный шатер – убежище, которое должно было укрыть ее от всех тех позорных оскорблений, каким она подвергалась в цивилизованном мире. Она даже обнаружила у костра высокую женскую фигуру – это, несомненно, Старшая, цыганка-мать, в ведении которой находится чай и прочая бакалея; странно, почему это она, Мэгги, не чувствует особой радости? Мэгги очень удивило, что в конце концов она нашла цыган не на выгоне, а на дороге; по правде говоря, это ее даже разочаровало. Она не представляла себе жизни цыган иначе, как на таинственном бескрайнем выгоне с песчаными ямами, в которых можно прятаться и где до тебя никто не доберется. Однако она продолжала идти вперед, утешая себя мыслью, что цыгане, наверно, ничего не знают о полоумных, поэтому можно не опасаться, что они с первого взгляда примут ее, по ошибке, за помешанную. Она, по-видимому, уже привлекла к себе внимание, так как высокая фигура медленно двинулась ей навстречу. Это оказалась молодая цыганка с младен-

²⁰ *Аполлион* – дух тьмы, один из персонажей книги Беньяна «Путь паломника».

цем на руках; когда она подошла ближе, Мэгги не без страха глянула на нее и тут же успокоилась, подумав, что тетушка Пуллет и все прочие были правы, называя ее цыганкой: это лицо с блестящими черными глазами в обрамлении длинных волос действительно чем-то напоминало ту рожицу, которую она привыкла видеть в зеркале, пока не остриглась.

– Куда идешь, моя маленькая барышня? – спросила цыганка с угодливой почтительностью в голосе.

Это было удивительно приятно – как раз то, чего ожидала Мэгги. Цыгане сразу увидели, что она леди, и готовы были соответственно к ней относиться.

– К вам, – ответила Мэгги с таким чувством, будто повторяет слова, которые много раз говорила во сне. – Я пришла, чтобы жить с вами. Можно?

– Вот как славно! Ну, пойдем. Какая милая маленькая барышня! – сказала цыганка, беря ее за руку. Она очень понравилась Мэгги, только неплохо бы, если б она была почище.

Подойдя к костру, они застали там целую компанию. На земле, обхватив руками колени, сидела старая цыганка и время от времени помешивала вертелом в круглом чугуне, распространившем аппетитный запах; два маленьких кудлатых цыганенка лежали ничком, опершись на локти, наподобие миниатюрных сфинксов; безмятежный осел тянулся мордой к высокой девочке, которая, развалившись на земле, чесала ему нос и угощала, к его великому удовольствию, превосходным ворованным сеном. Косые лучи заходящего солнца ласково освещали их, и Мэгги подумала, что эта сцена выглядит очень мило и уютно, только поскорей бы уж они накрывали на стол. Все будет совершенно чудесно, когда она научит их умываться и приохотит к чтению. Правда, ее несколько смутило, что молодая женщина заговорила со старухой на непонятном языке, а высокая девочка, кормившая осла, приподнялась и, не поздоровавшись с ней, во все глаза стала ее разглядывать. Наконец старуха сказала:

– Что, моя красавица, ты пришла, чтобы остаться с нами? Сядь и расскажи нам о себе.

Это было прямо как в книжке. Мэгги нравилось, что ее называют красавицей и обращаются с ней так почтительно. Усевшись, она начала:

– Я ушла из дому, потому что мне там плохо и я хочу быть цыганкой. Я буду жить с вами, если вы не против, и научу вас разным вещам.

– Ах ты, моя умница! – воскликнула женщина с ребенком, садясь рядом с Мэгги и пуская малыша поползать. – А какая у нее хорошенькая шляпка и платьице, – добавила она.

Сняв с Мэгги капор и рассматривая его, она сказала что-то старухе на незнакомом языке. Высокая девочка схватила капор и, ухмыляясь, напялила себе на голову задом наперед; но Мэгги твердо решила не подавать виду, что это ей неприятно.

– Я вовсе не хочу носить капор, мне больше нравится красный платок, как у вас, – сказала она, обращаясь к сидящему рядом новому другу. – У меня были длинные волосы, но я вчера их обрезала; я думаю, они скоро снова отрастут, – добавила она извиняющимся тоном, полагая, что цыгане, возможно, питают особое пристрастие к длинным волосам. В этот миг Мэгги даже забыла про голод – так ей хотелось снискать расположение цыган.

– О, какая славная маленькая барышня... и богатая, видно, – заметила старуха. – Ты, верно, живешь в красивом доме?

– Да, у нас очень хороший дом, и я очень люблю реку, где мы удим рыбу, только мне часто бывает грустно. Мне хотелось захватить с собой книги, но я, понимаете, очень торопилась. Я могу и так рассказать вам почти все, что там написано, я читала их много раз, вам понравится. И про географию могу – это про то, где мы живем, – очень интересно и может пригодиться. Вы слышали когда-нибудь о Колумбе?

У Мэгги засверкали глаза и вспыхнули щеки; она и впрямь принялась учить цыган, оказывать на них благотворное влияние. Цыгане слушали, несколько озадаченные; правда, их внимание отчасти было отвлечено содержимым ее кармана, который новая подруга Мэгги, сидевшая справа, опустошила, не доводя об этом до ее сведения.

– Это место, где ты живешь, моя маленькая барышня? – спросила старуха при упоминании о Колумбе.

– О нет! – ответила Мэгги, глядя на нее с некоторым сожалением. – Колумб был замечательный человек, он открыл полсвета; а на него надели цепи и очень плохо с ним обращались, понимаете... Об этом написано в моей книжке, где вопросы и ответы по географии... Но может, это слишком длинная история, чтобы рассказывать ее до чая... Мне так хочется есть!

Последние слова вырвались у Мэгги помимо ее воли; покровительственно-поучающий тон неожиданно сменился просто жалобным.

– Ах, она голодная, бедняжка, – сказала женщина помоложе. – Дайте ей чего-нибудь поесть... Ты прошла, верно, немалый путь, моя драгоценная. Где же твой дом?

– Я живу на Дорлкоутской мельнице... далеко отсюда, – ответила Мэгги. – Мой отец – мистер Талливер; только он не должен знать, где я, а то он снова заберет меня домой. А где живет цыганская королева?

– Что? Ты хочешь отправиться к ней, моя ягодка? – спросила молодая цыганка.

Высокая девочка меж тем не отрывала от Мэгги глаз и во весь рот ухмылялась. Ее манеры, конечно, трудно было назвать приятными.

– Нет, – сказала Мэгги, – я просто думала, что, если она не очень хорошая королева, вы будете рады, когда она умрет, и вы сможете выбрать другую. Если бы я была королевой, я была бы очень хорошей королевой, доброй ко всем.

– Вот тебе вкусненький кусочек, поешь. – И старуха протянула ей краюшку черствого хлеба, которую вынула из мешка с объедками, и ломтик копченой грудинки.

– Спасибо, – сказала Мэгги, взглянув на грудинку, но не притрагиваясь к ней. – Не дадите ли вы мне лучше хлеба с маслом и чаю? Я не люблю грудинки.

– У нас нет ни чая, ни масла, – проворчала старуха, бросив на нее довольно хмурый взгляд; видно, ей уже прискучило улаживать Мэгги.

– Тогда, может быть, немного хлеба с патокой? – сказала Мэгги.

– Нет у нас никакой патоки, – сердито проговорила старуха, после чего между двумя женщинами завязался громкий разговор на незнакомом языке, а один из маленьких сфинксов схватил хлеб с грудинкой и стал его уплетать.

В это время высокая девочка, отошедшая было в сторону, вернулась с каким-то известием, которое произвело большой переполох. Старуха, видимо забыв, что Мэгги голодна, с новым рвением принялась мешать в чугуне, а молодая залезла под брезент и вытащила из шатра несколько тарелок и ложек. Мэгги задрожала и со страхом подумала, что вот-вот расплачется. Тут высокая девочка издала пронзительный клич, и вскоре к ним подбежал мальчик, мимо которого прошла по пути сюда Мэгги, – шустрый маленький дикарь примерно того же возраста, что и Том. Он вытаращил глаза на Мэгги, и все быстро о чем-то заговорили. Она почувствовала себя такой одинокой: еще немножко – и из глаз ее брызнут слезы. Цыгане как будто вовсе не замечали ее, и она показалась себе совсем маленькой и слабой. Но подступившие было слезы высохли от страха, когда к ним подошли двое мужчин, приближение которых и вызвало всю эту суматоху. Старший из них держал в руке мешок. Кинув его на землю, он заговорил с женщинами громким ворчливым голосом; в ответ посыпался град визгливых ругательств. К Мэгги с лаем подбежала черная дворняга, повергнув ее в трепет, который еще усилился, когда мужчина помоложе с проклятьями отогнал собаку, ударив ее толстой палкой.

Мэгги чувствовала, что никогда не могла бы она быть королевой у этих людей, не могла бы просвещать их занимательными и полезными рассказами.

Теперь мужчины, по-видимому, расспрашивали о Мэгги. Они смотрели на нее, и разговор приобрел мирный характер, как это бывает, когда одна сторона проявляет любопытство, а другая в состоянии его удовлетворить. Наконец молодая женщина сказала своим прежним, подобострастным тоном:

– Эта славная маленькая барышня пришла, чтобы жить с нами. Вы рады, правда?

– Да, очень, – отозвался мужчина помоложе, рассматривая серебряный наперсток Мэгги и прочие мелочи, извлеченные у нее из кармана. Все это, за исключением наперстка, он, что-то сказав, вернул молодой женщине, и та немедленно положила обратно в карман Мэгги, а мужчины сели на землю и рьяно принялись за тушеное мясо с картофелем, которое старуха, сняв котел с огня, вывалила на желтое деревянное блюдо.

Мэгги подумала, что Том, вероятно, был прав насчет цыган: они, конечно, воры, если только мужчина не собирается впоследствии вернуть ей наперсток. Она охотно подарила бы его, она вовсе не так уж привязана к своему наперстку, но мысль, что она находится среди воров, испортила ей все удовольствие от того, что к ней вновь стали выказывать внимание и уважение. Все воры, кроме Робин Гуда, гадкие люди.

Женщины заметили, что она напугана.

– У нас нет ничего вкусного, чтобы дать барышне, – сказала старая цыганка льстивым тоном. – А она так голодна, сахарная моя.

– Ну-ка, ягодка, попробуй: может, съешь немного вот этого, – проговорила молодая, протягивая Мэгги коричневую тарелку с тушеным мясом и железную ложку.

Мэгги, помня, что старуха рассердилась на нее за хлеб с грудинкой, не посмела отказать, хотя от страха у нее пропал аппетит. Ах, если бы отец проехал мимо в своей двуколке и забрал ее! Или хотя бы Джек Истребитель Великанов²¹, или мистер Великодушное Сердце²², или святой Георгий²³, поражающий копьём дракона, как это нарисовано на полупенсах, случайно оказались здесь! Но, подумала Мэгги, совершенно упав духом, этих героев ни разу не встречали в окрестностях Сент-Огга... там никогда не случалось ничего чудесного.

Мэгги Талливер, как вы видите, отнюдь не была такой высокообразованной молодой особой, какими неизбежно становятся восьми-девятiletние маленькие женщины в наши дни. Она всего один год ходила в школу в Сент-Огге, и у нее было так мало книг, что иногда она читала словарь. Рассматривая, что содержится в этой головке, вы столкнулись бы с самым неожиданным невежеством наряду с самыми неожиданными познаниями. Она могла бы сообщить вам, например, что существует такое слово, как «полигамия», а поскольку она была также знакома со словом «полисемия» – «многозначность», то вывела заключение, что «поли» означает «много»; но ей и на ум не приходило, что цыгане могут испытывать нужду в бакалейных товарах, и вообще голова ее была набита забавнейшей смесью самых разумных понятий и самых безумных фантазий.

Ее взгляд на цыган претерпел за последние пять минут разительные изменения. Если ранее она считала, что они станут почтительно к ней относиться и с удовольствием будут внимать ее поучениям, то теперь у нее возникла мысль – не хотят ли они ее убить, как только стемнеет, и, разрубив на куски, пустить потом на жаркое. У нее вдруг появилось подозрение, что старик со свирепыми глазами на самом деле – нечистый дух и может в любую минуту, сбросив свою прозрачную личину, превратиться в ухмыляющегося кузнеца или в огнеглазое чудище с крыльями дракона. Нечего было и пытаться проглотить хоть кусочек тушеного мяса, а вместе с тем больше всего на свете она боялась обидеть цыган, обнаружив свое крайне нелестное о них мнение; с интересом, в котором ее не мог бы превзойти даже самый ревностный богослов, она раздумывала над тем, угадал бы нечистый ее мысли, если бы он действительно был среди них.

– Что, тебе не нравится, как это пахнет, душечка? – сказала молодая цыганка, заметив, что Мэгги не прикоснулась к еде. – Съешь немножко, ну постарайся.

²¹ Герой английской народной сказки.

²² Герой английских баллад.

²³ Христианский святой Георгий Победоносец изображался на английских монетах достоинством в полпенни в единоборстве с дьяволом, принявшим облик дракона.

– Нет, благодарю вас, – с принужденной улыбкой промолвила Мэгги, призывая все свое мужество для отчаянного шага. – Боюсь, у меня больше нет времени: кажется, уже темнеет. Думаю, я пойду сейчас домой и приду снова в другой раз, тогда я смогу принести вам корзину пирожков с вареньем и еще разных разностей.

Выдвинув этот невероятный проект, она встала, всем сердцем надеясь, что Аполлиона можно провести, но надежда ее угасла, когда старая цыганка сказала:

– Подожди-ка, подожди, маленькая барышня, мы сами отвезем тебя домой в целости и сохранности, когда поужинаем. Поедешь верхом, как настоящая леди.

Мэгги снова села, не очень-то полагаясь на это обещание, однако вскоре она увидела, как высокая девочка надела на осла уздечку и кинула ему на спину пару мешков.

– Ну-ка, маленькая мисс, – обратился к ней мужчина помоложе, поднимаясь с земли и подводя к ней осла, – скажи нам, где ты живешь. Как называется ваше место?

– Я живу на Дорлкоутской мельнице, – волнуясь, проговорила Мэгги. – Мой отец – мистер Талливер; там наш дом.

– Что?! Большая мельница, не доезжая Сент-Огга?

– Да, – сказала Мэгги. – Далеко это? Я бы лучше пошла пешком, если можно.

– Нет, нет, скоро стемнеет, нужно торопиться. А на осле тебе будет очень удобно, вот посмотришь.

И, подняв Мэгги, он посадил ее на осла. Она почувствовала облегчение при мысли, что с ней, по всей видимости, поедет не старик, но боялась даже надеяться, что везут ее действительно домой.

– Вот твой хорошенький капор, – сказала молодая цыганка, надевая ей на голову этот прежде презираемый, а теперь столь желанный предмет туалета, – и ты расскажешь, как хорошо мы с тобой обращались, правда? И называли тебя славной маленькой барышней.

– О да, благодарю вас! – воскликнула Мэгги. – Я вам очень обязана. Но мне бы хотелось, чтобы вы тоже поехали со мной. – Она подумала – все лучше, нежели остаться с глазу на глаз с одним из этих ужасных мужчин; куда приятней, если тебя зарежет целая компания.

– Так, значит, я тебе больше нравлюсь? – улыбнулась женщина. – Но я не могу с вами идти, мне за вами не угнаться.

Оказалось, что и мужчина едет на том же осле, позади Мэгги, и, хотя даже самый страшный сон не мог бы привести ее в большой трепет, она была столь же бессильна воспротивиться этому, как и сам осел. Женщина, похлопав ее по спине, сказала «до свидания», и серый, сразу уразумев, на что намекает палка хозяина, мелкой рысцой пустился по проселку в ту сторону, откуда Мэгги пришла за час до того, а высокая девочка и растрепанный мальчишка, тоже вооруженные палками, услужливо сопровождали их первую сотню шагов, визгом и ударами понукая осла.

Даже Ленора²⁴ во время своей фантастической полночной скачки с призраком-возлюбленным не была так напугана, как бедняжка Мэгги во время совершенно прозаической поездки на трусющем рысцой осле, с цыганом, рассчитывающим заработать полкроны. Красный свет заходящего солнца, чудилось ей, таил в себе что-то зловещее, с чем, безусловно, был связан тревожный крик второго осла, того, что с колодкой на ноге. Две низкие, крытые соломой хибарки – единственное жилье на этом проселке – казалось, только усиливали мрачность картины. У них были крошечные оконца и двери на запоре. Вполне возможно, что там жили ведьмы, и Мэгги вздохнула с облегчением, когда осел проехал мимо.

Наконец – о радость! – этот проселок, самый длинный на свете, стал подходить к концу и уперся в широкую дорогу, по которой как раз проезжал дилижанс! А на перекрестке стоял столб – она, несомненно, видела его раньше – с дощечкой: «До Сент-Огга две мили». Значит,

²⁴ Ленора – героиня одноименной баллады немецкого поэта Бюргера (1747–1794).

цыган действительно везет ее домой. Возможно, он, в конце концов, неплохой человек и, вероятно, обиделся, что она не хотела с ним ехать. Мысль эта все сильнее овладевала Мэгги, по мере того как она с несомненностью убеждалась в том, что дорога ей хорошо знакома; она ломала себе голову, как бы ей начать разговор с оскорбленным ее недоверием цыганом и не только убоготворить его, чтобы он перестал обижаться, но стереть даже самую память о своей трусости, и тут – они как раз подъезжали к перекрестку – Мэгги увидела мужчину верхом на лошади с белой мордой.

– Остановитесь, остановитесь! – закричала она. – Это мой отец! О, отец, отец!

Внезапная радость обожгла ее, как боль, и, прежде чем отец успел подъехать, она рыдалась. Можно представить себе удивление мистера Талливера: он ехал кружным путем из Бассета и дома еще не был.

– Как, что это значит? – спросил он, придерживая лошадь.

Мэгги, соскользнув с осла, подбежала к нему и ухватила за стремя.

– Маленькая мисс, верно, заблудилась, – сказал цыган. – Она пришла к нашему шатру в конце Данлоу-лейн, и я вез ее домой. Немалый путь, после того как пробудешь на ногах весь день.

– Да, отец, он такой добрый, он повез меня домой, – подхватила Мэгги, – очень добрый, хороший человек.

– Что ж, держи, любезный, – сказал мистер Талливер, вынимая пять шиллингов. – Ты честно заработал эти деньги. Что бы я делал без моей дочки! Ну-ка, подсади ее в седло... Что же это, Мэгги, как это ты? – начал он, когда они снова двинулись к пути и Мэгги, тихо всхлипывая, прижалась к груди отца. – Как это вышло, что ты заблудилась?

– Ах, отец, – всхлинула Мэгги, – я убежала, потому что была так несчастна: Том на меня сердился. Я не могла этого вынести.

– Фу, фу! – произнес мистер Талливер, успокаивая ее. – Разве можно убежать из дома? Что станет делать отец без своей дочки?

– О, я никогда больше не убегу, отец, – ни за что!

Когда мистер Талливер добрался в тот вечер домой, он без обиняков выразил свое мнение о случившемся, и это привело к удивительному результату: Мэгги не услышала по поводу этой глупой истории – побега к цыганам – ни одного упрека от матери, ни одной насмешки от Тома. Она была потрясена, даже несколько испугана таким непривычным обхождением. Наверно, она поступила так дурно, что об этом и упоминать нельзя.

Глава XII

Мистер и миссис Глегг у себя дома

Для того чтобы увидеть мистера и миссис Глегг у них дома, мы должны перенестись в Сент-Огг – этот освященный веками город с крышами из красной черепицы и широкими фронтонами портовых складов, где черные корабли разгружаются от привезенных с дальнего севера товаров, а взамен увозят драгоценные изделия из внутренних графств – плотно спрессованный сыр и шелковистую овечью шерсть, с которыми мои благородные читатели, несомненно, знакомы по античным буколикам.

Это один из тех старых-старых городков, которые кажутся нам таким же феноменом природы, как гнездо райской птицы или извилистые галереи муравейника, – город, где следы роста, следы его долгой истории запечатлелись, как кольца тысячелетнего дерева, – город, который возник между рекой и низким холмом и уже стоял там в те далекие времена, когда римские легионы поспешно покидали раскинутый на косогоре лагерь и свирепые длинноволосые викинги поднимались по реке, жадными глазами глядя на тучные земли. Это город, «знакомый с давно забытыми годами». Здесь время от времени является тень саксонского короля-героя²⁵, обзирающего места своих юношеских забав и любовных приключений, здесь встречается его мрачный дух грозного вождя язычников-скандинавов, заколотого в кругу своих воинов мечом невидимого мстителя, – дух, который осенними вечерами поднимается белым туманом с могильного кургана на холме и парит во дворе Старого замка у реки – место, где вождь был таким таинственным образом убит в те дни, когда Старого замка и не существовало. Строить этот прекрасный Старый замок начали еще норманны. Как и самый город, он рассказывает нам о замыслах и мастерстве разделенных веками поколений; там все – седая старина, и потому мы смотрим со снисходительной улыбкой на разноряд в отдельных его частях и благодарны творцам каменного крытого балкона, и зодчим готического фасада, и создателям башен искуснейшей кирпичной кладки с орнаментом из трилистника, и окон с каменными наличниками, и каменных зубцов на стенах – за то, что они не совершили святотатства – не снесли древних, наполовину бревенчатых стен, за которыми помещался пиршественный зал с потолком из дубовых балок.

Но возможно, еще более древнего происхождения кусок стены, сейчас вмурованный в колокольню приходской церкви, который, как считают, остался от самой первой часовни, построенной в честь святого заступника этого старинного городка, Огга, чья история известна мне в нескольких версиях. Я склоняюсь к самой краткой, поскольку если и не все в ней истинная правда, то, по крайней мере, меньше выдумки. «Огг, сын Беорла, – повествуется в одном из имеющихся у меня манускриптов, – был лодочник; он зарабатывал свое скудное пропитание тем, что перевозил людей через реку Флосс. И случилось однажды вечером, когда дул сильный ветер, что на берегу реки сидела женщина с младенцем и тяжело вздыхала; и одета она была в рубище, вид имела измученный и изнуренный и умоляла перевезти ее через реку. И мужчины, которые там были, так ее спрашивали: „Почему желаешь ты пересечь реку? Подожди утра, пробудь ночь под кровом, и ты поступишь мудро, а не глупо“. Но она продолжала сетовать и умолять их. И Огг, сын Беорла, подошел к ним и сказал: „Я перевезу тебя, если этого жаждет твое сердце“. И он перевез ее через реку. И случилось так: когда ступила она на берег, рубище ее превратилось в ниспадающие белые одежды и лицо засияло неземной красотой, а вокруг него встал нимб и осветил воду, как луна в полнолуние. И она сказала: „Огг, сын Беорла, будь благословен за то, что не спрашивал ни о чем и не спорил с желанием сердца, но покорился

²⁵ Подразумеваются король англосаксов Альфред (король Англии с 871 г.), героически боровшийся с набегами данов, и один из вождей нашествия скандинавов на Британские острова в IX в.

жалости и облегчил чужую боль. Отныне и до века тот, кто ступит в твою ладью, не погибнет от бури; и когда она пустится на помощь погибающим, она спасет жизнь и людям, и животным“. И вот, стоило воде подняться, многих спасало это благословение, данное лодке. Но когда Огг, сын Беорла, умер, в тот миг, заметьте, когда душа его расставалась с телом, лодка сама снялась с якоря, и была тут же унесена отливом в океан, и пропала бесследно. Однако говорят, что в позднейшие годы во время наводнения Огг, сын Беорла, с наступлением вечера всегда появлялся на широко разлившихся водах, и Святая Дева сидела на носу лодки, освещая все вокруг, как луна в полнолуние, и гребцы, заметив ее в сгушающемся мраке, укреплялись духом и с новым рвением брались за весла».

Как видите, из этой легенды явствует, что уже в стародавние дни людям ниспосылалась эта «Божья кара» – наводнения, которые, даже если не губили человека, были роковыми для беспомощного скота и сметали с лица земли всю мелкую тварь. Но город знал и более тяжкие бедствия, чем наводнения, – бедствия гражданских войн. Долгие годы он был полем боя, где сперва пуритане возносили хвалу Господу за кровь роялистов, а затем роялисты – за кровь пуритан. В ту пору не один честный горожанин лишился всего своего достояния, не желая поступиться совестью, и нищим покидал родные места. Еще и сейчас стоят многие дома, из которых с грустью уходили эти честные горожане, – дома с причудливыми крышами и окнами на реку, сжатые портовыми складами более поздней постройки, дома со множеством самых удивительных переходов, которые то и дело круто заворачивают, пока наконец не выведут вас на топкий берег, постоянно заливаемый бурным приливом. Кирпич домов давно потемнел, и во времена миссис Глеэг вы нигде бы еще не нашли неуместного новомодного щегольства, никаких зеркальных стекол в витринах лавок, никакой штукатурки на стенах или иной ложной попытки придать превосходному старому красному Сент-Оггу вид города, возникшего только вчера. Витрины были маленькие и без претензий, так как жен и дочерей фермеров, приезжавших за покупками раз в неделю, ничто не могло заставить изменить хорошо известным им лавкам, куда они ходили из года в год, а лавочники не интересовались покупателем, который заглянет разок по пути – и поминай как звали. Ах! Даже времена миссис Глеэг кажутся сейчас давним прошлым; происшедшие перемены отодвинули их далеко назад. Война и толки о войне ушли уже тогда из памяти людей, и если фермеры в выгоревших коричневых куртках, стоя на гудящей от множества народа рыночной площади, иногда и вспоминали о ней, вытряхивая зерно из мешочков с образцами, то лишь как о далеком золотом веке, когда держались высокие цены на хлеб. Да, прошли те времена, когда широкая река могла принести к городу корабли непрощенных гостей. Россия стала просто местом, откуда привозят льняное семя – чем больше, тем лучше, – идущее на маслобойни, где тяжелые толчеи, словно огромные живые чудовища, с грохотом размельчают его и отвеивают прочь шелуху. Католики, плохой урожай и таинственные колебания рынка – вот те бедствия, коих только и приходилось опасаться человечеству; даже наводнения за последние годы были не так сильны. Сент-Огг не заглядывал мысленным оком далеко вперед, не оглядывался назад. Он получил в наследство большое прошлое, но не задумывался над ним и не видел призраков, бродивших по улицам. С тех пор как на разлившихся водах Флосса видели святого Огга и Божью Матерь на носу его лодки, многое стало воспоминанием, а затем постепенно совсем растаяло, как уходящие вдаль вершины холмов. Настоящее же было как плоская равнина, где люди перестают верить в существование вулканов и возможность землетрясений и живут убежденные, что завтра ничем не будет отличаться от вчера и что гигантские силы, потрясавшие раньше мир, уснули вечным сном. Прошли те дни, когда в жизни людей такое место занимала вера, а тем более дни, когда они могли сменить ее. Католики были страшны потому, что, дай им волю, они захватили бы власть и хозяйство страны и жгли бы людей живьем, а не потому, что хоть одного здравомыслящего и честного горожанина Сент-Огга можно было обратить в веру папы римского. Один старожил еще помнил,

в какой экстаз приходила толпа, когда на скотном рынке проповедовал Джон Уэсли²⁶; но уже давно от проповедников не ждали, что они будут потрясать души людей. Случайная вспышка красноречия на кафедрах диссидентов по вопросу о крещении младенцев была единственным проявлением религиозного пыла, остывшего в нынешние трезвые времена, когда люди по горло сыты переменами. Протестантизм чувствовал себя совершенно спокойно, позабыв о ересях, не заботясь о прозелитах; принадлежность к секте переходила от отцов к детям вместе с фамильными скамьями в церкви и деловыми связями, и правоверные протестанты глядели на диссидентизм с презрительным недоумением, как на глупый обычай, который держался в семьях, занимавшихся главным образом торговлей бакалейным и мелочным товаром, хотя он ничуть не мешал и успешным оптовым сделкам. Но католический вопрос поднял легкий ветерок споров, нарушивший долгий штиль. Почтенный приходской пастор в своих поучениях стал пускаться в исторические экскурсы и дискуссии с воображаемым противником, а мистер Спрей, священник-индепендент, начал произносить политические проповеди, в которых он с пламенной верой и большой тонкостью доказывал, что, с одной стороны, католикам должно иметь политические права, с другой – им должно гореть в геенне огненной. Но большинство его слушателей было не способно уловить все эти тонкости; одни старозаветные диссиденты сожалели, что он взял сторону католиков, другие полагали, что лучше бы ему оставить политику в покое. Служение общественным интересам не слишком высоко ставилось в Сент-Огге, и к людям, толкующим о политике, относились несколько подозрительно, считая их опасными субъектами. Среди них мало кто имел собственное дело, а если и имел, то ему, конечно, скоро грозило банкротство.

Таково было общее положение вещей в Сент-Огге в дни миссис Глегг, и в частности в тот самый период истории семейства Додсон, когда она поссорилась с мистером Талливером. Это было время, когда невежество жило куда более покойно, чем сейчас, и со всеми почестями принималось в самом лучшем обществе, не будучи вынуждено рядиться в замысловатые одежды знания; время, когда еще не в ходу были дешевые журналы и когда сельскому врачу и в голову не приходило спрашивать своих пациенток, любят ли они книги, так как он не сомневался, что они предпочитают сплетни; время, когда леди в богатых шелковых платьях носили в кармане баранью косточку как средство от судорог. Миссис Глегг тоже получила такую косточку в наследство от бабушки, вместе с парчовым платьем, которое могло стоять само по себе, наподобие рыцарских доспехов, и тростью с серебряным набалдашником, – семья Додсон считалась уважаемой уже многие поколения.

В превосходном доме миссис Глегг в Сент-Огге была парадная гостиная и другая, внутренняя, и, таким образом, было два наблюдательных пункта, с которых она могла изучать слабости своих ближних и укрепляться в чувстве благодарности за дарованную ей беспримерную силу духа. Из фасадного окна она могла видеть Тофтон-роуд, проходившую через весь Сент-Огг, и отмечать растущую тенденцию «болтаться по улицам» у жен еще не удалившихся на покой сентоггцев, а также новую моду носить бумажные вязаные чулки, что сулило мрачные перспективы будущим поколениям; из заднего же окна – смотреть на прекрасный цветник и фруктовый сад, спускающийся к реке, и наблюдать за чудачествами мистера Глегга, тратящего время на «эти цветы и овощи». Удалившись от дел, дабы до конца дней своих наслаждаться покоем, мистер Глегг нашел это занятие настолько более утомительным, нежели торговля шерстью, что был вынужден для развлечения взяться за тяжелый физический труд и, как правило, отдыхал, работая за двух садовников. То, что они, благодаря этому, сэкономили на работнике, могло бы, возможно, заставить миссис Глегг смотреть сквозь пальцы на причуды мистера Глегга, если бы хоть одна женщина здравого ума была способна, пускай для виду, отнестись с уважением к коньку своего мужа. Но всем известно, что подобная супружеская снисходи-

²⁶ Джон Уэсли (1703–1791) – проповедник, основатель религиозной секты методистов.

тельность присуща только слабейшей части слабого пола, которая вряд ли ясно сознает, в чем состоят обязанности супруги, и не понимает, что жене назначено обуздывать своего мужа в удовольствиях, которые почти никогда не бывают разумными и достойными похвалы.

У мистера Глегга, в свою очередь, было два источника для упражнения ума, которые обещали быть неиссякаемыми. С одной стороны, его повергали в изумление собственные открытия в области естествознания: он обнаружил, что в его небольшом саду водятся удивительные гусеницы, слизняки и насекомые, которые, насколько ему было известно, никогда раньше не привлекали к себе внимания человека, и он заметил знаменательную связь между этими зоологическими диковинами и великими событиями своего времени, – например, перед тем как сгорел Йоркский кафедральный собор, на листьях роз появились странные извилистые следы и как никогда много развелось слизняков – феномены, необъяснимые для него, пока мрачное зарево этого пожара не пролило на них свет. (Мистер Глегг обладал необыкновенно деятельным умом, который, освободившись от забот, связанных с торговлей шерстью, естественно, стал искать себе другого применения.) Вторым объектом его раздумий была «супротивность» женской натуры, типичным примером чего служила миссис Глегг. То, что существо, созданное – в генеалогическом плане – из ребра мужчины и достигшее таким образом высот респектабельности, хотя оно не приложило к этому ни малейших усилий, непременно должно возражать против самых вежливых предложений и даже против самых предупредительных уступок, было для него тайной мироздания, ключ к которой он часто и напрасно искал в первых главах Книги Бытия. Мистер Глегг избрал старшую мисс Додсон как благообразное воплощение женского здравомыслия и бережливости и, сам имея склонность к стяжанию и откладыванию впрок, рассчитывал на гармонию в супружеской жизни. Но с этим любопытным конгломератом – женским характером – легко случается, что, несмотря на превосходные ингредиенты, готовое блюдо трудно назвать лакомым; и даже высокосортная систематическая расчетливость может быть сдобрена такой приправой, которая совершенно испортит весь вкус. Так вот, у почтенного мистера Глегга скупость проявлялась в самой приятной форме; соседи величали его «запасливым», что, по сути, означает «мягкосердечный скряга». Если вы упоминали при нем, что любите корки от сыра, он никогда не забывал сберечь их для вас, радуясь, что может этим доставить вам удовольствие, и имел привычку ласкать всех животных, на содержание которых не нужно было тратить. В мистере Глегге не было никакого лицемерия и притворства. Его глаза увлажнились бы от искреннего сочувствия при виде того, как распродают скорб какой-нибудь вдовы, хотя это можно было бы предотвратить при помощи пятифунтовой бумажки из его кармана; но денежный дар в пять фунтов «скромно живущей особе» казался мистеру Глеггу скорее безумным расточительством, нежели благотворительностью, которая всегда представлялась ему как раздача мелких пособий, а не как противодействие злой фортуны. Мистер Глегг пекся о чужих деньгах, как о своих собственных. Он сделал бы большой крюк, только бы не проезжать через заставу и не платить подорожный сбор, даже если бы расходы нес другой и его карману ничто не угрожало, и не скупился на красноречивые доводы, чтобы убедить малознакомых ему людей пользоваться вместо натуральной ваксы дешевым суррогатом. Эта неискоренимая привычка копить, ставшая самоцелью, была почти в такой же степени присуща трудолюбивым дельцам старого склада, медленно сколачивавшим свое состояние, как привычка выслеживать дичь присуща гончей. Они составляли особую породу, почти вымершую в наши дни быстрого обогащения, когда расточительность идет по пятам нищеты. В старые времена независимое положение можно было создать себе только при условии некоторой скупости, и в провинции вы могли бы найти это качество у людей с характером столь же различным, как различны фрукты, из которых добывается кислота. Истинные Гарпагоны встречались нечасто и сразу бросались в глаза; совсем другое дело – почтенные налогоплательщики, которые в прошлом ограничивали себя во всем из действительной необходимости, а впоследствии, даже удалившись от дел и живя в полном достатке, обладая собственным фруктовым садом и винным

погребом, сохраняли привычку рассматривать жизнь как хитроумный процесс удовлетворения своих насущных потребностей таким образом, чтобы это не наносило слишком заметного урона их состоянию, и которые с такой же готовностью отказались бы от обложенного налогом предмета роскоши сейчас, имея пятьсот фунтов чистого годового дохода, как в то время, когда эта сумма составляла весь их капитал. Мистер Глегг был один из их числа – один из тех, с кем так трудно было договориться министру финансов; и, зная это, вы лучше сможете понять, почему, несмотря на слишком острую приправу, которой природа сдобрила добродетели старшей мисс Додсон, он не отказался от убеждения, что избрал себе достойную подругу жизни. Человек с мягким сердцем, считающий, что жизненные устои его жены отвечают его основным принципам, легко может убедить себя в том, что ни одна женщина не подошла бы ему лучше, и, бранясь и ссорясь с ней каждый день, отнюдь не перестает питать к ней добрые чувства. Будучи склонен к раздумьям и не занятый более шерстью, мистер Глегг немало удивлялся особому складу женского ума, раскрывавшемуся перед ним в его семейной жизни, и вместе с тем в области домашнего хозяйства он считал миссис Глегг образцом для всего женского пола. Ему казалось достойным жалости нарушением всех правил, если салфетки скатывались не так туго и демонстративно, как у миссис Глегг, если пироги не напоминали подошву, а пастила – почтенную окаменелость; да что там – даже специфическая смесь съедобных и лекарственных ароматов в особом буфете миссис Глегг представлялась ему единственно подходящим запахом для буфета. Я не уверен, что он не соскучился бы, если бы хоть неделя прошла без ссоры; уступчивая, кроткая жена, безусловно, не давала бы ему такой пищи для размышлений и лишила бы их остроты.

Несомненное мягкосердечие мистера Глегга проявлялось и в том, что его гораздо больше огорчали ссоры жены с кем-нибудь другим – даже с Долли, служанкой, – чем их собственные разногласия; и размолвка миссис Глегг с мистером Талливером была так ему неприятна, что совершенно свела на нет удовольствие, которое он мог получить от прекрасного вида своей ранней капусты, когда на следующее утро вышел в огород. Все же, отправляясь завтракать, он лелеял слабую надежду, что за ночь миссис Глегг остыла и гнев ее смягчился, уступив место ее твердым принципам относительно семейного декорама. Она обычно хвалилась тем, что между Додсонами сроду не бывало таких смертельных ссор, какие позорили другие семейства, что ни одного из Додсонов еще не лишали наследства и не отказывались считать членом семьи, да и с чего бы, если у всех, даже дальних родственников, водились деньжонки или, на худой конец, были собственные дома?

Одно облачко, нависавшее над челом миссис Глегг по вечерам, обычно исчезало, когда утром она садилась за завтрак. Это была ее пышно взбитая накладка; ведь, занимаясь по утрам домашними делами, было бы чистой нелепостью надевать модные локоны, вовсе излишние при приготовлении жестких булочек. К половине одиннадцатого приличия уже требовали накладки, а до тех пор миссис Глегг могла ее поберечь, и общество ничего бы об этом не узнало. Но отсутствие этого облачка дало возможность с полной ясностью увидеть, что облако враждебности осталось. Садясь за овсянку с молоком, которою мистер Глегг из присущей ему с детства умеренности привык утолять по утрам свой голод, он заметил это и благоразумно решил предоставить первое слово миссис Глегг, боясь, что малейшее прикосновение к такому нежному предмету, как женский норов, может иметь самые печальные последствия. Люди, склонные смаковать свое плохое настроение, обычно поддерживают его, принося никому не нужные жертвы. Таков был обычай и миссис Глегг. В это утро она налила себе слабого чая и отказалась от масла. Просто нестерпимо было при таком подходящем расположении духа, в полной боевой готовности воспользоваться малейшим поводом для ссоры, не услышать от мистера Глегга ни единого слова. Эдак не к чему и придаться! Но затем она, видно, нашла, что и молчание его может служить этой цели, так как обратилась к нему наконец тем самым тоном, который может быть свойствен лишь дражайшей половине:

– Ну, мистер Глегг, и это мне награда за то, что я столько лет была вам примерной женой! Ежели я должна терпеть такое обращение и дальше, лучше бы мне знать об этом до того, как умер мой бедный отец; я бы могла построить свой семейный очаг в другом месте, благо было из чего выбирать.

Мистер Глегг перестал есть и взглянул на нее не то чтобы с особым интересом, а просто с тем спокойным привычным изумлением, с которым мы относимся к загадкам природы:

– Помилуйте, миссис Глегг, да чем же я провинился на этот раз?

– Чем, мистер Глегг, чем провинились? Мне вас жаль.

Не найдя уместного ответа, мистер Глегг снова принялся за кашу.

– Есть на свете мужья, – продолжала, немного помолчав, миссис Глегг, – которые знают, что не пристало мужу брать сторону чужих людей против своей жены. Возможно, я ошибаюсь, и вы меня поправите, но я всегда слышала, что долг мужа – стоять за свою жену, а не радоваться и торжествовать, когда посторонние ее оскорбляют.

– Интересно, что дало вам повод так говорить? – довольно горячо сказал мистер Глегг. Человек он был добрый, но не такой все-таки кроткий, как ягненок. – Когда это я радовался и торжествовал?

– Есть вещи похуже, чем выложить все начистоту. По мне, лучше бы вы прямо в глаза сказали, что ни в грош меня не ставите, чем показывать, что все правы, а я не права, и приходиться утром к завтраку, когда я и часу в эту ночь глаз не сомкнула, и глядеть на меня свысока, будто я грязь у вас под ногами.

– Свысока, на вас? – спросил мистер Глегг раздраженно-ироническим тоном. – Вы ни дать ни взять как тот пьяный, который считает, что все, кроме него, хватили лишку.

– Не унижайте себя, обзывая меня непристойными словами, мистер Глегг! У вас при этом очень жалкий вид, хоть вам это и невдомек, – промолвила миссис Глегг с глубоким состраданием. – В вашем положении вам следовало бы служить для других примером и говорить более дельные вещи.

– Разумеется, да разве вы станете слушать дело? – колко отпарировал мистер Глегг. – Самое дельное, что я могу вам сказать, – это то, что говорил вчера: вы не правы, ежели потребуете назад свои деньги только потому, что слегка повздорили; куда лучше оставить все как есть, и я надеялся, что за ночь вы одумались. Но уж коли вам так приспичило взять их обратно, не спешите по крайности, не разжигайте еще сильнее вражду в семье и погодите, пока подвернется хороший заклад. А не то вам придется звать стряпчего, чтобы поместил куда-нибудь ваши деньги, и тратам конца-краю не будет.

Миссис Глегг почувствовала, что его слова не лишены резона, но вскинула голову и издала горлом какой-то неопределенный звук, означавший, что ее молчание – не более чем перемирие, а никак не мир. И действительно, военные действия вскоре возобновились.

– Я был бы вам благодарен, ежели бы вы налили мне чашечку, миссис Глегг, – сказал мистер Глегг, видя, что она не собирается предложить ему чаю, как делала обычно, когда он кончал с кашей.

Вскинув голову, она подняла чайник и сказала:

– Рада слышать, что вы будете мне благодарны, мистер Глегг. Не очень-то много благодарности я получаю на этом свете за то добро, что делаю людям, хотя в вашей семье, мистер Глегг, нет женщины, достойной стоять со мной рядом, и я повторила бы это даже на смертном одре. И меня нельзя упрекнуть, что я неучтивая с вашей родней, они и сами этого не скажут, а они мне неровня, никто не заставит меня отказаться от этих слов.

– Вы бы лучше не трогали мою родню, пока не бросили ссориться со своей собственной, миссис Глегг, – с едким сарказмом заметил мистер Глегг. – Не откажите в любезности передать мне молочник.

– Это самая грязная ложь, какую мне довелось услышать за всю мою жизнь, мистер Глегг, – произнесла леди, наливая ему молоко с несвойственной ей щедростью, словно хотела сказать: «Если вам угодно молока, получайте с лишком». – Вы и сами знаете, что ложь. Я не из тех, кто ссорится со своими родными. Не в пример вам.

– Да? А как же вы назовете то, что было вчера, когда вы с таким шумом ушли от своей сестры?

– С сестрой я не ссорилась, мистер Глегг, – и как только у вас язык поворачивается так говорить? Мистер Талливер мне не кровная родня, и это он первый стал нападать на меня и выгнал меня из дома. Но вам, может, больше пришлось бы по душе, коли бы я осталась, чтоб меня оскорбляли, мистер Глегг; может, вы недовольны, что не удалось послушать, как вашу жену поносят и обливают грязью? Но, разрешите сказать, это вам не делает чести.

– Ну слыхано ли было, хоть весь приход обойди, что-либо подобное? – воскликнул, разгорячившись, мистер Глегг. – Женщина живет как у Христа за пазухой, распоряжается своими деньгами по своей воле, будто это так и записано в брачном контракте, двуколка у нее заново обита и перетянута – а во сколько это встало? – и обеспечена после моей смерти, как и мечтать не могла, – и что же?! Накидывается и кусается, как бешеная собака! Уму непостижимо, как только Всевышний мог сотворить женщин такими! – Последние слова были произнесены со скорбным волнением. Мистер Глегг оттолкнул от себя чашку с чаем и обеими ладонями хлопнул по столу.

– Что ж, мистер Глегг, ежели вы так ко мне относитесь, хорошо, что я об этом узнала, – произнесла миссис Глегг, снимая салфетку и в превеликом возбуждении складывая ее. – Но ежели вы говорите, что я обеспечена, как и ожидать не могла, разрешите вам заметить, что я вправе была ожидать многого, чего и не увидела. А что до «бешеной собаки», – хорошо, коли всё графство не будет осуждать вас за ваше со мной обхождение, потому как я этого не могу стерпеть и не стерплю.

Здесь в голосе миссис Глегг послышались слезы, и, прервав свою речь, она изо всей силы дернула колокольчик.

– Долли, – поднимаясь с кресла, сказала она так, словно ее что-то душило, – разведите наверху огонь и спустите шторы. Мистер Глегг, будьте любезны заказать, что вы желаете на обед. Я буду есть овсянку.

Миссис Глегг прошла через комнату к маленькому книжному шкафу и, сняв с полки томик Бэкстера²⁷ «Вечный покой святых», унесла его с собой наверх. Эту книгу она обычно клала перед собой в особых случаях – в дождливые воскресные утра, или когда умирал кто-нибудь из родственников, или когда, как в данном случае, ее ссора с мистером Глеггом была на целую октаву выше обычного.

Но миссис Глегг унесла с собой наверх и еще кое-что, возможно послужившее вместе с Бэкстером и овсянкой к постепенному успокоению ее чувств, так что к тому времени, когда пришла пора пить чай, она была уже способна примириться с существованием на первом этаже. Отчасти на нее подействовал совет мистера Глегга не трогать лучше пятисот фунтов, пока не подвернется случай вложить их в выгодное дело, но, главное, помог брошенный им мимоходом намек на то, что он щедро обеспечил ее на случай своей смерти. Мистер Глегг, как все люди подобного склада, был крайне скрытен относительно завещания, и у миссис Глегг, когда она бывала в мрачном расположении духа, возникало предчувствие, что, подобно другим мужьям, о которых ей доводилось слышать, он затаил в душе низкое намерение усугубить ее печаль по поводу его кончины, оставив ее в нищете; она твердо решила, что в таком случае на шляпке ее почти не будет крепа и плакать она станет не больше, чем если бы он был ее вторым мужем. Но коли его завещание вправду засвидетельствует его теплые чувства, она с нежностью будет

²⁷ Нравоучительная книга английского пуританского проповедника Ричарда Бэкстера (1615–1691).

вспоминать о нем, бедняжке, когда его не станет, и даже его глупая возня с цветами, овощами и фруктами и бесконечные разглагольствования по поводу улиток будут казаться трогательными, когда им безвозвратно придет конец. Пережить мистера Глегга и тогда восхвалять его как человека хотя и подверженного слабостям, но по отношению к ней поступившего достойно, несмотря на многочисленных бедных родственников; чаще получать проценты на капитал и прятать их по разным уголкам, чтобы сбить с толку воров, даже самых искусных (для миссис Глегг держать деньги в банке или сейфе значило лишать себя всякого удовольствия – все равно что принимать пищу в таблетках), и, наконец, быть объектом почтительного внимания родных и соседей, на что может рассчитывать только женщина, объединившая в себе в прошедшем и настоящем достоинства, которые одни лишь приводят к положению «хорошо обеспеченной вдовы», – все это льстило ей и окрашивало будущее в более светлые тона. Меж тем добрый мистер Глегг, хорошенько поработав мотыгой, вернул себе обычное добродушие и, тронутый видом пустующего кресла жены с оставленным в уголке вязаньем, отправился к ней наверх и сообщил, что в церкви звонят по бедному мистеру Мортону, на что миссис Глегг великодушно ответила, будто между ними ничего и не произошло:

– А-а, ну, значит, кто-нибудь заполучит бойкое дельце.

К этому времени Бэкстер пролежал открытым по меньшей мере восемь часов – было уже около пяти: и если людям необходимо часто ссориться, им, естественно, не стоит слишком затягивать каждую ссору.

В этот вечер мистер и миссис Глегг вполне дружелюбно беседовали о Талливерах. Мистер Глегг согласился признать, что Талливер, конечно, сам напрашивается на неприятности и, вполне возможно, промотает свое состояние, а миссис Глегг, идя ему навстречу, объявила, что считает ниже своего достоинства обращать внимание на поступки такого человека и что ради сестры она оставит у него свои пятьсот фунтов еще на некоторое время, тем более что, отдав их под закладную, она будет получать только четыре процента.

Глава XIII

Мистер Талливер еще сильнее запутывает клубок жизни

Благодаря этому новому направлению мыслей миссис Глегг роль миротворицы оказалась для миссис Пуллет, приехавшей на следующий день, неожиданно легкой. Правда, миссис Глегг довольно резко ее оборвала, когда та вздумала указывать старшей сестре, как следует вести себя в семейных делах. Особенно оскорбительной показалась миссис Глегг ссылка миссис Пуллет на то, что некрасиво получится, если соседи станут говорить о ссоре в семье. Кабы добрая слава семьи зависела только от миссис Глегг, миссис Пуллет могла бы спать совершенно спокойно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.